

ЭЛЛА ЗЛАТОГОРСКАЯ

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ
ГОЛОСОК**

ИЛИ

МОНЕТИЗАЦИЯ ЛЮБВИ

Элла Златогорская

12+

Провинциальный ГОЛОСОК

или

Монетизация любви

Детективный роман

Из серии

«Юная пенсионерка расследует дело»

Книга 4

Санкт-Петербург, 2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
367

Главный редактор *А. Иванникова (Дементьева)*
Редактор, корректор *Е. Еришова*; Вёрстка *М. Дьяченко*
Художник-оформитель *А. Дьяченко*

Златогорская, Элла. Провинциальный голосок или Монетизация любви. Книга 4: Детективный роман. [Электронный ресурс] / **Э. Златогорская.** — Электрон. дан. — Санкт-Петербург: Издательский и книготорговый холдинг «СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО», 2024. — Режим доступа: платный. — Загл. с экрана.
ISBN 978-5-907720-21-3

Подписано к использованию: 10.01.2024.
Размер файла: 1,99 Мб.

**Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО»»**

Юридический адрес:
г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134,
корп. 9, литера А, офис 304/3
Дополнительный офис:
г. Москва, 2-я улица Энтузиастов, д. 5, офис 402/А
Официальный сайт: <https://slav-gos.ru/>
Официальная группа во ВКонтакте: <https://vk.com/slavyangos>
Адрес электронной почты: office.slav-gos@mail.ru
Тел.: +7 (977) 836-46-31

**УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445**

ISBN 978-5-907720-21-3

© Златогорская Э., текст, 2024
© Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО», 2024

Аннотация

Уважаемые читатели, представляем вашему вниманию новый детективный роман Эллы Златогорской «Провинциальный голосок или Монетизация любви». Это уже четвёртая книга автора из серии «Юная пенсионерка расследует дело».

И снова в романе захватывающие сюжеты, читая которые невозможно оторваться, потому что хочется наконец-то узнать, кто же убил певицу Лилиану.

Загадочное убийство произошло в курортном городке Морегорске, в доме певицы Лилии Шашковой.

Но кому стала выгодна или нужна смерть молодой и обаятельной певицы? На протяжении всего романа этот вопрос и стараются опять прояснить Элла Глебовна и майор Золотарёв, который старается не упустить каждую деталь в расследовании этого странного убийства.

В доме певицы, в котором и произошло убийство, проживали ещё и ближайшие родственники Лилианы: бабушка Галина Фёдоровна Гладкова — старая одинокая женщина, которой за уже 90 лет, её мама — Валентина Васильевна, её дети от второго брака — Матвей и Лёвушка, а также гражданский муж Валентины — Геннадий Кузнецов, на которого в итоге и пало первое подозрение в убийстве певицы. Просто потому, что перед случившимся событием Геннадий был пьян и крупно поссорился с Лилианой. К тому же певица просто ненавидела своего будущего отчима, так как не могла представить его в качестве нового мужа своей матери вместо её отца. Это порождало взаимную неприязнь певицы и Геннадия.

В двухэтажном особняке вместе с Лилианой ещё жила и прислуга: Пехлеви — садовник и помощник по дому, Асият — его жена, которая помогала по дому и ухаживала за

бабулей певицы и няня Татьяна, которая присматривала за сыновьями-близнецами певицы.

В ходе расследования вскрываются всё новые и новые факты злополучного убийства, а также интересные страницы из биографии главных героев этой книги. Захватывающие сюжеты из жизни каждого героя не дают заскучать за чтением книги.

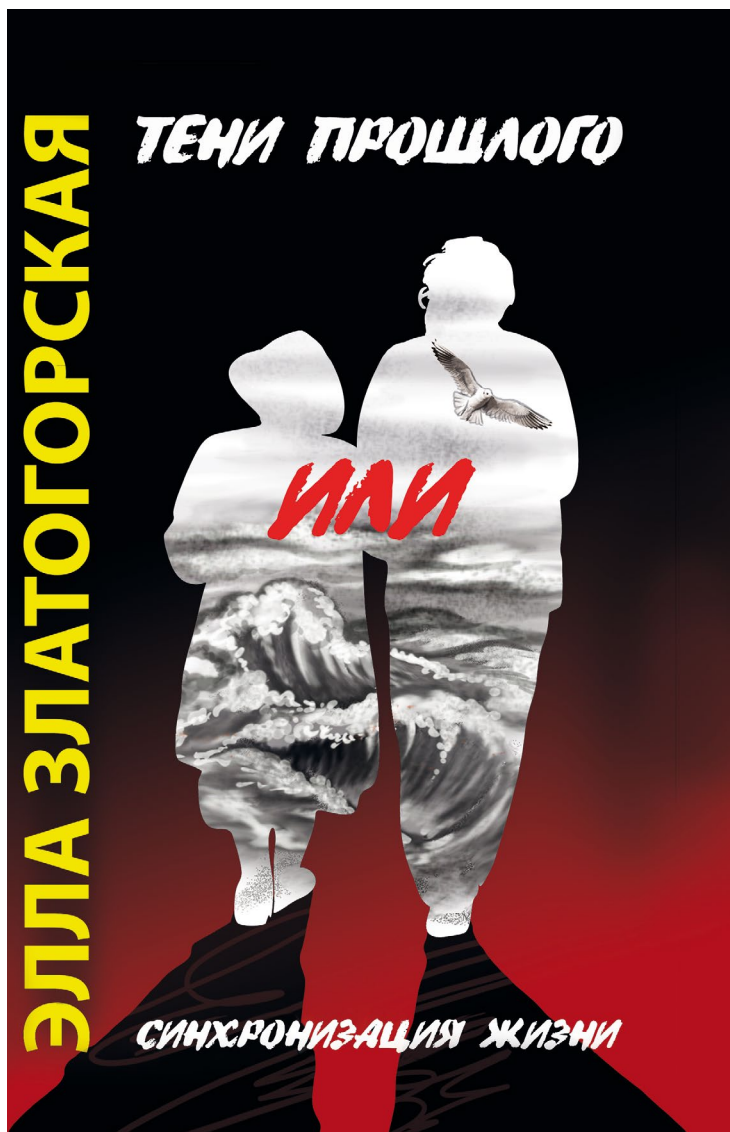
Итак, взявшись за новое дело, — это загадочное убийство провинциальной певицы Лилианы, Элла Глебовна и майор Золотарёв блестяще раскрывают его.

А чтобы узнать истинного виновника убийства, вам нужно просто углубиться в этот детективный роман.

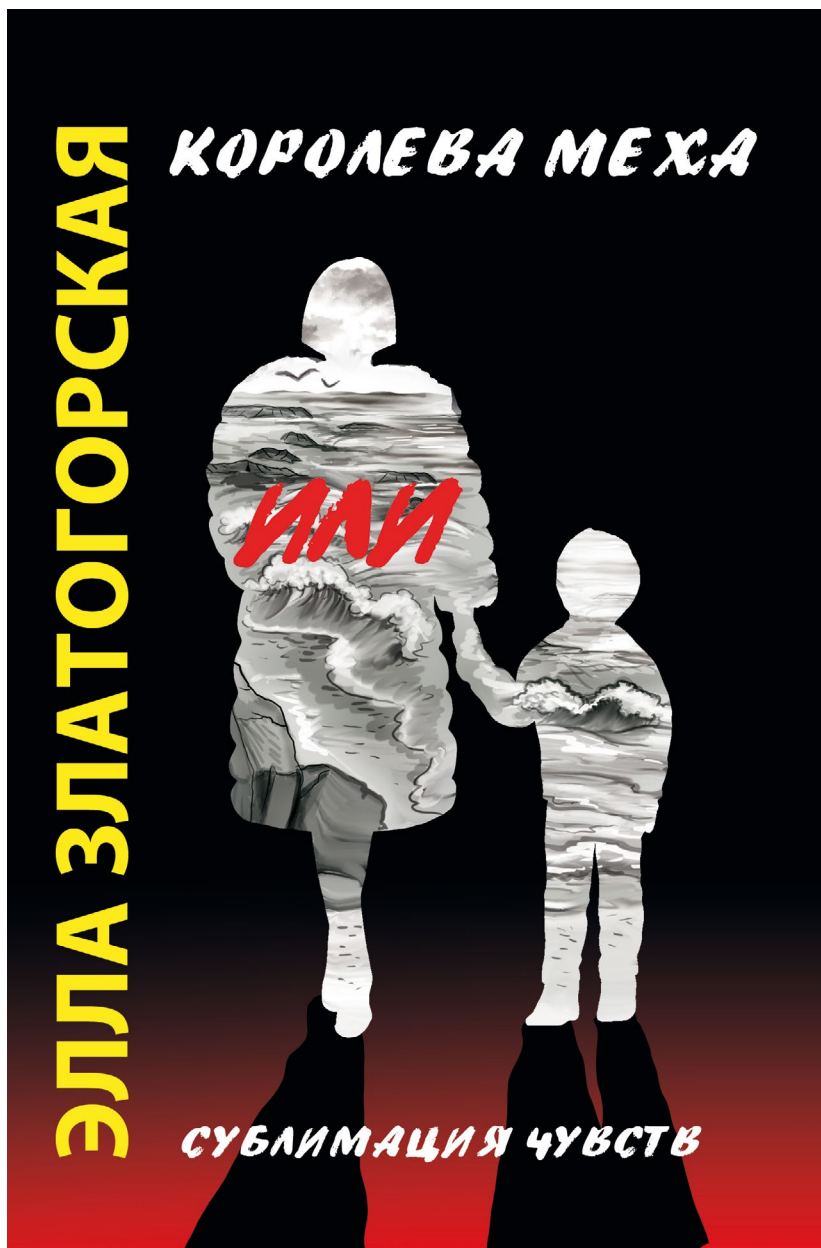
Приятного всем прочтения!

Читайте в серии Эллы Златогорской
«Юная пенсионерка расследует дело»:

1. Тени прошлого, или Синхронизация жизни

2. Королева меха, или Сублимация чувств

3. Вирус страха, или Классификация смерти

ЭЛЛА ЗЛАТОГОРСКАЯ

ВИРУС СТРАХА

КЛАССИФИКАЦИЯ СМЕРТИ

*Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу,
Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя.*
Юрий Левитанский

Глава 1

С утра лил дождь, нудный, бесшумный, тем мне и неприятный. Я люблю, когда слышна музыка дождя. Косые струи тихо стучали по окну кухни. Этот затяжной дождь и не собирался прекращаться. Уже неделю как я в Морегорске, а он всё льёт и льёт. В принципе, это обычное явление для февраля на нашем южном побережье. Вместо снега идёт дождь, такая вот зима. А зима нынешнего года, наверное, войдёт в легенду — аномально тёплая. А я была два месяца в Москве, у детей. Вот там зима, так зима. Но насладиться красотами русской зимы в полной мере я не смогла, у нас в стране объявлен карантин, как впрочем, и по всему миру. Пандемия. Слово «эпидемия» более привычное для слуха советского человека, но и страшнее, убийственнее. Пусть уж будет «пандемия» — вроде пандочка какая-то, милая зверюшка. Хотя в Москве уже появились поклонники теории заговора и противники чипирования, и вещали во всех соцсетях о самом страшном, пугая и без того напуганных людей.

Так что в Москве я наслаждалась общением со своим новорождённым внуком, я так его полюбила, так прикипела душой к нему, что расставалась со слезами. Сноха, видя моё состояние, настаивала, чтобы я осталась: «Не уезжайте,

мама, побудьте ещё с Сашенькой». Любовь — это ведь не только отношения мужчины и женщины. Лично Я испытываю любовь к книгам, морю, солнцу, горам, цветам, к хорошим фильмам, к своим друзьям. Но безмерная и крепкая любовь у меня к детям, а сейчас появилась какая-то особенная глубинная любовь к маленькому внуку.

Но я хотела в Морегорск, здесь — место моей силы, здесь я отдыхаю морально и физически, морской воздух просто необходим для моего здоровья. Те, кто начинает новый день со встречи с морем, не могут быть несчастными. Суровая мощь моря впечатляет зимой и ласкает взгляд летом. И какое это море — летнее или зимнее, не имеет значения. Главное, обнять взглядом море — это мне нужно, прежде всего. Да и потом, в Москве у нас совсем небольшая квартира — обычная типовая двушка, где живёт старший сын с женой и малышом и младший сын. Мать не должна вязаться к своим взрослым сыновьям и строить их жизнь. Это только их жизнь. Потому я и решила жить в Морегорске. Правда, младший — часто приезжает ко мне в Морегорск. Мне непременно нужно место, где никто меня не отвлекает, не нарушает ход моих мыслей, не отвлекает ненужными разговорами, когда мне не хочется этого совсем. И это место я нашла. Это — Морегорск. И здесь мне хорошо пишется, бумага терпит всё, все мои фантазии и мысли. Я пишу о вещах простых и понятных каждому человеку — родина, жизнь, смерть, война, мир, любовь, дружба — нравственные категории, на которых и зиждется наш мир. Говорят, что талант — это всегда спасение от обыденности. Быть может, у меня талант к словоплетению. Вдруг что-то происходит со мной, я как будто беременею идеей написания. И мои книги для меня становятся детьми, которых я вынашиваю как мать, а потом рожаю в муках творчества, и все три мои, пока ещё три книги, я родила в Морегорске. Писатель отдаёт

идеи и мысли персонажам, вкладывая свои слова в их уста. Здесь, в этом прекрасном приморском городе у меня друзья, которых я полюбила всем сердцем, здесь можно гулять по морскому побережью в любое время дня и ночи, и никто у тебя не будет спрашивать пропуск и выписывать штраф. В Москве это достигло уже своего апогея. Но кто это знает наверняка? Может, впереди ещё более карательные меры. Ведь идёт только первая волна эпидемии. А знающие люди говорят, что у каждой эпидемии — три волны. Человечество уже проходило это.

Я — это Элла Глебовна Златогорская, и всё обо мне и моих друзьях вы можете узнать из моих предыдущих книг. В Морегорске дети мне арендуют прекрасный коттедж на берегу моря, в котором я живу уже целых полтора года. Я решила не откладывать жизнь на завтрашний день, а жить здесь и сейчас. Жизнь так коротка. И сегодня, 23 февраля, я пригласила в гости своих друзей — чету Золотарёвых: Сергей Александрович — бывший военный, очень обязательный и порядочный человек, его супруга Людмила Семёновна — очаровательная, хозяйственная, мудрейшая женщина. Надеюсь, что придёт и их сын — майор Александр Сергеевич Золотарёв, с ним с первым я познакомилась в Морегорске. Тогда он ещё был капитаном. Об этом вы можете прочесть в моей первой книге «Тени прошлого или синхронизация жизни». Также придёт наш общий друг Николай Земцов со своей дочерью Лидой. К сожалению, его жена умерла, вернее сказать, что её довели до смерти. Об этом я подробно рассказала в своей третьей книге «Вирус страха или классификация смерти». Николай, тоже бывший военный, у которого есть настоящее терпение — это одна из форм мужества. А у Лидочки роман с майором Золотарёвым. Жизнь не носит траур, живые продолжают жить и это правильно. А также мой милый друг и сосед — настоящий полковник в отставке. О знакомстве с

ним я рассказала в своей второй книге «Королева меха или сублимация чувств».

С ним мы уже, конечно, виделись. Он встречал меня в аэропорту. Мы часто сидим, ужинаем, играем в нарды и карты и гуляем вдоль кромки моря, слушаем песни чаек и мелодию волн. Как вы заметили, все мужчины, которых я жду в гости, бывшие военные советской закалки, прошедшие горячие точки, и сегодня, 23 февраля, сам Бог велел мне накрыть для них богатый и вкусный стол. Эти мужчины, много повидавшие в своей жизни, ещё способны искренне удивляться. А если вы начинаете удивляться, вы молодеете. Говорят, что старость — это отсутствие желаний, но только не у меня и моих друзей. Какая тут к чёрту старость? Хотя к старости гормоны успокаиваются, и человек становится мудрее и воздержаннее, но только не в случае с моим другом полковником, он такой живчик. Представляю, каким он был в молодости. Всегда надо стремиться узнавать что-то новое, и старость долго не постучится в вашу дверь — вот такие все мои друзья. Мы все приверженцы традиционной школы питания, а это вкусно и хорошо поесть, чтобы на душе и в животе праздник был, но нам в последнее время на пятки наступают адепты ЗОЖ, то есть здорового образа жизни, — это означает только одно — жевать подножный корм. Типов вегетарианства существуют множество, но смешно представить, что мои друзья будут есть салатик из руколы и сельдеря. Нет, это недопустимо. Для моих любимых друзей я постаралась. Я пригласила их на обед, чтобы мы успели насладиться и общением, и едой.

Вот поэтому я с раннего утра вожусь на кухне. Рано утром заглянул полковник с ведром рыбы и со снастями, одетый в плащ-палатку. Я его пожурела, что он в такую погоду пошёл на рыбалку, но он как ребёнок радовался улову, и сказал, что сам приготовит рыбку и принесёт. Я не возражала. В зрелом

возрасте начинаешь отчётливо понимать, что счастье — это когда твои близкие, родные, друзья здоровы, когда после затяжной и нелёгкой болезни выходишь из дома, в тех маленьких вещах, которые дарят тебе хорошее настроение и радость. К указанному времени первым пришёл мой друг полковник, в руках него была укутанная кухонными полотенцами кастрюля. Я сразу поняла, что он приготовил свою любимую рыбу по-солдатски с картошкой.

— Возьмите, Эллочка, я постарался. К столу ещё одно блюдо. Оно ещё тёплое.

— Зачем вы беспокоились? — я взяла у него из рук кастрюльку, — сегодня ваш праздник, а вы ещё и готовите.

— Одной вам тяжело столько готовить, — полковник одарил меня нежным взглядом.

— Ну почему вы в цивильном костюме? Почему не надели военную форму? Китель с наградами? — начала было отчитывать полковника, но он перебил меня.

— Ребята тоже придут в гражданском. Зачем это? Мы же не на параде. Эллочка, что за запах божественный?

— Это шах-плов. Постаралась для вас, я же обещала. Получился обалденный. Доходит в духовке, — похвасталась я, — стол уже сервирован в гостиной, я побегу переоденусь, пока гости придут, а вы можете напитки поставить на стол. Они в холодильнике.

Я поднялась на второй этаж, переделась у себя в спальне, захватила подарки для наших мужчин и спустилась вниз. Полковник хозяйничал в гостиной. Я с чувством расцеловала его в обе щёки, подарила подарок, который привезла из Москвы, пожелала всего-всего. Он растерялся, покраснел, пролепетал слова благодарности. Я, в который раз поблагодарила Господа за то, что он подарил мне таких прекрасных друзей. Потерянное время — самое незаметное, почему-то любят утверждать некоторые люди. Но только не для меня.

Я потеряла много времени, не общаясь со своими друзьями, и для меня — это ощутимо заметно. Вдвоём с моим другом мы быстро накрыли стол. Полковник только успевал хвалить меня, а я с радостью принимала его похвалу, мне было приятно, мне это льстило, чего от себя и не ожидала. А вот и появились первые гости. Пришли Сергей и Людмила Золотарёвы. Людмила, конечно, испекла свои фирменные пирожки и принесла красивый керамический противень с жульеном.

— Эллочка, жульен только из духовки.

— Из-за этого «француза» опоздали, он что-то долго запекался, — ворчал Сергей.

— Зато какой вкусный будет, представляю, — я кротко ответила Золотарёву-старшему, подарила ему подарок на этот знаменательный для них День.

— А где Сашка? — полковник обратился к Людмиле, — мать знает о сыне больше, чем отец.

— Вот-вот должен подъехать. Он поехал за Лидочкой и заодно Николая сюда привезут, а сами уедут.

— А что майор не будет с нами сидеть за столом? — мне стало обидно.

— Эллочка, у них корпоратив на работе. Он и Лиду пригласил. Банкет, в общем, у них, Колю оставят и уедут, а потом приедут за Колей и ваши блюда отведают. Так вкусно, как у вас, нигде не будет, — Людмила Семёновна, умная и покладистая женщина, всегда знает — кому что сказать. Очень душевный человек мама майора Золотарёва, а ведь душа не выдаётся нам при рождении, она появляется у человека с годами, благодаря добрым делам и поступкам. Пока ждали Земцовых и младшего Золотарёва, полковник уговорил старшего Золотарёва на партейку в нарды. Полковник стал просто асом в этой игре. Как мы уехали с Глебом в Москву, он стал доставать Сергея Золотарёва, и они устраивали баталии, даже Николая подключили.

— Полковник, да вы профи стали. Я и не ожидала. Вот это упорство. Надо Глебу сказать.

— Глеб знает, я ему звоню, сообщаю о своих победах. Ваш сын умный, моя милая Эллочка. Всегда говорит: «Ты не знаешь, можешь или нет, пока не попробуешь». Вот я и дерзаю.

— Да, — я повернулась к Людмиле Семёновне, — вам тут было не скучно, — показав глазами на мужчин.

— Ну что тут поделаешь, Элла, я привыкла. Вот и ты приехала, слава Богу! Будем вместе наблюдать за их атаками и криками, — Людмила Семёновна только развела руками.

Потом она стала у меня спрашивать о моём маленьком внуке, а это неисчерпаемая тема для меня, я всё рассказывала и рассказывала, пока не появился Николай с большим контейнером в руках.

— А это что, Николай? — поинтересовалась я, когда он мне его вручал.

— Это салат какой-то заморский. Лида сказала, что ты его очень сильно любишь, готовила с утра, старалась. Не зашла, дождь моросит, причёска у неё намокнет. Они с майором на праздник пошли. Потом за мной заедут.

Николай присоединился к мужчинам. Они яростно стучали шашками по доске, так кидали зары, что они разлетались и падали на пол. Все проголодались, а мужчины тем более, но нарды так их захватили, что они про свой голод забыли. Мы втроём сели за стол, а полковник с Золотарёвым играли самозабвенно, на мои приглашения не особо реагировали, всё бекали что-то, Людмилу Семёновну, которая всегда могла легко погасить любой конфликт, не слышали. Пришлось Николаю приструнить их, посовестить, что мы их ждём и всё стынет. И пить будем без них. Не знаю, что больше убедило мужчин, но они решительно закрыли доску, даже не закончив партию, и присоединились к нам.

Мы много говорили, ели, пили, вспоминали Надюшу с дрожью в голосе и со слезами на глазах. Николай никак не может прийти в себя после трагедии. Несмотря на то, что дочь рядом с ним, переехала из Москвы, заботится о нём, грусть-печаль его не покидает. Безысходное горе читается в его глазах. Николай очень сильно похудел, лицо его осунулось, под глазами залегли тёмные круги. Мы все прекрасно понимаем, что не надо сожалеть о прошедшем, оно ведь осталось в прошлом, но как не сожалеть и не думать? Ответ на многие вопросы надо искать в собственном сердце, которое кровоточит, как сейчас у Николая. «Не воспринимай жизнь слишком серьёзно, детка, — любил частенько говорить мой муж, — всё равно никто не уйдёт живым», — и хохотал, пугая меня своим чёрным юмором.

— Коля, как ты себя чувствуешь сейчас? Я имею в виду после ковида. У всех по-разному, — я пыталась как-то разговаривать Николая, а то он всё время молчал, ничего не ел, а только пил.

— Как, Элла? Видишь, живу. Оказалось можно выжить даже после смерти близкого человека, — с тоской произнёс он.

— Я, как никто, это знаю. Осталась одна с двумя детьми после смерти мужа. И помощи ниоткуда. Такой смертельный удар я получила от судьбы, но выжила ради сыновей, и ты ради дочери живи, — мне хотелось его утешить, как когда-то утешали меня, — выйдет замуж, внуков тебе родит, вот и радость появится в жизни.

— Когда это будет, — вздохнул Земцов.

— Скоро, скоро, я это чувствую, — улыбнулась Людмила Семёновна, — человек без семьи, как муравей без муравейника.

— Людочка, а салат, который приготовила Лидочка, обалденный. Она просто гурман. Вам понравился?

— Элла, как называется? — Людмила заинтересовалась, — она у нас — знатный кулинар.

— «Оливье» с креветками и авокадо.

Мой шах-плов встретили аплодисментами.

— Не хлопайте раньше времени, попробуйте сначала, — скромничала я.

Только собрались было попробовать мой хваленый плов, как появилась Лида.

— Ой, Лидочка, что так рано? — удивилась я, встретив её в прихожей.

— Сейчас расскажу всем сразу, Элла, — Лида прошла со мной в гостиную. Пока я её усаживала за стол, раздался шквал вопросов.

— Ты голодная или сыта любовью? — подколола я Лиду. Она смутилась. Судьба иногда сталкивает нас друг с другом, знакомит случайно, но не напрасно, как майора Золотарёва и Лидию.

Молодость — самый репродуктивный период жизни человека, когда играют гормоны, давят на сознание человека. Его чувства фонтанируют, и он принимает порой неожиданные даже для самого себя решения. Но не в случае майора с Лидой. Мы все видели, как они нежно относятся друг к другу, но решение не спешат принять. Или они уже не так молоды, или боятся совершить ошибку, учитывая свой горький опыт. Мы не торопили событие — выжидали.

— Сашу и его опергруппу срочно вызвали. Какое-то громкое убийство. А что я там буду на корпоративе без него??? Он меня привёз сюда к вам и уехал, — отчиталась Лидочка, — я такая голодная, Эллочка. Мы даже не успели за стол сесть, сразу после официальной части уехали.

— А что за убийство? Ты в курсе? — спросил Николай у дочери.

— Саша сказал, что это известная певица Лилиана, — с набитым ртом ответила девушка.

— Лилиана? Я про неё знаю, её раньше часто показывали по телеку. А что она здесь делает? Гастроли у всех артистов отменены, — меня разобрало любопытство.

— Она — местная девочка, Эллочка. Сашина одноклассница — Лилька Гладкова. А сейчас Лилиана, — объяснила нам всем Людмила Семёновна, — видно, к матери приехала. Вот горе-то какое, — Золотарёва тяжело вздохнула, — родители у неё прекрасные люди. Я с её отцом работала в санатории. Он — врач-кардиолог. Умер Фёдор Петрович. Хороший человек был. Всё можно понять, простить и исправить, кроме смерти.

— Да. Саша сказал, что она его одноклассница, и они в пионерском лагере вместе были, от санатория ездили, он очень расстроился. Говорит, что она хорошая девчонка была, — Лида перестала жевать и так тихо всё произнесла, видно маму вспомнила.

— Лилиана — красивый псевдоним. Видимо, от её имени Лилия. Созвучны. Сейчас модно иметь сценические псевдонимы, — вслух размышляла я, мне искренне стало жаль эту певицу, — если она одноклассница майора, значит, ей где-то 43-44 года.

Людмила Семёновна подтвердила мои слова:

— Лильке всего 44 года. Молодая ещё совсем. Кому надо её убивать?

Так в разговорах и прошёл весь вечер. Александр Сергеевич не смог приехать. И гости мои добирались домой на такси. Прощались долго, договорились встретиться на 8 марта. Мужчины нас пригласили, а мы и не отказались. Я не устаю повторять, что Бог меня любит, так как подарил мне на новом месте таких замечательных друзей, ведь с возрастом очень трудно приобрести новых друзей, а мне повезло. По

возможности, я пыталась окружать себя людьми, которые меня любят и поддерживают, и отвечала им взаимностью. Негативных людей я уже не приемлю, не могу с ними общаться, их аура меня подавляет, я начинаю впитывать их проблемы в себя, как губка, потом у меня депрессия, когда не получается им помочь. Я уже не в том возрасте, когда можно так мучить себя из-за чужих проблем. Мои годы с начала жизни прибавляются, а с конца — вычитаются. И всё-таки лучший день для счастья — сегодня. Надо жить здесь и сейчас.

Глава 2

Настоящая весна на юге приходит гораздо раньше календарной. В воздухе витал привкус весны, небеса сияли, слепящей глаза лазурью, водопад золотых солнечных лучей обрушивался на землю. Все упивались хмельным весенним воздухом. И именно в такой чудный день хоронили певицу, через три дня после её смерти. Смерть всегда окутана тайной, потому и многие зеваки пришли к дому Лилианы поглазеть, удовлетворить своё любопытство, некоторые собрались у нового собора в центре города, говорили, что там её будут отпевать. Люди по своей натуре существа социальные, поэтому интересоваться жизнью себе подобных, заложено в человеческой психике изначально. Современная психология сейчас всему находит оправдание, даже бестактному поведению людей. Мир велик и многообразен, и надо быть добрее к людям, у которых великое горе. В Москву везти тело не разрешили мать и бабушка, решили, что она будет похоронена рядом с отцом и дедом. Несмотря на пандемию, народа было немало.

— Развелось нынче миллионеров, — ворчали старухи, — вот напела одним местом деньги и убили её.

— Из-за мужа грохнули певичку, — рассуждали зевачки, — он денег наворовал. Сидит сейчас. А она здесь у нас прятала миллиарды долларов в пещерах, говорят, пытали её, но она не призналась. Жадюга. Всё им денег мало. Народ грабят, — вертели головами по сторонам зевачки, в надежде увидеть приезжих богачей.

Наш народ знает всё. Он сам же выдвигает кучу версий, сам их и опровергает. Несчастье всегда приходит неожиданно,

к нему нельзя подготовиться. Это счастье мы ждём и выпрашиваем у Бога, а несчастье, как удар под дых.

А молодёжь Морегорска надеялась увидеть столичных звёзд на похоронах Лилианы, но из певиц приехала только одна звёздочка, карьера которой близилась к закату и малоизвестный композитор, который в последнее время писал Лилиане песни. Звёздочка хоть и была очень маленькой величины, и по телевизору её почти не показывали, но многие её узнали. Одетая она была столь вызывающе и ярко, что добропорядочные граждане города возмущались вслух, не зная, кто она такая и что здесь делает. Чем больше блеску, тем пустее нутро. А молодёжь цинично ржала, несмотря на то, что присутствуют не на «Камеди клуб», а на скорбном мероприятии. А вот композитор был искренен в своей печали и много хороших слов сказал о певице на прощании. Имя композитора никому ничего не говорило, но он писал музыку неплохую, песни грустные и тоскливые, и речь его была такая же, как раз к месту. Видимо, одна Лилиана и платила ему деньги за его мелодии. Потом в столичной жёлтой прессе появятся слова соболезнования от звёзд крупной величины, где они ссылаются на пандемию и поэтому объясняют своё отсутствие на похоронах. Много фальшивых слов было сказано в прессе и на помоечных ток-шоу на телевидении. За это наши звёзды и мини-звёздочки получали деньги и потому ходили на них. Эксперты на этих ток-шоу сидели с умным видом и рассуждали о мужьях певицы, об её творчестве, вспоминали её былые заслуги. Потом забывали, за что им платят деньги на ток-шоу, и переходили на другие, более скандальные темы. Интересно, где они находят этих экспертов, разношёрстная публика глупых и алчных людей. Среди них бывают и порядочные, но это большая редкость. А в связи с пандемией туда ходили только те, кому нужны были деньги хоть какие. Публики не бывает в такое время на

этих шоу и вместо зрителей стоят на стульях их картонные фотки. Цирк уехал, а клоуны остались. Естественно, и про Лилиану было несколько шоу, где её коллеги по цеху изображали скорбь и пришли в тёмных одеждах, рассказывали о былой дружбе и о покладистом характере певицы, пришли и фрики с непроверенной информацией об её первом муже, пришли и недоброжелатели, и обиженные домработницы, и няни. Клоунада и только. Но все знали, что певица уже не была интересна шоу-бизнесу, в последнее время она не выступала сольно, у неё не было заказчиков, иногда про неё вспоминали и приглашали в сборные концерты вместо тех артистов, кто по каким-либо причинам не мог приехать. Она пыталась заработать деньги на корпоративах, на свадьбах или рекламой. Как могла, пыталась сохранить свой имидж.

Смерть молодой женщины, матери троих детей — это большая несправедливость, — это вопреки законам природы. Природа сама готовит человека к смерти, постепенно уменьшая его силы и годы, и человек умирает в преклонном возрасте, уже подготовленный Жизнью и Богом. А когда вот так обрывается молодая жизнь, остаётся много вопросов к Всевышнему. Так и мать Лилианы, Валентина Сергеевна, смотрела куда-то вглубь себя, сидя в церкви, стоять она не могла и вопрошала: «За что, Господи? За что?»

Бабушка Галина Фёдоровна Гладкова сидела рядом с прямой спиной, в чёрной шляпке с вуалью, кое-как державшейся на её седой голове и тихо говорила: «Ну что ж, последняя кровиночка ушла. Жди, Петя, меня, после Лилиных сороковин приду. Но я хочу узнать, кто с ней это сделал?» Рядом со старушкой сидела молодая девушка, дочь певицы, она прилетела из Москвы. Её каштановые волосы струились по спине, из огромных тёмных бархатных глаз не пролилось ни слезинки. Она молча сидела, как будто отбывала повинность. Спокойствие — сильнее эмоций. Потом уж жёлтая

пресса напишет, что дочь певицы — двадцатичетырёхлетняя Мария Сосновская вела себя странным образом, как будто смерть матери её вовсе не касалась. Мария прилетела одна, без своего отца, олигарха Сосновского Станислава Ивановича, и сразу же после похорон улетела. Никто не задавал ей лишних вопросов, никто не пытался удержать. Только бабушка Валентина Сергеевна горестно вздохнула и попросила внучку остаться на поминки.

— Бабушка, я не могу, извини. Мне надо быть в Москве, и папа себя плохо чувствует. Я уеду сразу после похорон.

За руку Машу Сосновскую держала красивая ухоженная женщина лет 40-45, она как будто пыталась удержать девушку. Это была Марина Подольская, известный в Морегорске косметолог, близкая подруга певицы ещё со времён учёбы в медицинском училище. С ней майор уже беседовал на следующий день после убийства Лили и ничего полезного для себя не вынес из их разговора. А полезное для майора было только одно: кто же всё-таки мог убить Лилию и за что.

Рядом с матерью певицы сидела пожилая женщина, полная, с короткой стрижкой, её седые волосы отливали голубизной. В советское время многие женщины оттеняли свои седые волосы синькой, и у них они были голубыми, как у Мальвины из сказки про Буратино. Не знаю даже, есть ли сейчас синька в продаже. Это была свекровь певицы, мать её второго мужа, известного чиновника Шашкова Ильи Матвеевича. У женщины покраснело лицо, и видно было, что ей дурно, ей подавала воду и лекарства рядом сидящая женщина, вся в чёрном, держала её за руку и что-то тихо говорила. Пожилая женщина только кивала ей в ответ. Майор сначала не узнал женщину в чёрном, даже поменял место нахождения своё в рядах друзей и родственников, стоящих сзади скорбящих женщин, хотел её внимательно разглядеть. Потом внимательно взглядевшись, очень удивился. Это была

няня малышей-мальчишек, детей певицы — близняшек Матвея и Лёвы. За эти три дня женщина очень изменилась, лицо осунулось, под глазами залегли чёрные круги, уголки губ опустились ещё ниже. Измождённая, бесцветная и унылая, она ещё пыталась успокоить свекровь певицы. Няня — Афанасьева Татьяна Ивановна была невзрачной женщиной лет пятидесяти, спокойной, образованной, доброй и чуткой, а главное, очень любящей своих подопечных, она в них души не чаяла, как впрочем, и они в ней. Интересно, что она здесь делает, и с кем остались дети? Неужели няня оставила детей с кем-то из посторонних, майор был в недоумении. Асият тоже была здесь, она стояла позади старой женщины — бабушки певицы, и предупреждала любой её жест и желание, она была ангелом-хранителем Галины Фёдоровны. Ася была нужна всем. Кого-то увещевала, кого-то шёпотом успокаивала. В этом деле были пока только вопросы, ответов он не находил, но только пока. Говорят, что убийца всегда приходит на похороны своей жертвы, это преступник на место преступления ни-ни, ногой не ступит, а на погребение жертвы придёт, посмотрит и возрадуется, убийцы по своей сути почти все моральные уроды. По этой причине и майор Золотарёв Александр Сергеевич пришёл на отпевание певицы. Он хотел увидеть эмоции на лицах людей, оплакивающих Лилиану, его одноклассницу, по сути хорошего человека, дочери, внучки, матери и жены. Кому это понадобилось её убить? Против кого вообще совершенно это преступление? Это ещё предстояло ему выяснить. На первый взгляд, дело это оказалось простым и понятным, и даже подозреваемый уже взят и сидит в СИЗО. Хотя против него и нет никаких прямых улик, и посадили его до выяснения обстоятельств дела на трое суток, но начальство считало, что дело раскрыто и причём очень оперативно. Полковник Филатов, непосредственный начальник майора

запретил ему глубже копать, зная его характер. Но Золотарёв понимал, что это не так, он объяснил начальству, что они ошибаются, что любой мало-мальский знающий адвокат разнесёт в пух и прах их обвинения. Геннадия, гражданского мужа Валентины, матери певицы, они прихватили на всякий случай. Он пока парился в камере. С ним надо было что-то решать, прямых улик и доказательств против него не было. Интуиция подсказывала Золотарёву, что Геннадий тут не причём, но интуицию к делу не пришьёшь, нужны были факты «за» и «против», а их у него не было. Надо было определить главное направление поиска убийцы, а для этого в первую очередь надо определить мотив, майор оказался в растерянности. Всех, кого можно было подозревать, ну никак не могли быть убийцами. Но майор умел собираться в критические минуты и принимать решение, и оно, как правило, было верным. Главное — не считать, что дело провалено. А проявить упорство и повторно изучить каждую деталь. Убийство было резонансным, находилось на контроле в Следственном комитете в Москве, и морегорских сыщиков торопили. В противном случае грозились отправить в Морегорск столичных оперов, которые здесь никому не были нужны. Весь мир можно условно поделить на две категории людей: на тех, кто теоретически способен на убийство, не считая военных и других силовиков, у которых убивать людей — это профессия, и на тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не сделает этого, даже если будет угроза их собственной жизни.

Глава 3

То злосчастное утро ничего страшного не предвещало, — в тёплом ласковом ветре было всё: и пряный запах прошлогодней весны, и мокрые ожившие ветки, и пьянящее дыхание пробудившейся к жизни зелени. Проводив своего гражданского мужа Геннадия на работу, а он уходил рано к семи часам, Валентина Сергеевна стала готовить завтрак для дочери, её любимую шакшуку. Уже было поздно, а Лиля всё не спускалась со второго этажа, где находится её спальня. Свекровь поела кашку вместе с детьми и ушла к себе, включила телевизор на всю громкость и тихонько под него посапывала. Няня была в детской и во что-то с детьми играла. Валентина хотела позавтракать вместе с дочерью и спокойно поговорить. Вчера вечером случился неприятный инцидент: муж пришёл с работы поздно и выпивший, и дочь с ним повздорила, учуяв запах алкоголя. На свою беду Геннадий зашёл на кухню попить водички, а там чаёвничали Лилия с бабушкой, дети уже спали, няня гладила детские вещи, а бабушка с внучкой мирно беседовали. Они были всегда очень близки и часто вели долгие беседы. Бабушка просто светила от счастья, такая старая и такая удивительно красивая. Красота старости. А внучка Лилечка просто была нерельно хороша: в ней невероятным образом сочетались холодная северная красота бабушки и южная яркая привлекательность матери. После смерти сына, а потом и мужа, Галина Фёдоровна перенесла всю свою любовь на внучку. А тут этот хахаль её снохи зашёл, шумит, брякает стаканами, бабушка делала ему замечание, внучка подхватила, они зацепились языками с Геннадием и пошло-поехало. На шум пришла

няня, потом со второго этажа спустилась мать певицы, её спальня с мужем тоже находилась, как и дочкина, на втором этаже, только в другом крыле. Она пыталась увести своего гражданского мужа, оправдывала его поведение тем, что он немного выпил, у них на работе был корпоратив в честь мужского праздника, в доказательство Гена со всей дури шлёпнул пакет, где лежал подарок, который подарили женщины-сотрудницы на День защитника, о стол прямо рядом с лицом бабушки, там что-то звякнуло, разбилось, как потом оказалось, парфюм. Бабушка разоралась, как базарная баба. А когда она орёт, её перекричать никому не удаётся. Её хвалёные европейские спокойствие и педантичность за время жизни в России куда-то подевались, или их вообще не было... А Гена решил выяснить с ней отношения.

— 45 лет живёт Валя в вашем доме, а вы её ненавидите, за что? Вы думаете, я хочу здесь жить? Да ни за что. Валя уговорила, говорит, не будет же свекровь одна жить, она больная.

— Ну, пусть Валька и жила бы, а ты кому нужен? — бабушке палец в рот не клади, её фальшивое дружелюбие просто испарилось. Этот Геннадий её раздражал, она не могла снохе простить, что она предала память её сына. Галина Фёдоровна прекрасно понимала, что сноха ещё не старая, что она много лет после смерти мужа была одна, что всегда отвергала ухаживания мужчин, но в этот раз согласилась на Генкино предложение, и то с подачи дочери, и вот уже четыре года они живут вместе.

— Фашистка ты старая, всех угробить хочешь, своих мужчин угробила, теперь за Вальку взялась? Убить тебя мало, старая карга, и любой суд меня оправдает, — Генка продолжал громко орать. Он был из тех мужчин, которые как выпьют, начинают болтать. Валя никак не могла поднять мужа со стула, на который он уселся, Гена как будто прирос к нему.

Галина Фёдоровна уцепилась за последнюю фразу Геннадия и стала кричать: «Он грозитя меня убить, этот уголовник!»

Бабушке стало плохо, Лилиана наорала на Геннадия: «Вы бы уж помолчали, Геннадий, так хотя бы за умного сошли».

Няня позвонила Асият и побежала открывать входную дверь. Геннадий, зайдя в дом, закрыл все запоры, этого он не забыл сделать.

Асият прибежала тут же, следом за ней — муж. Эта семейная пара жила в их старом доме на правах помощников по хозяйству.

— Ася, Ася, — тихо произнесла старая женщина, так она называла Асият, — мне плохо, помоги, — она верила Асият как Богу. Асият — медсестра по образованию и ухаживает за женщиной очень профессионально, много раз спасала её.

— Галина Фёдоровна, моя дорогая, пойдёмте к вам в комнату, ляжем, успокоимся, у вас, наверное, давление поднялось. Сейчас магнезию поколем. Всё будет хорошо, поверьте мне, — журчащий, как горный ручей, голос Асият успокаивал старушку.

— Лили, деточка, проводи меня вместе с Асей, — дрожащим голосом попросила бабушка внучку. С рождения она звала Лилечку просто Лили.

— Пахлава, помоги нам Гену довести до второго этажа, — Валентина обратилась к Пехлеви-хану, мужу Асият. Такое вот величественное имя дали своему сыну подданные Ирана из Южного Дагестана. С лёгкой руки бабушки его стали звать Пахлавой, так понятнее и быстрее, а мужчина откликнулся — лишь бы хозяева довольны были.

Пахлава отстранил от себя Валентину и сам повёл Гену наверх.

— Что это с тобой, Генка? На тебя не похоже? С чего это ты так много выпил и базарить начал? — Пахлава

явно был удивлён, Геннадия он знал хорошо, они приятельствовали.

— Сам не знаю, — довольно вразумительно ответил Генка, — на работе отмечали праздник, я выпил мало, это бабка меня довела, хотел водички выпить, а она завелась, поносит меня последними словами и Лилька к ней присоединилась. Не переносит на дух ни меня, ни жену мою Валентину, эта старая карга, фашистка проклятая, — и виновато замолчал, спохватившись, что сказал бестактность.

— Да уж. Это правда, — подтвердила Валентина, шедшая сзади, пытаюсь как-то поддержать за спину мужа, чтоб он не упал.

Уложив Гену, Пахлава спустился на кухню. Тем временем няня уже прибрала всё на кухне.

— Пахлава, чай будешь, пока Ася освободится?

— Нет, Татьяна дорогая, пойду к себе. Мадиночка уже спит, ребёнок совсем один. Ася освободится и придёт сама.

Мадина — дочь Пехлеви и Асият, шести лет отроду, ангелоподобный ребёнок и лучшая подружка мальчишек-двойняшек, сыновей певицы Матвея и Льва.

На кухню пришли Ася и Лилиана, попросили у няни зелёного чая. Лиля расспросила Асю про свой старый чудесный дом детства. Особенно она любила чердак, на который она забиралась и мечтала. Здесь было сухо и тепло. Ароматные и пряные запахи лекарственных трав и сухофруктов кружили ей голову. Ася сказала, что на чердаке всё так же хорошо, и Лиля пообещала завтра прийти к ним в гости. Няня принесла чай.

Лилиана любит чай «Билочунь» или в переводе «изумрудные спирали весны», и няня ей заваривает по особенному рецепту. Певица пригласила и няню к ним присоединиться. Бабушка заснула. Чай выпили, и Лилиана с лёгким сердцем поднялась в свои апартаменты. У неё на втором этаже были

своя спальня, кабинет её мужа, большой её кабинет, где стоял рояль и синтезатор и, естественно, ванная и гардеробные комнаты. Всё левое крыло второго этажа было предусмотрено для личных апартаментов певицы и её второго мужа.

Ася немного посидела, пошла снова в комнату к старой женщине, проверила её дыхание, наказала няне, чтобы в случае чего, сразу её позвала, всё-таки бабушке уже за 90 лет, и ушла. Они с мужем жили в старом домике, который раньше принадлежал бабушке и её мужу, там провела детство певица и её отец. Няня закрыла за Асей двери, все замки и запоры, включила внутридомовую сигнализацию и пошла к себе. Её комната была смежной со спальней малышкой и двери всегда открыты, чтобы она видела мальчиков. В доме наступила тишина.

Глава 4

Этот пронзительный, душераздирающий крик заставил всех вздрогнуть. Бабушка Галина Фёдоровна, аж вскочила с кровати, хорошо хоть не упала. Мальчики одновременно заревели, они играли в своей комнате и няня с ними тоже. Няня вскочила и побежала на второй этаж, крик раздавался оттуда. Геннадия не было дома, он рано встал и ушёл на работу, после вчерашнего инцидента он даже не зашёл на кухню выпить чашечку кофе. Кричала Валентина. Потом крик внезапно затих и раздался грохот упавшего тяжёлого предмета, Татьяна быстро поднялась и сама заорала. Бабушка, тяжело дыша, пыталась подняться по лестнице, но ей это не удавалось.

— Галина Фёдоровна, звоните Асе, пусть сюда идёт немедленно, — няня подошла к перилам второго этажа и крикнула вниз.

— Что там, Таня, что упало?

— Валя. В обморок упала. И Пахлава пусть придёт, — пока бабушка поплелась за своим телефоном, еле передвигая большими варикозными ногами и шаркая по полу тапочками, Татьяна спустилась вниз, набрала Асю, потом схватила из аптечки нашатырь и снова побежала наверх, попросив бабушку присмотреть за мальчиками.

Асият прибежала тут же, бабушка показала ей рукой наверх, мол, поднимайся туда. Как только Асият вошла в комнату певицы и увидела картину, открывшуюся её взору, она попятилась и вскрикнула высоким истеричным голосом. Бабушка схватилась за сердце, оно ухало и отдавалось в середине груди острой болью. Галина Фёдоровна никак не могла подняться по лестнице на второй этаж и присела на

ступеньки. Она услышала крик Аси и поняла, что произошло что-то ужасное. Ася очень сдержанный и спокойный человек и просто так кричать не будет. Дети заплакали и пришли к своей прабабушке, и уселись с ней на лестнице.

Пехлеви успел вовремя. Увел Галину Фёдоровну к ней комнату. Успокоил детей и усадил в игровой комнате.

— Ася, Ася, — закричал Пехлеви куда-то наверх, — бабушке плохо. Где ты?

— Накапай ей валокордина 30 капель, всё у неё на тумбочке, и поднимайся наверх, — ответила ему жена.

Когда Пехлеви вызывал полицию и скорую помощь, Валентина Сергеевна сидела на краешке кровати своей дочери, Ася сбегала вниз, принесла ей успокаивающие капли, а она всё твердила:

— Что с Лилечкой? Что с Лилечкой? — слово «умерла» она никак не могла произнести. Земля разверзлась перед матерью, когда она увидела дочь мёртвой с пробитой головой и растёкшейся лужей крови, половина которой впиталась в белый пушистый ковёр. Валентина провалилась в адскую кипящую лаву зловещей бездны, и притом она почему-то жива и всё понимает, а ей давно пора заживо сгореть от такого горя, а она дышит. Валя не могла понять, почему она не умерла, как только увидела своего ребёнка.

Пехлеви приказал женщинам ничего не трогать пока не приедет полиция.

Ася пошла к своей подопечной, сделала ей укол, успокоила, как могла, объяснив все крики тем, что Валентине стало плохо, когда приехала полиция, старая женщина уже спала. Няня пошла успокаивать детей и тоже уложила их спать, дневной сон у мальчишек сегодня начался пораньше. Наревевшись, они быстро заснули.

Еле-еле Пехлеви спустил Валентину вниз. Некогда хрупкая женщина разом отяжелела и никак не могла передвигать

ногами. Усадив её в кресло и поручив жене, Пехлеви побежал открывать ворота полицейским и врачам. Обе машины одновременно въехали во двор. На удивление, приехали быстро, наверное, только потому, что Пехлеви сказал, что преступление произошло в доме известной певицы Лилианы. А что это преступление, никто из домочадцев не сомневался, следы преступления были налицо, для этого не надо быть криминалистом. Кровь, разбитая бутылка. Халатик цвета жемчуга валялся на кровати, а певица была в пижаме от этого красивого ночного бельёвого комплекта, отделанного дорогими кружевами.

Первым в комнату певицы зашёл майор Золотарёв, возглавляющий опергруппу, он пригласил своего криминалиста и врача скорой помощи. Врач сказал, что ему здесь делать нечего, к большому сожалению. Спустился вниз, поинтересовался самочувствием Валентины, сделал ей укол. Спросил у Аси какие лекарства она дала старой женщине, после того как Ася попросила посмотреть и Галину Фёдоровну, одобрил её действия и удалился. Валентину Васильевну клонило ко сну. Она тихо что-то бормотала, разговаривала сама с собой. Видно было, что женщина находилась в неадекватном состоянии — сильный стресс дал о себе знать. Асият и Татьяна так и не смогли уговорить женщину подняться к себе в комнату на второй этаж. Няня поспешила к детям, увидев, как они мирно спят, няня вернулась на кухню. После разговора с криминалистом Золотарёв приказал оперативникам провести обыск. Они порылись в вещах певицы, потом перевернули платяной шкаф у Валентины, даже в корзине с грязным бельём что-то искали. То же самое проделали и на первом этаже во всех комнатах. Захватив с собой вещественные доказательства, в том числе и халатик певицы, криминалист ушёл. Няня и Ася, спросив у майора разрешения, можно ли прибраться,

стали складывать разбросанные вещи: Ася — на втором этаже, няня — на первом. В гостиной майор разговаривал с Пехлеви.

— Как я узнал? Жена сказала. Ей Татьяна позвонила и сказала, чтобы бежала в хозяйский дом, что-то ужасное случилось.

— Татьяна — это кто?

— Татьяна — это няня малышей, — мужчина спокойно отвечал майору.

— Расскажите хронологию утренних событий, — майору надо собрать воедино всю картину, и начал он с Пехлеви.

— Я пошёл следом за женой, она поднялась на второй этаж и как закричит. Я испугался, хотел подняться, а тут бабушке плохо. Она сидит на ступеньках, видимо, хотела подняться на второй этаж. Я поднял её, отвёл к ней в комнату, уложил в кровать. Дети шли за нами. Потом детей отвёл в игровую комнату. Крикнул Асе наверх, что бабушке плохо. Ася сказала, чтобы я накапал ей валокордин и немедленно поднялся на второй этаж.

— Вы так и сделали? — майор педантично расспрашивал мужчину о каждой детали, — вспомните всё точно, — следствию важна каждая деталь.

— Всё говорю, как есть, — Пехлеви говорил как-то вдумчиво, — пытаюсь всё вспомнить. Я зашёл в комнату к Лиле, жена оттуда меня звала. Смотрю, Валентина сидит на краешке кровати, Татьяна держит её за руку. На полу лежит певица. Сразу было видно, что она мертва. Уточнил у жены, точно ли мёртвая Лилиана. Ася подтвердила, сказала, что проверила, и труп уже холодный. У меня жена — медик, в этом разбирается. Я быстро вызвал скорую и милицию. Я так и остался стоять у дверей. Позвонил тут же на 112, объяснил. А Ася спустилась вниз, принесла шприц, лекарство, уколола Валю.

— Дальше, что вы сделали?

— Я сказал, чтобы не подходили к трупу, и помог Валентине спуститься вниз. К себе в комнату она не хотела идти. Усадил её в кресло. И побежал открывать вам ворота. Вы вместе со скорой помощью приехали. Быстро отреагировали.

— Ясно. Когда вы последний раз видели певицу?

— Вчера поздно вечером. Я пришёл в хозяйский дом вместе с женой. Бабушке плохо стало.

— Где вы живёте? — майору надо было знать каждую мелочь о людях, которые имеют непосредственное участие к событиям, произошедшим в доме певицы.

— Здесь же, в этом же дворе в старом доме. Как въезжаешь во двор с правой стороны.

— Вы не местные, получается? У нас в городе живут люди разной национальности. Город испокон веков — интернациональный. Я думал, что вы местные, на русском языке говорите без акцента, чисто, — Александр Сергеевич призадумался.

— Так мы с женой и дома говорим по-русски. Мы из Дагестана, люди разной национальности, язык друг друга не понимаем. Учились в русской школе. Все на русском, — пояснил Пехлеви, — я — иранец, жена — лезгинка. Я и назван в честь известного иранского деятеля Пехлеви шаха. Просто они меня здесь зовут Пахлава, это сладость восточная. Им так удобнее, ну и пусть.

— Расскажите при каких обстоятельствах вы вчера видели певицу?

— Таня вчера позвонила, сказала, что бабушке плохо, пусть, мол, Ася зайдёт и я тоже.

— А вы зачем?

— Надо было Гене помочь подняться к себе в комнату, он малость выпил.

— Значит, есть и Гена, а кто это Гена? — майор постепенно вытягивал семейные нити этого большого дома.

— Это Валентины Васильевны муж, — удивлённо сказал Пехлеви.

— А вы так не удивляйтесь, — майор строго посмотрел на мужчину, — вы первый, с кем я начал беседовать. Дальше что было?

— Валентина осталась с Генкой, а я пошёл домой. Жена осталась ещё с Галиной Фёдоровной, потом пришла.

— А что этот Геннадий пьющий человек?

— Нет, что вы! — Пехлеви даже обе руки приложил к груди, — он вообще не пьёт. Он хоть и бирюк бирюком, а руки и душа золотые. На работе праздник отмечали вчера, женщины поздравляли, и Гена малость выпил. А Галина Фёдоровна стала к нему придираться, она его не любит — это и понятно. В семье нужно уметь понимать и прощать друг друга. Но Галина Фёдоровна не считает его членом своей семьи.

— Галина Фёдоровна — бабушка?

— Да. Бабушка. Он, получается, на место её сына пришёл. А сына уже десять лет как нет. Валя траур пять лет держала, очень мужа любила. А с Геннадием года четыре назад как сошлись окончательно.

— А где сейчас Геннадий?

— На работе. Валя говорила вчера, что ему утром на смену заступать, а он выпил.

— Хорошо. Спасибо. Хочу вас предупредить, чтобы вы не покидали территорию дома без моего разрешения. Принесите паспорта — свой и жены, и подпишите подписку о невыезде у лейтенанта Кузнецова.

— Так, где работает Геннадий, говорите?

— В санатории «Исток». Сейчас он в охране, сутки через двое, и ещё работает в хозяйственной части — рабочим. Золотые руки у мужика.

— А где этот лейтенант Кузнецов, у кого подписать? — Пехлеви всегда выполнял, что ему говорило вышестоящее начальство.

— Скоро подъедет. Вы пойдите за паспортами и приходите сюда. Никуда не отлучайтесь, пока я не разрешу. Никому не звоните и не сообщайте о случившемся. Пригласите вашу супругу.

— Хорошо, — Пехлеви кивнул головой и вышел.

Минут через пять зашла Асият.

— Здравствуйте, я — Ася, — женщина вздохнула и тихим голосом продолжила, — я ухаживаю в основном за бабушкой и помогаю в уборке дома, но не часто. Валентина сама справляется, но раз в неделю генералим с ней вдвоём. Как она переживёт это горе, — у Аси задрожал голос и появились слёзы.

— Успокойтесь, пожалуйста, выпейте водички, — майор налил из бутылки воды в стакан и протянул женщине.

— Спасибо. Извините.

— Я вам сейчас буду задавать вопросы, и вы мне предельно точно и, главное, честно отвечайте.

— Конечно. Мне скрывать нечего, — Ася посмотрела на майора своими глубокими чёрными глазами, как у горной газели.

— Когда вы в последний раз видели убитую?

— Лилечку я видела вчера поздно вечером, — и Ася сказала всё, что вчера произошло и чему была свидетелем.

— Кто за вами закрыл входную дверь? — майор продолжал мучить вопросами молодую женщину.

— Татьяна. Лилечка уже поднялась к себе, мы с Таней оставались вдвоём. Я наказала ей сразу мне позвонить, если Галина Фёдоровна плохо себя почувствует. Я слышала, как Таня закрыла за мной замки.

— Ночью вам больше не звонили?

— Нет. Не беспокоили. Только вот сегодня около двух часов дня позвонила Таня, голос взволнованный, дрожащий, сказала, чтобы с мужем пришла, — Ася опять тихонечко всплакнула.

— Расскажите, что вы увидели и ваши действия, — майор решил не обращать внимания на её всхлипывания, — вы же медик, а плачете.

— Я у себя на родине работала хирургической медсестрой и много чего видела, но Лилечка такой хороший человек, такая чуткая, обожает свою бабушку. Очень жалко. Знаете, я ведь работала медсестрой в санатории, но как началась пандемия, Лилиана потребовала, чтобы я ушла с работы, боялась, что я могу вирус подхватить, а потом заразить бабушку и мать. Я и уволилась, и меня с удовольствием отпустили. Отдыхающих нет, работы нет. Персонал сократили. А Лилечка мне возместила деньгами мой уход с работы. Я очень довольна. Мы с мужем им благодарны.

— Понятно, — Золотарёв прервал её монолог, — я понял, что вы сразу поднялись на второй этаж и пошли в апартаменты к певице, как вам няня и сказала, дальнейшие ваши действия какие были?

— Я увидела на полу Валентину и Татьяну, которая пыталась её поднять, но у неё никак не получалось, — Асият взяла себя в руки и продолжила рассказывать, — я помогла поднять Валю, и мы с Таней усадили её на краешек Лилечкиной кровати, Таня села рядом с ней, взяла за руки и показала мне глазами куда-то в сторону окна. Я увидела Лилиану на полу и сразу поняла, что она мертва, я закричала, не сдержалась. Но потом всё-таки подошла к ней, пощупала пульс для того, чтобы убедиться в смерти, хотя тело было уже холодное. Потом пришёл муж.

Беседу майора и Аси прервал дикий крик. Оба выскочили из малой гостиной в большую комнату-холл, где сидела

Валентина с Татьяной. Оказывается, приехала труповозка, и тело певицы спустили в большом чёрном мешке. Валентина, увидев это, очнулась от дрёмы и с криком кинулась на санитаров, — бедолаги чуть не выронили носилки с трупом.

— Не отдам. Откройте лицо моего ребёнка. Немедленно оставьте её дома, это её дом. Куда вы несёте моего ребёнка? — Валя кричала что-то бессвязное, Таня еле удерживала её, откуда только силы взялись у убитой горем матери.

Майор с Асей усадили Валю. Таня облегчённо вздохнула. Ася тут же дала капли Валентине, села рядом с ней и гладила по голове, как ребёнка. При мысли о смерти своего ребёнка женщину всю перекосило. Неестественность этой ситуации удручающе действовала на всех, даже опера ходили поникшие: мать первая увидела свою убитую дочь — это ещё надо перенести.

Майор вышел во двор. Там двое других оперативников обследовали территорию двора. Майор заставил их обследовать каждый сантиметр двора. Хотя криминалист и предварительно сообщил майору причину смерти, он ждал результаты вскрытия от патологоанатома. Позвонив врачу в морг, попросил его срочно провести вскрытие и сообщить ему. Потом приехал дактилоскопист и снял у всех обитателей дома отпечатки пальцев.

Александр Сергеевич покурил во дворе, поговорил со своим бессменным заместителем Кузнецовым и зашёл в дом.

— Ася, мы потом закончим разговор, а вас, Татьяна, прошу пройти со мной, поговорим. У меня есть ещё десять минут. Таня пошла за майором в малую гостиную.

— Асечка, пригляди за детьми, они могут проснуться, — Таня попросила Асият.

— Татьяна Ивановна, — майор прочёл данные паспорта няни, — сейчас придёт лейтенант Кузнецов, передадите ему

свой паспорт и распишетесь в подписке о невыезде до конца следствия. Такова процедура.

— Я понимаю, и никуда и не собиралась уезжать. Как же дети без меня? Я их только бабушкам могу доверить, но Валентина в таком состоянии. Что там говорить, — женщина махнула рукой, — я мальчиков так люблю, я же их почти с рождения нянчу, — и няня принялась вздыхать и плакать, — как это ужасно, что такие маленькие дети остались без матери.

Золотарёв внимательно посмотрел на Татьяну, перед ним сидела уже немолодая женщина, возраст которой совпал с её паспортными данными. Сейчас женщины её возраста во всю молодятся, делают уколы красоты, накачивают губы, наращивают ресницы и много других ухищрений, которые есть в арсенале любого косметолога даже в глухой провинции. Судя по всему, Татьяна всеми этими способами возвращения молодости не пользовалась. У неё была своя естественная красота. Аккуратная стрижка, серые выразительные глаза, скорбные складки у губ, сразу было видно, что женщина порядочная, интеллигентная.

— Татьяна Ивановна, вы сейчас сказали, что вы детей почти с рождения нянчите, сколько детям лет? Они — близняшки?

— Нет, они — двойняшки, и совсем не похожи друг на друга. Матвей больше похож на отца, а Лев — на мать, — при этих словах няня всхлипнула, — им на Новый год — четыре года исполнилось. Лилечка их 31 декабря ночью родила, а записали мальчиков в метрике 1 января. Лилечка очень хорошая. Это ведь редко бывает, чтобы хозяева тебя верно оценивали, не так уж и часто, а Лилечка меня ценила и очень хорошо платила. Конечно, я всегда соблюдаю определённые правила в отношении с хозяевами, как того предусматривает моя работа. Моё дело — дети, но если хозяева

попросят что-нибудь ещё сделать, помочь в чём-то, я всегда пожалуйста.

— Как давно вы работаете в семье? — майор пытался узнать что-то интересное о певице, узнать, за что же так позверски убили Лилиану? Он помнит её ещё с детства, она была неглупой и воспитанной девочкой, немного избалованной, но нисколько не хитрой и не подлой. Кому же она насолила?

— Больше трёх лет до этого у них были няни, которые ухаживали за младенцами.

— Их было две? — майор удивился денежному размаху Лили Гладковой.

— Да. Детей же двое, — удивилась няня, видимо, она уже и сама позабыла, что обычно мамы с бабушками ухаживают за детьми.

— А сейчас почему вы одна?

— Я не одна. В Москве нас двое, певица занята, работает, не может уделять много времени детям. Я сюда приезжаю одна, так как Валентина всегда мне помогает, она обожает своих внуков.

— Хорошо. Скажите, кто обнаружил труп певицы?

— Валя. А я побежала на её крик.

— Так. С этого места поподробнее.

— Я побежала в комнату к Лилечке.

— А почему к Лиле в комнату, а не к Вале? — майор пытался восстановить картину происшествия и понять взаимоотношения людей, вынужденных жить под одной крышей.

— А Валентина на кухне готовила завтрак дочери, а та всё не выходила. Лиля, вообще, завтракает очень поздно, когда у людей уже обед. Привычка у неё такая выработалась с годами. Но на этот раз Лиля долго не приходила, вот Валя и поднялась к ней, пригласить позавтракать. Валечка сама не ела, хотела поговорить с дочерью.

— Об этом она вам сказала?

— Да. Валя поделилась со мной утром. Хотела поговорить о безобразном инциденте, который произошёл вчера вечером между Лилей и Геннадием, — и Татьяна рассказала, что произошло вчера вечером на кухне, — Пахлава Гену наверх тащит, а тот всё орёт на Галину Фёдоровну: «Фашистка старая, ненавижу тебя» и так далее. Не хочу все гадости говорить, которые он в адрес бабушки говорил и Лилечки тоже. Хоть они уже и были в комнате у бабушки, но двери были открыты и всё было слышно.

— Татьяна Ивановна, опишите подробно, что вы увидели утром в спальне у певицы.

— Да уже и не утро было. Второй час дня, но Лилечка поздно завтракает. Я забежала в комнату и сразу наткнулась на Валу, она лежала на полу без сознания, я стала бить её по щекам и пыталась поднять с пола. Она то открывала, то закрывала глаза. Я крикнула вниз Галине Фёдоровне, чтобы она позвонила Асе. Лилечку я сразу и не заметила. Когда я увидела Лилечку, я непроизвольно закричала, я сразу поняла, что она мертва, голова разбита. Кровь на ковре уже впиталась. Пересилила себя, пощупала пульс. Рука была холодная, пульса не было. Я быстро побежала вниз, сама позвонила Асе, пока там бабушка доплетётся до своей комнаты и возьмёт телефон. Потом нашла в аптечке нашатырку и снова побежала наверх. Дала понюхать Вале, та вроде бы пришла в себя, но поднять её я никак не могла. Хоть она и хрупкого телосложения, но какая-то тяжёлая стала, обмякшая. Усадила её на полу же и поддерживала за спину, а тут и Ася подросла. Мы её подняли и усадили на краешек кровати. Потом Пахлава пришёл. Вот вроде бы и всё.

— Татьяна Ивановна, вы москвичка или из других мест? — майор задавал, казалось бы, нелогичные для постороннего человека вопросы, только он сам понимал ход

своих мыслей. Многие люди стандартно мыслят, а майор понял одну истину, в его деле необходим нестандартный подход, чтоб уцепиться за верную версию.

— Да, товарищ следователь, — Татьяна, как всякий советский человек, привыкла к такому обращению, — ещё мои бабушки и дедушки переехали в Москву с Поволжья во время великого голодомора. Люди в деревнях терпели всё то, что им было неприятно и плохо, что их убивало, — и не пытались изменить что-либо. Терпелив наш русский народ. А мои деды были молоды и приехали в Москву в поисках лучшей доли. Так в Москве и жили, и на войну уходили из Москвы, и квартиры получили от АЗЛК. Знаете такой завод?

— Знаю, конечно, — майор кивнул, — автомобильный завод имени Ленинского Комсомола.

— Там мои деды и бабушки и познакомились. С обеих сторон. На этом заводе вся их жизнь прошла. Позже и мои родители работали в разных подразделениях завода. Мама воспитательницей была в детском садике, отец — сборщиком автомобилей «Москвич».

— А где вы раньше работали, как пошли на пенсию? Сразу к Лилиане?

— Нет, — Татьяна помотала головой, — после института я работала в том же детсаду, что и мама моя, ведь направление на обучение мне дал завод. Раньше это практиковалось. Всю жизнь там и проработала от младшей воспитательницы до заведующей детсадом. Как пришёл срок на пенсию, так выпроводили, уже времена другие были, все стали злые и коварные, подсигивали друг друга. Я, вообще-то, ушла сама, меня в районо ценили, если бы я сильно настаивала, то оставили бы. Но у меня мама серьёзно заболела тогда, мне надо было за ней ухаживать, я и ушла. Через год мама умерла. Жить материально стало трудно, бедным быть тяжело. Вот я и подала резюме в несколько элитных фирм по

подбору персонала. Так к Лилиане и попала. Стали они мне, как родные.

У няни была хорошо поставленная речь, прекрасные манеры, не зря певица выбрала её в нянечки своим детям.

— А у вас разве нет своих родных людей? — майору стало жаль эту женщину, считавшую чужую семью своей.

— Как это нету? — встрепенулась женщина, — у меня дочь красавица и умница. Настенька. Институт окончила. Работает. Мы — родители до конца своей жизни в ответе за своих детей. Я всё для неё. Всё ради неё.

— А дочь певицы от первого брака с ней жила?

— Нет. Девочка пошла жить к отцу, как только Лилечка вышла замуж, так Валя говорила, переживала. А как Мария поступила в институт, она в МГИМО училась, то отец ей квартиру купил в центре. Он богат. Мария сейчас одна живёт. Но на последнем курсе института с мальчиком каким-то встречалась, вроде бы жених.

— А сейчас, где этот жених? Вы в курсе? — Золотарёв хотел узнать как можно больше о певице и её окружении. А такие люди, как няня, проще говоря — те, которым интересно перемывать косточки чужим людям, которые обслуживают людей, у которых работают, могут многое выболтать, вся жизнь работодателей проходит перед их глазами. А из большой кучи информации можно и зёрнышко правды выловить.

— А жених-то, — вкрадчивым голосом сказала няня, — оказался альфонсом и приспособленцем, а главное, враль большой. Сказал ей, что приехал из Екатеринбурга поступать в аспирантуру в Москве, в Бауманку, и вроде бы поступил, и там на кафедре работал, и часы у него есть, в институте какую-то дисциплину ведёт. А на самом деле всё врал. Жил у Марии в квартире, никуда не ходил, целыми днями валялся. Мария пойдёт на работу, а она уже работает

в МИДе. Мария — девочка умная. Говорят, что в отца вся. Валюша её очень любит, подолгу бывала в Москве. Помогала дочке растить ребёнка, несмотря на нянь. Бабушки вносят спокойствие и красоту в воспитание внучат. Так вот, женщина — помощница по хозяйству у Маши. Она пару раз в неделю приходила, наводила порядок в квартире у девочки и готовила ей. Так эта помощница сама всё рассказала Сосновскому про этого женишка. Что он никуда не ходит по утрам, валяется, а к вечеру перед приходом Машеньки, оденется представительно, берёт портфель в руки и уходит. Сосновский эту помощницу сам устроил к дочери, чтобы она ему докладывала про Машу. Вот Сосновский и пожаловал к дочери домой, когда этот альфонс дома почивал. Устроил тому разнос, пригрозил, записал на диктофон его признания и вытурил. Потом дал дочери послушать всё. Так что был женишок и весь вышел.

— А сейчас никого нет у Марии?

— Нет. Нету. Так Валюша говорит. Переживает. Девушка красивая, умная, уже 24 года, а замуж не выходит. Никому не верит. И принцы на белых мерседесах к ней подкатывали, но они ей не нужны. У неё к мужчинам возникло стойкое недоверие, которое перерастает в неприязнь, как только она начнет с ними общаться, — Валины слова. А ей, видно, Маша сказала.

— В Москве вы постоянно живёте в доме у певицы?

— Сейчас постоянно, — вздохнула Татьяна Ивановна.

— А чего вы так вздыхаете и почему сейчас, а раньше? — майор невозмутимо продолжал засыпать вопросами няню.

— Вздыхаю, потому что Лилиана затеяла новый бизнес, вложила кучу денег. Наняла людей, а тут пандемия. Всё закрыли. А она целый год возилась с этим делом, детей не видела. Вот я никуда не уходила. Свой человек должен быть в

доме. Правда, пару раз Вальюша приезжала, тогда я и домой уходила со спокойной душой.

— А что за бизнес затеяла Лилия и кто ей в этом помогал?

— Ресторанный бизнес. Сеть семейных ресторанов в разных районах Москвы. Кто помогал, не знаю. Вроде управляющего наняла, — Татьяна Ивановна старалась отвечать чётко, по существу заданного вопроса.

— А какие отношения были у Лилии с мамой? — майор задавал вопросы, перескакивая с одной темы на другую.

— Прекрасные, они любили друг друга, как мать и дочь, — няня грустно сказала.

— А у Лилии с отчимом? С Геннадием? У Валентины и Геннадия гражданский брак, они официально не зарегистрированы, как я понял?

— Да. Галина Фёдоровна часто об этом говорила. Что, мол, Генка не муж Вальке, а сожитель, — это бабушкины слова.

— А я хочу у вас узнать, как складывались отношения у Лилианы с Геннадием?

— Да, никак, — скривилась вдруг Татьяна, — если честно, то не любила она его, и он её тоже. Это была у них взаимная неприязнь, хотя она не стала возражать, чтобы он жил здесь, в этом доме с матерью и бабушкой. Дом-то Лилин, ей и решать. Они редко пересекались в доме. Он уходит рано на работу и рано ложится. Каждый день работает, а когда дома бывает, то на рынок ездит с Валею, то во дворе возится с Пахлавой, то в сарае — у них там мастерская, что-то изобретают. Вон качели сделали для детей, то заборчики красивые для сада, то лавочки придумали садовые, то ещё чего. Пахлава рукастый и Генка тоже. А когда Пахлава с Асей что-нибудь посадят в огороде, так у них всё размножается с невероятной скоростью, и курочек завели, так яйца домашние у нас всегда на завтрак.

Майор перебил няню, боясь, что она не остановится, рассказывая о курочках и цветочках.

— Скажите, а какие отношения у Галины Фёдоровны со своей снохой, всё-таки они более 40 лет вместе прожили, любимого мужчину потеряли, одна — сына, другая — мужа?

— Мне кажется, что за столько лет они так и не сблизились. Не стала Валя родной для свекрови. Для Галины Фёдоровны Валентина из тех снох, которая ходит криво, дышит громко. Всё не то, всё не так.

Раздался звонок на телефоне майора, играл марш «Прощание славянки», написанный ещё в 1912 году малоизвестным в настоящее время композитором Василием Агапкиным. Татьяна сразу узнала эту музыку, это — любимый марш её отца, ей взгрустнулось, она задумалась о чём-то и даже не услышала, что ей говорил майор.

— Извините, я прослушала, — печально произнесла она.

— Я говорю, что я сейчас уйду и опросить бабушку и Валентину Сергеевну не смогу по очень простой причине, они не в состоянии сейчас говорить. Вы, пожалуйста, постарайтесь их привести в чувство к завтрашнему дню. А я приду завтра часов в 12 и опрошу их, как раз будут готовы результаты экспертизы и скажу вам, когда можно будет организовать похороны. Надеюсь, что к этому времени обе женщины придут в себя. Попозже подъедет лейтенант Кузнецов и возьмёт у всех подписку о невыезде из города, — Золотарёв тяжело вздохнул.

На самом деле он тяжело и долго работал над каждой версией. Тщательно прорабатывал её и проверял, но сейчас в этом деле не было ни одной версии, даже ничтожной мало-мальски достоверной. Полдня прошло, а он не знает, кому была нужна смерть певицы и кто мог убить её в своём доме. Полный мрак: никто не заходил, не выходил. На этот раз его удивительная интуиция его подводила. Майор куда-то спешно уехал.

Глава 5

Для неё остановилось время. Какое-то странное чувство, — всё сконцентрировалось только на одном, на неподвижно лежащем теле её дочери. Её девочки, её кровиночки нет, бесценного плода её невероятной любви — нет. Просто уже она не существует в этом мире. Понять и принять это она не могла. Она слышала, как пришёл полицейский-следователь, как зашли Пахлава и Ася, как этот следователь вернул всем троим, в том числе и Татьяне, их паспорта и дал подписать какие-то бумажки, чтобы они не покидали территорию дома, а тем более города до окончания следствия. Как этот лейтенант Кузнецов заглянул к ней гостиную, где она полулежала в кресле, и тут же вышел, тихонечко прикрыв дверь. А что это лейтенант Кузнецов она поняла — он представился, когда зашёл в дом, он говорил громко и чётко — манера такая у полицейских, профессиональная привычка. Дверь в малую гостиную они не закрывали, чтобы слышать Валентину. Валя всё слышала, но ничего не воспринимала, она как будто жила в другом измерении, как будто её окутал плотный туман и людские голоса доносятся издалека. Потом и Ася пришла и открыла дверь после лейтенанта. Лейтенант сказал, что не будет беспокоить маму и бабушку певицы, а завтра придёт майор после обеда и сам поговорит с ними, и уже скажет, когда можно будет забирать тело из морга. При этих словах Валя чётко почувствовала, как Боженька прошёл по её душе, но не босиком, легко, будто одаря её, — нет, не для успокоения, а будто он был одет в солдатские кирзовые сапоги, да ещё с шипами, и топтался, и бил её душу. Она тихо ойкнула: «Боженька, мне же очень больно!!!» Её душа кровоточила...

Её беззвучный плач был страшнее любого крика, страшнее любого плача всех остальных, которые горевали по её дочери. Плач, когда горе выжигает всё внутри, в том числе и слёзы.

— Лейтенант, скажите, а где сейчас Геннадий? — Пехлеви-шах вздохнул, как будто заранее знал ответ, — просто я ему звонил, а никто трубку не берёт.

— А зачем вы ему звонили? — лейтенант раздражённо спросил у Пехлеви.

Ася встревоженно посмотрела на мужа.

— Как зачем? Он — мой друг. И у него жена лежит ни жива ни мертва, он — мужчина, должен знать, что происходит в семье, — твёрдо ответил Пехлеви без тени сомнения в голосе.

— Геннадий задержан на 72 часа до выяснения всех обстоятельств дела, — заявил лейтенант Кузнецов, попрощался и ушёл.

— Вот шайтаны, — выругался мужчина, — Генка тут не причём, Генка никогда бы не сделал этого, он не мог убить Лилечку. Его кто-то крепко подставил. Он никогда никого пальцем не тронет, я точно знаю. Я ручаюсь за него, как за себя.

— А кто тогда? — Татьянин голос задрожал, — кто? Больше некому.

Весь этот диалог Валентина слышала, она хотела подняться и сказать им, чтобы не смели и подумать такое на Гену, что он по своей сути безобидный человек, а тем более убить её ребенка он не посмеет. Она приподнялась и хотела встать. Все услышали стук падающего тела и бросились в гостиную, Валентина упала с кресла, Пехлеви её поднял и снова усадил. Ася дала водички. Тут раздался крик мальчишек и Таня побежала к ним.

— Непоправимо, всё непоправимо и надо принять это, — еле слышно говорила Валя, — бабушка так говорила моя, —

есть такие непоправимые обстоятельства в жизни, которые надо принять. А как? Боженька, подскажи как? — и Валентина заплакала.

— Слава Богу, — облегчённо сказала Асият, — наконец-то заплакала. Слезы душу облегчают, поплачь, Валентина Сергеевна, поплачь, милая. Пойдём к тебе в комнату, полежишь, поплачешь.

Валентина кивнула, и Пехлеви с Асей повели Валю на второй этаж. У Вали в спальне было всё идеально чисто, впрочем, как и всегда. В шифоньере аккуратно разложены по полкам её и мужа вещи. Ася постаралась после того, как провели обыск в её комнате, всё валялось. Безупречно застелена кровать, в туалетной комнате всё сверкало. У них была своя душевая кабина и унитаз. Ванная комната была небольшая, но их собственная, дверь в неё выходила сразу из спальни. Ася умыла, передела и уложила Валю в постель, как ребёнка. Гладила её по голове и говорила слова утешения, которые слышала от взрослых женщин в своём Дагестане. Там специальные женщины-плакальщицы профессионально плакали над усопшим, находили слова утешения, вспоминали ранее умерших родственников покойного, восхваляли его. Это была протяжная песня-плач. Вот и Ася с грехом пополам вспоминала это, пыталась перевести на русский язык и донести до безутешной матери. Как ни странно, Валентина внимательно её слушала и крепко сжимала руку Аси, словно боясь, что та уйдёт.

— Не бойтесь, Валентина Сергеевна, я не уйду, я с вами побуду здесь. А если хотите, буду с вами спать.

Та благодарно закивала головой. Валентина боялась одна оставаться. Весь её мир разрушился сегодня утром.

— Гена не убивал мою дочу, — вдруг тихо, еле слышно произнесла Валя.

— Мы в этом уверены, — твёрдо ответила ей Ася, — Гена, конечно, звёзд с неба не хватает, как и мой муж, впрочем. Но он не убийца. Поверьте — убийцу найдут.

— А Лилечку мою разве вернут? — и слёзы ручьём потекли по лицу безутешной матери.

Заглянул Пехлеви:

— Ты придёшь домой спать?

— Нет. Останусь с Валею. Ты, пожалуйста, уложи Мадиночку, — ответила ему жена.

— Хорошо. А твой халат, ночнушку принести?

Ася задумалась. Валентина глазами показала на свой шифоньер.

— Нет. Не надо. Я Валины надену, — Ася посмотрела на Валу. Та одобрительно закивала головой. Она хотела, чтобы Пахлава побыстрее ушёл, а Ася сидела и держала её за руку, как когда-то мама в её далёком детстве.

Появилась Татьяна с чашкой чая.

— Вот заварила чай с мятой и ромашкой для Вали. У неё же маковой росинки во рту не было. Хоть чай выпьет. Я и сахара добавила.

— Правильно, Танюша. Глюкоза ей сейчас необходима. Как Галина Фёдоровна?

— Асечка, я детей успокоила, покормила. Поздний ужин, но что сделаешь? Пусть поиграют немного, устанут. Потом искупаю, а потом спать. Режим у детей нарушился, надо приспособиться, — Татьяна беспокоилась о детях.

— Таня, я тебе о бабушке спрашиваю, а ты, как всегда, о детях. Проснулась?

— Ой, Ася, я тебе о ней и хотела спросить. Может, укол сделаешь ещё? Проснулась, но лежит в кровати. Чай попросила. Я ей отнесла и чай, и бутерброды. Спросила, как Валентина? Помнит, что сказали о том, что Валя упала вроде бы в обморок. Говорит, наверное, у неё давление поднялось.

Я подтвердила. Спросила, где Лилечка? Говорю, что куда-то ушла с Маринкой — подружкой своей, не знаю куда. Говорит, что будет внучку ждать. Сейчас полежит чуток и выйдет на кухню. Что делать, Асечка? Мне к детям надо бежать, — всё это скороговоркой произнесла няня, — твой муж ушёл, я закрылась на все запоры.

— Я знаю. Он уже проверил территорию и пошёл в дом, с ребёнком играет. Поедут и тоже лягут спать. Я с ним говорила по телефону. У тебя ведь смартфон-Андроид?

— Да, — Таня удивлённо посмотрела на Асю, — а зачем тебе мой телефон?

— Мне твой телефон не нужен, Танюша, мне твоя зарядка от телефона нужна. Ты иди, я сейчас напою Валентину Сергеевну чаем и приду. И решим, как с Галиной Фёдоровной поступить. Хорошо?

— Хорошо, — как-то растерянно шёпотом сказала няня, подошла к Валентине, погладила её по голове и ушла.

Ася кое-как напоила Валентину чаем, шепча ей ласковые слова, замерила давление тонометром, весь медицинский арсенал был у неё под рукой, казалось бы, Асият всю домашнюю аптеку перенесла в спальню к Вале, дала ей какую-то таблеточку, потом ложечку микстуры, дождалась, пока Валентина прикроет глаза и пошла вниз.

«Пусть думает, что я уснула», — решила Валентина и прикрыла глаза. Вся жизнь пронеслась перед глазами, как песок сквозь пальцы прошла. Мысли метались в её голове, как дикие пчёлы, и жалили, жалили.

Вот она маленькая, лет пяти с папой и мамой на первомайской демонстрации. Они с мамой в одинаковых крепдешиновых платьях, мама сшила сама, папа принёс ей на 8 марта отрез синий в белый горошек, и мама умудрилась сшить и дочери платье, вставила белые кружева и хватило обеим. Все любовались ими, а папа гордился. А в мае на

юге прекрасная погода, теплынь, все раздетые, женщины в лёгких нарядах. Они шли в колонне от папиного предприятия. Все говорили маме комплименты. Говорили, что дочка — копия мама. А папа всё смеялся: «Хорошо, что не на меня похожа, а то была бы белобрысая и курносая». А мама у Валентины была красавица — всё было при ней: и грудь, и ноги, и роскошные каштановые волосы, а главное, огромные фиалковые глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, и соболиные брови, и губки алые. Валентина выросла и стала очень похожа на мать. Красота женщины в её глазах, потому что это открытая книга, по которой можно прочесть её сердце, как у Валиной мамы и у самой Валентины. Косметика им не нужна совершенно. Мама ею никогда и не пользовалась, в то время это был редко, Валентине — это не надо было, потому она и не таскалась в поисках туши «Ленинград» по 40 копеек, и пудры фабрики «Свобода». А теперь и внучка её Мария — так сильно похожая на бабушку Валу, очень спокойно относится к косметике и новейшим веяниям косметологии. Зато дочь Лилечка всё перепробовала, у них в шоу-бизнесе — это модно, колоть себя разными филлерами и ботоксом, делать лифтинги и подтяжки. «Лилечка, тебя нет, а ругаюсь с тобой мысленно, не разрешаю себя перекраивать, пекусь о твоём здоровье», — шёпотом разговаривала Валентина сама с собой, обращаясь якобы к дочери. Све-кровь всегда говорила внучке: «Лили, стареть надо красиво, а тебе до старости ещё далеко. Пока к Маринке ходи, маски да массажи делай. — А ты где, доченька? Ты слышишь меня с небес? — продолжала разговор, обращаясь, как бы к дочери, Валентина. — И молитв не знаю никаких, комсомолка я чёртова, а бабушка моя любимая учила ведь меня тайком, а папа всё запрещал. Не дожидла бабушка до тех времён, когда церковь открыли в нашей станице. Фактически, бабушка и поставила меня на ноги, после трагической гибели отца

мама запила, подружки всё утешали её самогоном, вот и превратилась она в алкоголичку. Трагическая судьба у моей матери», — пронеслось в голове у Валентины. За несколько дней до смерти мама рассказала Вале о своей жизни. Когда и как люди умирают, мы не знаем, мы только видим это, но сами не умираем. Вот и Валя не понимала, что мать умирает, она просто внимательно слушала её рассказ.

Мама Валентины была ребёнком войны. Родом она из Белоруссии. Оба её родителя работали на крупном заводе сельскохозяйственного машиностроения в городе Гомеле. Девочка училась на одни пятёрки, и потому уже третий год подряд её родителям давали для дочери путёвку в пионерский лагерь «Буревестник» недалеко от Морегорска. Министерство сельскохозяйственного машиностроения было богатым ведомством и отстроило для детей отличный лагерь, не хуже, чем «Артек», недалеко также был санаторий для семей с детьми и ещё несколько корпусов специализированных здравниц. О своих людях чиновники заботились, им строили целые города со всей инфраструктурой. В этом году из Гомеля с девочкой приехал ещё один мальчик, но он был на пару лет младше Валиной мамы и состоял в другом отряде. Целый год девочка ждала встречи со своими друзьями, с которыми подружилась в прошлом году, они переписывались между собой, учились на одни пятёрки и договорились, что приедут на отдых с первым заездом. Дети, которым был всего по одиннадцать лет, были очень благоразумны и воспитанны. Но 22 июня у них уже заканчивалось время отдыха и их отправляли по домам. И они, пятеро друзей, решили провести ночь с 21 на 22 в горах в своей любимой пещере, жечь костры, печь картошку. У них там было всё припасено. Одна девочка — была из Ленинграда, её родители работали на заводе «Вулкан» сельхозмашиностроения. Самый уравновешенный и умный мальчик-очкарик был из Харькова,

его отец был главным инженером на известном тракторном заводе «Серп и молот». Девочка Гулира, поражавшая всех своей изысканной восточной красотой с двумя толстенными иссиня-чёрными косами была из Ташкента, её мама была ударником коммунистического труда на заводе «Ташсельмаш» и Валерка из Ростова-папы, так себя называл этот двенадцатилетний мальчик. Мальчик из простой рабочей семьи пытался благовать. А его отец был передовиком на прославленном заводе «Ростсельмаш». Эти дети предупредили своих друзей, что опоздают на завтрак, чтобы вожатые не переживали. В тот день они так и не узнали, что началась самая кровавая война в их Отечестве. Они громко хохотали, когда услышали голоса в горах.

— На немецком говорят, — сказал мальчик из Харькова.

— Наверное, туристы, — решила умненькая Гулира, — тоже пещеры изучают.

— Пойдём, посмотрим, — рванула вперёд шустренькая ленинградка, за ней побежал Валерка, девочка ему явно нравилась.

Остальные сидели у костра, ели печёную картошку и жареный хлеб. Заранее припасённые сосиски они давно уже съели. Дети ждали рассвета, чтобы спуститься к морю и искупаться в лучах солнца. Море на рассвете — это восьмое чудо света.

Звук автоматной очереди нарушил их тихий разговор, доносился он как будто издалека. Потом раздались крики Валеры:

— Бегите, бегите к нашему выходу, здесь солдаты — они убивают, они в форме...

Дальше Валера уже не договорил. Эхом раздались выстрелы и оглушили детей. Первой очнулась Гулира.

— Быстро, быстро, — она схватила Валину маму за руки, — побежали, а то умрём.

— А Лена, Гуля, где Лена?

— Лены уже нет, а нас сейчас убьют, — твердила Гулира. — Саша, ты где? Не отставай, очки не потеряй.

— Гуля, подождите, давай Валеру потащим, — очкарик-харьковчанин дружил с Валеркой-ростовчанином, они были из разных социальных слоёв, но притягивались друг к другу, как плюс и минус.

— Саша, я тебя умоляю, беги за нами к нашему выходу, он узкий, взрослые туда не пролезут, слышишь шаги. Сейчас нас догонят. Саша, я тебя прошу, — Гулира уже кричала, но руку своей подружки не отпускала.

Дети нашли этот выход, вылезли и побежали. Им вслед раздавались выстрелы, но пролезти в этот лаз взрослые люди не смогли, но что-то им кричали вслед на русском языке с лёгким акцентом, чему Саша потом удивлялся, то на немецком, то на русском говорят. Дети побежали, куда глаза глядят. Прятались в кустах кизила и боярышника, зашли в чей-то сад и обобрали всю вишню-шпанку. До самого вечера они то прятались, то шли, куда глаза глядят, боялись напороться на бандитов, и в тоже время Саша рвался в милицкий участок, чтобы всё рассказать. Им надо было попасть в свой лагерь, а они попали на хутор. И первой, кого они увидели, была будущая Валина бабушка, тогда красивая молодая женщина с грустной улыбкой.

— Дети, чьи вы будете? Чего такие чумазы?

Девчонки заревели в два ручья, Саша всё спрашивал, как попасть в милицию. В двух словах объяснил ситуацию.

— Серёжа, Серёжа, — крикнула женщина вглубь двора, уже смеркалось.

Появился русоволосый парень с ясными светлыми глазами. На вид ему было лет 14-15. Это был будущий Валин папа. Когда Валина мама подняла на него свои фиалковые глаза, он был поражён, он не знал тогда, что это любовь.

А Валина мама сразу поняла, что влюбилась на всю жизнь. Так и оказалось.

— Серёженька, беги быстро в сельсовет, зови сюда дядю Мишу — участкового, папу и Иван Акимыча — председателя сельсовета, срочно, милый, скажи, что срочно. А вы пока идите, умойтесь и садитесь кушать.

Дети уже заканчивали трапезу, когда появились трое мужчин, следом зашёл Сергей. Хозяйка пригласила их за стол.

— Это диверсанты, — изрёк Михалыч, — война, дети, война.

— Какая война? — возмутилась Гулира.

— Какая война? — удивился Саша.

Валина мама промолчала. Она всегда была тихой и скромной отличницей.

— Великая война будет, — сказал Акимыч, — фашисты объявили нам войну. А ваши друзья стали первыми жертвами на нашей морегорской земле. Первыми жертвами первых диверсантов.

И дети вдруг осознали, что их друзей Ленку-ленинградку и Валерку-ростовчанина убили злейшие враги их страны.

— Сегодня в 4 утра немцы объявили нам войну, захвачена уже почти вся Белоруссия, бомбят Украину, — Акимыч вещал голосом Левитана, пытаясь сам осознать это.

— А Гомель? — насторожилась Валина мама, страшась ответа.

— И Гомель тоже. Парень, пойдёшь с нами, — сказал участковый Сашке.

Девочке сделалось дурно. Пока её отпаивали, Гулира висла на Сашке.

— И я с ним, и я с ним.

— Девочка, он скоро придёт, — увещевал её участковый дядя Миша, — мы сейчас на моём драндулете рванём в ста-

ницу к начальству, он там всё расскажет и приедем. Успокойся.

Так и произошло. Они уселись на мотоцикл «Урал», старый, дребезжащий, но работающий. В коляску сел Акимыч, сзади дяди Миши уселся Сашка. Пока мотоцикл пыхтел и рычал, Гулира всё держала Сашу за руку.

Потом через десять лет после войны, молодые и красивые Валины родители поедут в Ташкент на свадьбу Гулиры и Сашки. Это будет их первым совместным путешествием полным любви и надежд на светлое будущее. Сашка станет видным засекреченным советским учёным, Гулира — его любящей женой и матерью детей, будут они жить в Подмосковье, в Звёздном городке. Валины родители даже разок побывают у них в гостях, но это будет намного позже, после полёта первого космонавта. И Сашка с Гулирой приедут к ним в Морегорск, будут отдыхать в санатории, но всё свободное время проводить на хуторе у Валиных родителей.

Валина мама осталась жить на хуторе. Начальство пионерского лагеря «Буревестник» отправило детей по домам по возможности. Тех детей, чьи города и сёла были захвачены оккупантами, оставили в лагере, другие смены не принимали, а дети продолжали жить на побережье в лагере. Взрослые были уверены, что война ненадолго и к осени вся эта катавасия закончится. Местные жители думали точно так же и чем могли помогали детям, оказавшимся волею судьбы без родителей. Валину маму оставили в лагере, в Белоруссию путь был закрыт, хотя Гомель ещё месяц оставался в зоне действия Красной армии, но бомбардировали его регулярно. Завод эвакуировать не успели, мама работала на заводе, младшая сестрёнка оставалась с бабушкой. Отец ушёл в партизаны. Письма ещё целый месяц приходили на лагерный адрес. Дети, которые не были эвакуированы, ещё полгода были в лагере. Потом пришёл

приказ отдать их в морегорский детский дом, который будет эвакуирован. Фашисты уже захватили большую половину побережья, дошла очередь и до Морегорска. Валина мама побежала на хутор, она часто там бывала. То играла с маленькой сестрёнкой Серёжи, то помогала его маме по хозяйству. Отец Серёжи был на фронте. Оторванная от своей семьи, девочка искала материнского тепла и ласки у своей будущей свекрови. А Серёжа стал для неё центром вселенной, он учил её сельским премудростям и играм, и она внимала каждому его слову. Он уже работал комбайнёром в поле, несмотря на то, что ему было всего 15 лет. А что тут поделаешь? Всех взрослых мужчин забрали на войну. У этих детей не было детства. Но Валя помнит своего отца, как он с любовью рассказывал о своём детстве, о военных годах. Валя всегда удивлялась, как можно с любовью рассказывать о войне? Можно. Ведь жизнь идёт, и в ней всегда случается много интересного — и плохое, и хорошее.

Под расписку с указанием всех паспортных данных Валина бабушка забрала девочку. Бабушка всем говорила, что девочка её племянница, которая не успела из лагеря уехать. Правду знали только Акимыч и дядя Миша, но их не было уже на хуторе. Дядя Миша ушёл на фронт, а Акимыч, говорят, организовывал где-то в горах партизанский отряд. Так Валина мама и осталась жить в доме своего будущего мужа. Под новый 1942 год пришла похоронка на Серёжиного отца, не успели отгоревать, как немцы ворвались, оккупировали город и станицы. Молодёжь сгоняли для отправки в Германию. Валина мама была маленькая, ей это не грозило. А вот Серёжа со своими друзьями ушёл в партизаны. Иногда он встречался с мамой в пещере, мама приносила провизию. Оккупация закончилась весной 1944 года, и Серёжа вернулся домой живой и здоровый, без единой царапинки. Как только в феврале 44 года Сергею исполнилось 18 лет,

он ушёл на войну. Он застал конец войны, но прошёл пол-Европы и служил до конца 45 года. Все эти года Валина мама ждала его.

Победа принесла всем не только облегчение, но и надежду на светлое будущее. А Валиной маме ещё надежду, что её семья жива и здорова. Она отправляла запросы, но получала только отрицательные ответы: «Сведений не имеем». Она решила сама съездить в Белоруссию. Ей уже было 16 лет, она была взрослая и разумная девочка, и будущая свекровь благословила её на поездку только с одним условием, если что не так, пусть возвращается назад. Так и получилось. Один из самых сильных страхов для любого человека: понять, что ошибался в течение долгого времени, ждал, надеялся и ошибался. Так и Валина мама ошиблась в своих надеждах, в вере, что её семья жива, что эта проклятая война их пощадит. Ошибка, подкосившая её. Рухнули её надежды.

Отец Валиной мамы геройски погиб, партизана в белорусских лесах. Об этом она узнала через третьих лиц, тогда ещё не был сформирован архив партизанского штаба белорусского движения, собирали его по крупицам. Прицельным ударом авиабомбы был полностью разрушен завод. Погибло много людей, в том числе и Валина бабушка из Гомеля. Младшая сестра Валиной мамы и её бабушка погибли при эвакуации в августе 41 года, они эвакуировались самыми последними, и тогда фашистские бомбы прямым попаданием уничтожили весь состав.

Оплакав своих близких, девушка вернулась на юг. Лето 45 года было жарким, засушливым. В приморских районах всегда была проблема с водой. Колодцы высохли, а в тех, где была вода, преспокойно жила кишечная палочка. Брюшной тиф подкосил и Валину маму, и Серёжину младшую сестрёнку. Бабушка жила в постоянном страхе за сына, который ещё

где-то воевал, хоть и война закончилась, за больную маленькую дочь, за приёмную девочку, которая незаметно стала ей дорога. Но нельзя жить в постоянном страхе, нельзя всё время чего-то бояться и переживать, — этим ты притягиваешь несчастье, и оно случилось. Умерла бабушкина дочь от тифа, Валина мама выжила. Так она и осталась жить в семье своего будущего мужа, ждала его из действующей Армии и считала месяцы до своего совершеннолетия, стала своей будущей свекрови опорой. Ещё год и они могут с Серёженькой пожениться. И опять злой рок встал на их пути.

Серёжа пришёл с фронта только в конце осени 45-го. Радости женщин не было предела. Быстро накрыли стол, пришли проведать Серёжу, разделить радость возвращения Сергея почти все хutorяне, детишки заглядывали в окна, взрослые расспрашивали о военной жизни, о Германии, где ещё почти полгода после войны Серёжа наводил порядок.

— Люди везде как люди, — рассказывал Сергей, — у них тоже, как и у нас, одни женщины, детишки и старики остались на селе. Мужчин всех на войне поубивало, а те, кто инвалиды без рук и ног помогают своим семьям. Мы их не трогали, что с ними сделаешь? Искали только тех, кто по подвалам и чердакам прячутся.

— Серёжа, а что они там растят на селе у себя, какую культуру сажают, свиньи, коровы есть? — всё интересовалась звеньевая Клавочка, молодая, дотошная, в сельхозтехникуме учится.

— Да тоже самое, как и у нас. В каждом подворье живность есть. Но чисто так, даже не скажешь, что деревня. Утром подоят корову, а излишки выносят на улицу, ставят перед двором на лавочку. Утром машина приезжает и забирает, а в конце недели рассчитывается с каждым. Никто не трогает чужой бидон. Это их бюргеры покупают излишки молока на свои сыроварни или маслобойни.

— Серёга, ты ж шофёр, на какой машине ездил там? — поинтересовался кто-то из мужчин.

— На разных ездил и на наших, и союзников. А в последнее время на «Хорьхе» ездил. Не машина, я вам скажу, а зверь просто. Хорошая машина. Да и дороги там хорошие, как по маслу, едешь порой по бетонке. Ну там, где не разбомбили, конечно. Нам бы такие дороги. Просто мечта, — с воодушевлением рассказывал Серёжа, постепенно хмелея. Гости сидели долго, то одни уйдут, — другие придут. Так и день прошёл.

На семейном совете решили, что свадьбу будут играть на Новый год, как раз в декабре Валиной маме исполнится семнадцать, в сельсовете распишут.

— Столько лет ждали и месяц подождёте, — вынесла вердикт бабушка, — главное, что Серёженька живой-здоровый вернулся. Доченьку похоронила, хоть сыночка дождалась, — причитала тихо она и Бога благодарила за сына и за будущую сноху.

На следующий день к вечеру за Серёжей пришли двое военных из НКВД. Они забрали Сергея, даже не дав ему одеться как следует, только документы сказали взять.

— Куда его забираете? Почему руки скрутили? — бежала за ними мать.

— Он герой войны, он за Родину жизнью рисковал! Он воевал! — следом кричала невеста.

Один из военных сжалился над женщинами.

— Не знаем, за что вашего мужчину приказали арестовать. В город его, в НКВД. Там всё узнаете.

— Это ошибка, понимаете. Не плачьте, — успокаивал, как мог Сергей женщин, — меня отпустят, ждите меня дома.

Ночью он не пришёл, утром тоже. В обед мать собралась в город, невеста — будущая Валина мама тоже пошла с ней

Воистину, благими намерениями выстлана дорога в ад. Сергей хотел рассказать своим односельчанам, как у немецких крестьян оборудовано подсобное хозяйство, как люди могут механизировать и улучшить свой труд, как можно в чистоте содержать домашних животных, хотел у себя на подворье сделать то же самое. Он хотел как лучше и вовсе не думал, что он враг народа. Правду говорят в народе: вошло вино — вышла тайна. А тайны-то и не было. Просто Сергей рассказывал, что видел, восхищался умением людей организовывать пространство вокруг себя, только и всего.

— Мамаша, ваш сын повёл себя, как враг народа. Он восхвалял капиталистическую страну, наших врагов, значит, и сам враг народа. Хорошо, если его не расстреляют, — пугал он женщин, — ищите свидетелей, которые могут опровергнуть вот это заявление, размахивал он перед носом женщины листком.

— Кто ж эту гадость написал на моего Серёженьку? Он же комсомолец, фронтовик, он Родину защищал, он Родину любит.

А следователь продолжал орать и разглагольствовать, цепкимим глазами-буравчиками, всматриваясь в них, — ваш сын — изменник Родины, — отчеканил он, — всё, идите отсюда.

Женщины в слезах вышли в коридор, не зная, что предпринять. Встретиться с Сергеем им не разрешили. За ними следом вышла женщина лет пятидесяти в военной форме при орденах. Быстро всунула в руки матери бумажку.

— Здесь адрес адвоката, идите, он вам поможет, — сердце женщины сжалось, увидев горе матери и невесты, — идите, быстро.

Напротив НКВД был маленький скверик и несколько скамеечек, кривоньких, поломанных. Мама Сергея быстро направилась к скверу, она шла так быстро, что невеста еле

успевала за ней. Вдруг она резко остановилась, уселась на одну из лавочек и стала покачиваться из стороны в сторону, что-то бормоча про себя, она не плакала, не причитала, а просто бормотала. Невеста Серёжи, её будущая сноха — мама Валентины удивлённо смотрела на неё и молчала. У девушки мигом стали плоскими щёки и губы, тусклыми глаза и волосы, как будто судьба-злодейка катком прошла по ней, и сплющила её лицо. Она молчала и невидимым взглядом смотрела вперёд. Мимо них прошли две старушки-подружки, сочувственным взглядом посмотрели на них и прошли молча мимо: они и не такое здесь видели. Вдруг мать перестала раскачиваться, встала, отряхнулась.

— Ты мне эти мысли брось, я говорю тебе, — обратилась она к девушке, — руки на себя наложить вздумала. Не смей — это грех. А Серёжу мы вытащим, — и женщина буквально побежала вперёд, пытаясь догнать старушек.

— Как она догадалась, — удивлялась Валина мама, — всё она знает, — будущая сноха еле поспевала за свекровью.

— Вы не знаете, где эта улица? — обратилась женщина к старушкам-подружкам. Те ей всё подробно рассказали и пожелали удачи. Эти старушки много чего видели на своём длинном жизненном пути.

Адвокаты обычно неразборчивы и нравственная сторона дела их особо не интересует.

Адвокат им помог. Адвокаты защищают живых людей, а не идеальные схемы. И у адвоката должна быть репутация. У этого адвоката была и репутация. Денег у Серёжиных родных не было, но Серёжа привёз из Германии своей невесте шикарную котиковую шубу и шляпку, а матери отрез панбархата на платье — Серёжины трофеи, доставшиеся ему, как солдату-победителю. Адвокат согласился взять эти вещи вместо денег.

— Главное, чтобы Серёжа был жив. Правда, детка? — вопрошала мать, глядя на невесту.

— Правда, правда. Лишь бы Серёжу не расстреляли, — всё плакала девушка. Её слезами можно было затопить целый город. Она плакала, не переставая.

— Вот с такой женой моему сыну надо идти и идти хоть на край света, — думала Серёжина мама.

Сергею дали семь лет строгого режима, из них половину срока он может находиться на поселении в том же регионе, где он будет работать в закрытой зоне. К нему может приехать мать или жена. Его сослали на далёкий Север-Заполярный ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.

Кто же из хуторян написал донос на Сергея, адвокат не сказал никому, только перед отправкой шепнул Сергею на ухо. Через три с половиной года Сергею разрешили жить на территории посёлка, прилегающему к лагерю, и разрешили вызвать невесту. Его уважали и заключенные, и начальство лагеря, что бывает крайне редко. Сергей не сучил, не прогибался, вёл себя достойно. С ним сидело много таких ребят-фронтовиков, которые попали по ложным доносам, они понимали друг друга. А главное, Сергей решил для себя, что не будет никогда пить и болтать, и до конца своей жизни придерживался этого правила.

— Ну что, детка, решилась ехать? Серёжа пишет, что тяжело тебе там придётся, — Серёжина мама плакала, провозжая свою будущую сноху в дальний путь.

— Мама, — девушка уже называла женщину мамой, — там Серёжа и мы вдвоём всё выдержим. Он за вас переживает, как вы тут одна будете? Его это волнует больше всего.

— Пусть не переживает, так ему и скажи. Все здесь родственники и знакомые. Если что, племянники подсобят. Только пиши каждый день. Буду письма читать и вас ждать, — вполголоса, стараясь не плакать, говорила женщина.

Там, на севере Валина мама через год родила девочку. Ребёнок прожил всего один день. Сказалось всё: и климат, и нервное истощение, и нехватка витаминов. Потом последовали подряд два выкидыша. А потом и Сергея срок подошёл к концу, и они приехали к себе на юг. Здесь через некоторое время и родилась Валентина. Семья жила очень дружно. Бабушка носилась с внучкой, кудахтала над ней, как наседка, оберегала от всех и вся. Валентина была единственной её внучкой, больше у Сергея детей так и не родилось. Родители Валентины работали, жили тихо-мирно, если не считать того, что Сергей болел, его мучал кашель, одышка, стали болеть ноги. И мучала его, грызла какая-то тягучая душевная боль, иногда вырывался изнутри стон. Жене говорил, что это воспоминания о войне. А мать всё допытывалась, кто написал тогда на Сергея донос? Знает ли Сергей? Тот всё отрицал.

В один из дней поздней осенью в дождливую погоду Сергей пришёл домой под утро грязный, замученный. Женщины не спали, его ждали, беспокоились, такого никогда не было, с вопросами не лезли, ждали.

— Так вот, — предупредил Сергей родных, — если кто спросит, я ночевал дома. Запомнили?

Никто ничего не спрашивал. На следующий день узнали, что пропал один из односельчан, потом нашли его в пропасти, он упал вместе с трактором с обрыва, несчастный случай. Никого особо и не интересовало, какого чёрта он полез в горы в такую погоду — человек-то был поганенький, с гнильцой, никто его и не любил в селе.

Только мать спросила у Сергея: «Это он?»

Сергей утвердительно кивнул головой. Кто сказал, что ненависть притупляется с годами? Нет. Ненависть переходит в жажду мести, она порой принимает разные формы, иногда самые уродливые. От жажды мести до убийства —

большой путь, и Сергей этот путь прошёл сполна. Эта тема была закрыта. И эта страница жизни Валиных родителей была перевернута.

Когда Вале исполнилось 12 лет, жизнь её семьи перевернулась с ног на голову. В этот прекрасный день уборочной ничего не предвещало беды. Жатва шла своим ходом, отец Валентины был одним из лучших комбайнёров района. В 6 утра он уже был в поле, мама вставала вместе с ним, давала ему с собой еду. Отец зарабатывал хорошо, и жили они не хуже других, а может, и лучше. Днём к ним явился человек из руководства колхоза, сказал, что Сергею плохо и он в больнице в районе. Мама была на работе, бабушка быстро собралась, отправив Валентину к матери на работу, та уже бежала навстречу колхозному газику, Валя за ней.

— Васька, что с Серёжей, говори правду, — мать стала теревить помощника комбайнёра, Серёжиного помощника.

Тот мямлил, заикался, бледнел и краснел.

— Понимаете, — бедный Васька не знал на кого из женщин смотреть и опустил глаза вниз, — мы шли по своей полосе, потом смотрю, машина начала юлить, понимаете... Я не понял, дядя Сергей — ас. А комбайн то туда, то сюда, понимаете. Даже ребята с соседних полос увидели. Гляжу, понимаете, а дяди Сергея не видно, так удивился. Смотрю, уже другие мужики бегут к нам. Соскочил, побежал, понимаете, в кабину, а голова дяди Сергея на руле, — Васька запинался, не знал, что и говорить, на глазах слёзы, парнишке всего 16 лет.

— Дальше, — отрывисто бросила бабушка, она уже всё поняла, давно живёт на белом свете.

— Дальше Сергея достали из комбайна, побежали за фельдшером, за мной, — продолжил бригадир, — сейчас он в больнице.

— Я его должна видеть, — тихо произнесла мама. Валя во все глаза смотрела на мать, — у него сердце больное, ещё с тюрьмы.

— Да. Сердце остановилось, — сказал бригадир. Валя и Васька в ужасе смотрели на бригадира.

— Мы едем на опознание? — спросила бабушка.

— Да, — бригадир не знал как себя вести с матерью Сергея, но этого и не надо было, она всё взяла в свои руки, как будто речь шла не об её сыне — железобетонная бабушка была у Вали.

— Остановите машину, — скомандовала бабушка, — Васька, отведи Валю домой и посиди с ней. Мы скоро будем.

Прошло 9 дней со дня смерти, Валина мама не произнесла ни слова, Валя подумала, что она онемела. Она не ела, только пила. На работу не ходила. Бабушка успокаивала Валю. Бабушка приняла свою судьбу с покорностью: в смерти сыночка она больше всего винила себя и его за то зло, что он причинил, за то, что наказал того подлеца смертью. А себя винила за то, что не смогла предотвратить.

Валина мама ходила, как зомби. Для неё всё было ничтожным и ненужным, кроме любви своего Серёжи. Говорят, что любовь — это химия. Я не знаю, какая из наук эта любовь, но боль она причиняет страшную, невыносимую. Человек не знает, что творит, ведёт себя как безумный, совершает неисправимые ошибки.

— Быть беде, быть беде. Ей никто не нужен был кроме моего Серёженьки, с ним она на край света, с 14 лет любила больше всех на свете. Валечка, смотри за матерью, как бы чего не наделала с собой, — всё твердила бабушка.

Валина мама не наложила руки на себя. Она стала пить беспробудно и беспросветно и днём, и ночью. Самое худшее,

когда отказывают мозги и начинают возобладать инстинкты. Бабушка искала её по притонам и забегаловкам, бабушка ругалась с продавщицей в сельмаге и самогонщицами, чтобы ей не продавали алкоголь, бабушка читала ей проповеди. Опустившаяся женщина — это очень страшное зрелище, это необратимый процесс. Валя её утешала, умоляла, плакала, но всё бесполезно. За год мать из красавицы превратилась в уродливого человека непонятного пола, её некогда прекрасные глаза, в которых когда-то утонул Сергей, превратились в два мутных омута, на самом дне их она утопила свою жизнь. Житейская мудрость советует применять разные способы в таких случаях, но ни один из способов не помог Валиной маме. Она выносила из дома вещи, пропивала, она не вынесла испытания горем. Валина мать умерла через два года после смерти любимого мужа.

Валя осталась одна с бабушкой. Это бабушка заставила её идти учиться в профтехучилище.

— Иди, выучись на повара. Никогда голодной не останешься, всегда при хлебе будешь, — бабушка боялась голода, она помнила времена, когда собирали в горах лебеду и конский щавель и варили супы, когда единственным лакомством зимой был сушёный кизил и тёрн. Немцы по осени весь урожай фруктов и овощей отнимали, живность забирали, народ голодал. Страшные были времена.

Потом, когда повзрослела, Валя поняла, как бабушка была права, — профессия её кормила всю жизнь. Одно время Валя работала в кулинарии, то есть всегда была при продуктах и домой тянула тяжёлые сумки, и по соседям, случалось, торговала сосиками да сыром. Вот что значит сделать правильный выбор.

— Люби Бога, люби людей, люби свою семью, люби саму себя, и тогда твоя жизнь будет прекрасна, — и это ей

говорила бабушка. И она следовала советам бабушки, тогда почему же её так рано оставили и Фёдор, и Лилечка. «Почему? — мысленно спросила она у бабушки, — почему?»

С мыслями о бабушке Валентина, наконец, уснула: лекарства подействовали.

Глава 6

На следующий день с утра, сразу после оперативного совещания у начальника, майор созвонился с Мариной Подольской — лучшей и единственной подругой Лилианы в Морегорске. Порой зависть толкает людей даже на преступления, особенно женщин, а лучших подруг даже чаще остальных. Но по сведениям, которые собрал майор, Марина Подольская была лучшим косметологом не только в Морегорске, но и почти во всех городках и поселках вокруг Морегорска. К ней ходили не только местные жители, но и отдыхающие. Из уст в уста передавали женщины друг другу об её умении сделать их красивыми и молодыми. Она прекрасно сочетала старые методики и новейшие веяния косметологии. Марина часто ездила в Москву, в Санкт-Петербург, в Израиль и Париж, чтобы узнать и освоить что-то новое. Клиентки были от неё в восторге. Салон Подольской был Меккой для женщин, к ней записывались за несколько месяцев вперёд, и не только к ней, но и ко всем её сотрудникам. К своей работе Подольская относилась со священным трепетом. Раньше она арендовала помещение под свой салон, но несколько лет назад выкупила старинное здание в центре города и превратила его в современный, выдержанный в модельном стиле Центр Красоты. Но в связи с пандемией он был закрыт. Хотя в городе ходили слухи, что своих постоянных и уважаемых клиенток Марина принимала при закрытых дверях. Майор позвонил ей на следующий день после убийства. Она согласилась принять его у себя в квартире. Квартира была роскошная, но вид имела нежилой. Мягкая мебель была накрыта белой тканью, цветы в роскошных высоких вазах были живые, но уже высохшие.

Она открыла ему сразу:

— Проходите, пожалуйста, Александр Сергеевич, на кухню. Это единственное место, где мы можем поговорить.

Золотарёв посмотрел на неё удивлённо.

— Вы же мне представились по телефону, — тихим голосом сказала она, — вот я и запомнила ваше имя-отчество. Или что-то другое вас удивляет, — Марина запомнила его взгляд, — это моя квартира, но уже год, как я здесь не живу. У мамы живу, она болеет, но в квартире жить не хочет, даже такой роскошной. Предпочитает свой маленький домик. Говорит, что хочет на земле жить, привыкла. Вот я к ней и переехала. Могли бы и в салоне, в моём кабинете поговорить. Но как вы сами знаете, сейчас из-за карантина закрыты.

— Я хочу с вами поговорить о..., — майор не успел договорить, как Подольская его перебила.

— Знаю, вы по поводу убийства Лили Гладковой.

— Да. Когда вы узнали об этом?

— Вчера. Мы должны были с Лилей встретиться. Она хотела о чём-то со мной поговорить. Но так и не позвонила. Когда я её сама набрала, трубку взял кто-то из ваших людей и сообщил мне, — голос у Марины задрожал, на глазах навернулись слёзы, — я вот сюда пришла и плачу, чтобы мама не видела. Если узнает, ей будет плохо. Она Лилю любила, и потом Лилия — единственный человек, которому я могла рассказать всё, и она мне.

Золотарёв встал со стула, подошёл к крану налить ей воды. Она замахала руками.

— В холодильнике есть боржоми, — как-то отрешённо сказала Марина, держа руку у горла и поглаживая его, как будто боль потери подруги душит её.

— У меня астма, — выговорила Марина после того, как сделала несколько глотков минеральной воды, которую ей

любезно подал майор, — вроде бы болезнь успокоилась, но как только начинаю нервничать, обостряется.

— Я специально не стал вызывать вас в отдел, а хотел поговорить в неформальной обстановке, побольше узнать о Лиле, — майор немного нервничал, — очень странное убийство. Мы знаем, что она позвонила вам после 12 ночи, сделали биллинг всех её звонков, естественно. Вы не догадываетесь, о чём она вам хотела сказать. И в каком она была состоянии?

— Она была пьяна, судя по голосу. Язык заплетался. А когда она выпьет, она всегда звонит мне или кому-нибудь из своих мужчин. Я не знаю, о чём она хотела со мной поговорить. Я её прервала, так как это могло долго длиться. У Лильки богатое воображение, она всегда себя накручивала, а, знаете ли, воображение всегда ярче реальности, а у Лили какой-то пустяк мог вылиться во вселенскую катастрофу. Я посоветовала Лиле лечь спать, а утром мы поговорим и всё обсудим. И она, как ни странно, согласилась. Ну, вот и всё. Я очень жалею, что не выслушала её, очень. Но она так часто мне звонила пьяная, говорила бессвязные слова, что я решила, что это — её очередные пьяные инсинуации, — Марина всё это сказала на одном дыхании, как будто подготовила шпаргалку и по ней читала. Но и не мудро, что она так волновалась, она прекрасно понимала, что она — последняя, кто говорил с певицей, и если бы она выслушала свою подругу, то могла бы ей чем-то помочь. А так отфутболила и всё.

У майора чётко организованный мозг, все преступления он квалифицирует и даже создал таблицу, но это убийство вызвало у него большую сумятицу. Ни у кого из тех, кто был в доме, не было мотива для убийства, а извне никто не проник в дом. И он решил узнать о Лиле всё, начиная издалека. Даже от конкуренции и вражды до убийства — большой

путь. Но в случае с певицей ни того, ни другого не было. Оставалось только или бытовое убийство, и всё указывало на её отчима, или случайное убийство. Но случайно не бьют по голове бутылкой, а потом душат окончательно. Единственный подозреваемый сидел в СИЗО и через трое суток надо было ему или предъявить обвинение, или отпустить восвояси.

— А как её убили? — дрожащим голосом поинтересовалась Марина.

Майор всё ей рассказал. Он почему-то на неё рассчитывал.

— Вот так глупо и нелепо умереть, — она вздохнула, и слёзы опять бесшумно покатались по её щекам.

Марина решила рассказать всё, что знает, а выводы делать предоставила майору.

— Мы с Лилей дружим с медучилица. Как с девятого класса пришли, как сели за одну парту, так и не расставались, пока она замуж не вышла в Москву. Мы с ней совершенно разными были всегда — и по характеру, и по социальному положению, но притягивались друг к другу, как плюс и минус. Меня мама заставила идти в училище, всё говорила, что хлебная профессия. А в мединститут надо ехать в краевой центр, а она не потянет — времена тяжёлые настали. Я всегда мечтала быть врачом. Но разве это мечты? Мечты должны быть либо безумными, либо нереальными. Иначе — это планы на завтра, как моя обыденная мечта — стать врачом. Вот у Лили была мечта так мечта — она мечтала блистать на большой сцене. Мама меня одна растила, вот она меня и уговорила сначала в медучилище пойти, а там как получится, может, и врачом стану. А Лилю родители заставили. В школе она училась средненько, и отец настоял, чтобы она пошла в медицинское училище. Сам он врач был, кардиологом работал. Потом

мы обе проходили практику у него в санатории, там и мама её работала тогда поваром. Семья у Лили была очень положительная, я часто пропадала у них дома. В квартире, где жили родители, редко. А вот в доме, где жили Лилькины бабушка и дедушка, часто. Сейчас в этом старом доме живут люди, которые помогают по дому, а Лиля отстроила большой дом. Вроде бы муж второй помог, спонсировал строительство. Но я его плохо знаю. Видела всего пару раз. Один раз на свадьбе, Лиля была глубоко беременна, уже с большим животом, очень заметным, но он настаивал на торжестве. У неё — второй брак, и эту катавасию со свадьбой она уже проходила, а у него — первый брак, и она ему уступила и разрешила ему устроить свадьбу какую он хочет. Он и закатил пир на весь мир. Шашков Илья, ну думаю, вы уже в курсе, что он сидит дома под домашним арестом. Сейчас идёт борьба с коррупцией по всем политическим направлениям, и Шашков попал под жернова этой фальшивой развёрнутой борьбы. Это Лилькины слова, а она со слов Ильи говорит, я думаю, политика её никогда не интересовала. Шашков моложе Лильки почти на 10 лет и власть его интересовала всегда с детства. Ещё его отец был секретарём обкома при советской власти, а потом он стал строить свою карьеру уже при нынешней власти при подаче отца. Отец умер, но он не сдался, а развернулся ещё больше. Лиля говорит, что его оклеветали и разберутся обязательно. Он такие громадные деньги не похищал из бюджета. И у него есть покровители. У неё были какие-то дела с его друзьями в Москве, после того, как его посадили, но я точно не знаю. Мне кажется, она вчера хотела поговорить со мной о нём, посоветоваться, но это что-то личное. Так вот. Вас интересует всё, что касается Лили здесь. Мы были молоденькие совсем, когда познакомились желторотые девочки. Нам хотелось любви, свободы. Но ничего такого из ряда вон выхо-

дящего мы не делали. Был сильный родительский контроль. Правда, у Лили была первая любовь — Андрей Половинкин, одноклассник. Они даже решили пожениться, как только он из армии придёт. И Лили клятвенно обещала его дождаться. Но пока ему было рано в армию, он тоже после 9 класса ушёл в училище, в профессионально-техническое, должен был стать через три года механиком холодильных установок. У Лилишки ничего серьёзного с ним не было, только поцелуйчики иногда и всё. Вот мы и гуляли компанией, ребята из этого училища, которых Андрей привёл, и наши девочки. Бабушка Лили Галина Фёдоровна строгая дама. Всегда нам говорила: «Мужчина — это средство достижения цели для молодых и амбициозных девушек. Смотрите не отдайте свою девичью честь этим соплякам. Они не оценят и взамен ничего не смогут вам дать. Ждите своего мужчину. А таких, как твой Половинкин — жених хренов, в базарный день пятачок — большой пучок, слышишь меня, Лили?» Она нам так это в голову вбила, что мы безоговорочно выполнили её совет. С этими пацанами мы только целовались у моря на косе, где раньше гнил старый корабль, который подняли со дна и никак не могли утилизировать. Вся молодёжь нашего города там тусовалась, и мы там лазили, костры жгли, мидии и барабульку жарили, и целовались. Андрей был хороший парень, добрый, симпатичный, смелый, Лилию любил. Но как говорила Галина Фёдоровна: «Лили. Он тебе не пара, наберись терпения — твоё время встретить достойного мужчину ещё не пришло». Бабушка её обожала. Как она перенесёт смерть Лили, даже не представляю. Так беззаботно и проходило наше взросление. Кстати, где-то недельку назад мы встретили Андрея случайно на набережной. Сейчас народ не гуляет из-за этого карантина, было всего несколько человек. И мы, я с Лилей и няня с мальчиками, она сзади шла, дети в коляске уже засыпали.

Мы собирались домой. Тётя Валя строго наказала, чтобы я шла к ним обедать, она готовит великолепно, профи всё-таки. Смотрим, к нам какой-то мужчина подходит, довольно потрёпанный вид и девочку лет пяти-шести за руку держит. Признаюсь, мы его не узнали, пока он сам не представился. Я поздоровалась и тактично ушла, подошла к детям. Они недолго поговорили минут 10, и Лиля подошла к нам, а мы с няней сели на лавочку, чтобы Лилю подождать. Татьяна-няня, что-то копалась в своём телефоне, дети дремали, а я наблюдала за Лилей и Андреем. «Боже мой, — Лиля даже как-то театральнo заломила руки, — и это моя первая любовь. Маринка, неужели я была в него влюблена? Я в шоке. Посмотри на него. Я его не узнала, какой-то старикан. Говорит, что женился только лет десять назад, всё меня любил. Так же работает мастером и так далее. Его мужское самолюбие находится в состоянии покоя, честное слово. Ничего не добился в жизни, живёт там же с матерью и семьёй. Свидание мне назначал, представляешь? Я чуть не расхохоталась на всю Набережную. Еле сдержалась. Сказала, что уезжаю. Да уж, как жизнь меняет людей». Признаться, я тоже не ожидала, что Андрей станет таким, он был весёлым, умным парнем. Жизнь перемалывает некоторых и выплёвывает — это про Половинкина. Его фамилия у меня всегда вызывала смех, а в тот день мне стало очень грустно и Лильке тоже. В училище я училась усердно, так как мы одновременно с получением профессии и получали ещё среднее образование, я планировала поступить в мединститут, денег у нас не было. А на бюджет нужно было иметь красный диплом и хороший аттестат. Я старалась. У меня синдром отличницы, и маму боялась подвести. А Лиля была более избалованная, медицина её не интересовала, она хотела только петь и танцевать, стоять на сцене и блистать, но боялась родителей и ждала своего звёздного часа. И он пришёл в лице Соснов-

ского Станислава Ивановича. Лиля поняла, вот он — её глоток воздуха, её свобода, её несбыточная мечта, её освобождение от оков родительского гнёта и контроля. Но я всё расскажу по порядку. После третьего курса у нас должна была быть практика полугодовая, и Лилин отец, дядя Федя, взял нас обеих в свой санаторий на практику. Я шла на красный диплом, он уважал моё желание поступать в мединститут и обещал помочь с практикой. Дядя Федя тогда уже стал главврачом в санатории и устроил нас туда на практику. Врачи нас гоняли, видно, Лилин папа постарался, чтобы мы хоть чему-то научились. Тётя Валя — Лилина мама работала в этом же санатории поваром, не шефом. Шефом её муж не стал устраивать, не хотел лишних разговоров. Обедать она нас звала в столовую, но чтобы никто не видел, усаживала в ВИП-зале. В этом зале не так уж много людей обедало, мы приходили к концу обеда, когда основной контингент уже отобедал. Иногда с нами обедал и главврач — Лилин папа. За одним из столов у окна с видом на море всегда сидел очень интересный мужчина около сорока лет. Когда дядя Федя приходил с нами, они перебрасывались парой незначащих фраз. Официантки и диетсестра кружили вокруг него, и даже шеф-повар заходила, спрашивала, понравилась ли ему еда, видно было, что важная птица. А нам только исполнилось по 18 лет, молодо-зелено, для нас он был старый хрыч, и мы на него не обращали внимание. Как-то, когда ВИП-зал был уже пустой, остались только он и мы, он подошёл к нашему столику, представился и спросил, у какого врача мы работаем. Лилия не стала ему отвечать, а я назвала наши имена и сказала, что я работаю в процедурном кабинете, а Лилия у кардиолога. Он извинился и ушёл. А потом началось. Он стал ухаживать за Лилей. Цветы в кабинет кардиолога, какие-то мягкие игрушки, билеты в театр и на концерт на двоих, заметьте, чтобы мы

вдвоём с Лилей пошли. И вдруг сам оказывался там, такой весь из себя элегантный и богатый. Потом улетел, но цветы регулярно раз в неделю посылал, а мы всё хихикали, как дурочки. Через три месяца снова прилетел на десять дней, вроде бы отдохнуть, но мы-то поняли: из-за Лили. Уже стал ей признаваться в любви, но Лиля отвергла его. Почти 20 лет разницы, в разводе, есть сын от первого брака, хоть и живёт со своей мамой в другой стране, и вообще он старый, с запалом говорила она. Но богатенький буратино живёт в Москве, осуществит её мечту о сцене. И в тоже время: «Нет-нет, родители будут против». Сомнения раздирали её душу, она не знала с кем посоветоваться. Никто из взрослых не догадывался, что Сосновский ухаживает за Лилькой. Как говорится в присказке: «И хочется, и колется, и мамка не велит». В третий раз Лиля увидела его на свой День рождения в 19-летие. Бабушка с дедушкой накрыли шикарный стол, как впрочем и всегда, отец жарил шашлык, мама суетилась в беседке. Осень у нас тёплая, сидели во дворе. Из посторонних были я и пара подружек. Вдруг распахнулась калитка, какой-то мужчина её придержал, неся в руках ещё и многочисленные пакеты, а Сосновский с букетом роскошных роз подошёл к Лиле и поздравил её. Все обалдели от неожиданности. Дядя Федя решил, что он к нему приехал и хочет в санаторий устроиться отдохнуть, а оказалось, он приехал на машине по делам к нам в край, остановился в гостинице и зашёл просто поведать. Мужчина, оказывается, московский водитель олигарха, передал все пакеты тёте Вале. И вышел. Впоследствии этот мужчина-водитель очень много помог Лиле, ведь он её впервые увидел молоденькой невинной девушкой. После Сосновского Лиля окунулась в полную соблазнов жизнь, и мужчины были, конечно. Она монашкой не была. Но мужчины могут внезапно появляться и внезапно исчезать из жизни женщины. Несмотря на то,

что Лиля была безумно хороша: белокурая красавица с ярко-зелёными глазами, с тонкой талией и красивым бюстом, в неё нельзя было не влюбиться. Дедушка Лили всегда говорил, что она копия бабушки в молодости. Даже сейчас видна их схожесть. Только бабушка надменная и с жёстким характером, а как меня увидит, так всегда прикрывалась лживой улыбкой, а Лиля попроще.

— Андрей Половинкин, Лилин одноклассник, значит и мой, — и вдруг майор чётко вспомнил этого парня, — у них с Лилькой любовь была, получается, а я и не знал. Он после девятого класса ушёл, вот поэтому и не знал. Надо с ним встретиться, поговорить. Вряд ли он ко всему этому, что случилось с Гладковой, причастен, но встретиться поговорить надо. Отработать малейшую версию.

Майор тут же отправил смс своему помощнику Кузнецову: адрес и телефон Половинкина узнать. После Марины поеду к нему.

Вдруг Марина замолчала. Встала к плите и молча стала заваривать кофе. Майор Золотарёв терпеливо ждал. Люди, в своём большинстве, даже не могут себе представить, что кто-то способен читать их мысли, понимать их чувства. Майор сразу понял, что тогда в далёкой молодости Марина очень завидовала своей яркой, более удачливой подруге, тому, что она имела, пусть не богатства и дворцы, но хотя бы заботливых родителей, любящих бабушку и дедушку. А у неё была одна лишь мать, которая денно и ночью трудилась, чтобы обеспечить будущее своей дочери. Жизнь свою и внешность Марина сделала сама, вырывая из людей хотя бы толику полезного, что они могли ей дать.

— Лиля, всё-таки вышла за него замуж, несмотря на такую разницу в возрасте, — продолжила Марина, — все были против его кандидатуры, деда волновало его прошлое, первая семья, несмотря на то, что они жили в другой

стране. Дед всегда говорил, что у больших состояний есть своё маленькое кладбище. Мама переживала, что дочь выходит замуж не по любви, ведь у тётки Вали и дяди Феди была феерическая любовь. Отец Лили вообще был в шоке, он даже не подозревал, что у Сосновского и Лили какие-то отношения. Только бабка её поддержала. Так Лиля и уехала в Москву. После защиты диплома, сыграли шикарную свадьбу у нас в городе, а потом и в Москве. Через год Лиля родила дочь Машу. Но Сосновский настаивал, чтобы девочку называли только Мария, он назвал её в честь своей матери и любил её безумно. По-моему, в этой жизни он любит только свою дочь, остальные все — пешки в его жизни. Жизнь для него — игра. Тётя Валя пропадала там у Лили в Москве, помогала ей с ребёнком. А я здесь была на практике после медучилища, потом уехала в область, поступила в мединститут, и как-то мы на время потеряли с Лилей связь. Виделись только, когда она приезжала сюда к родителям. Лиля уже блистала на сцене, пела, зарабатывала большие деньги. Я уже окончила институт и поехала в Москву в Институт Красоты на курсы. У Лильки произошёл громкий развод с Сосновским. Вы, наверное, слышали. Он её приревновал к солисту одного из мужских групп, даже прилетал к ней в какой-то областной центр на праздничный концерт, увёз её домой, избил как собаку. Она даже лежала в больнице с серьёзными травмами. Потом прилетали в Москву её родители и даже дед весь в орденах и медалях. И только благодаря авторитету деда и его связям в Москве, они смогли противостоять Сосновскому. Посадить они его не посадили, а отсудить смогли и дом, и одну из московских квартир, и пару счетов. Голой Лиля не осталась, а могла бы, у них был составлен брачный договор, и факт измены Лилькой был доказан. Но они пошли на компромисс. Потом Лилю с ребёнком привезли сюда и полгода она жила

у родителей, проходила реабилитацию и т.д. И мы снова подружались. У неё были мужчины после Сосновского, но замуж никто не предлагал, и вдруг, как снег на голову она решила выйти замуж за Шашкова. Она с ним периодически встречалась, когда он приезжал в Москву по делам. И тут на тебе, замуж. Он, конечно, был известным человеком к тому времени, молодой губернатор одной из сибирских областей, моложе её на десять лет, не женат, красавчик. Но зачем ему надо было жениться на ней, взрослой женщине с ребёнком, я так и не поняла. На свадьбу мы все поехали в Сибирь, под венец её вел отец. Платье было шикарное, но её живот скрыть уже было невозможно. Всё было дорого-богато. Лиля родила двойняшек, я — их крёстная мама, жили они на два города, то в Москве, то в Сибири. И этот дом громадный отстроил Шашков здесь, чтобы Лиле и детям было удобно жить на море. В Подмосковье особняк для Лили построил Сосновский. При разводе с олигархом, он ей остался. Год назад на Шашкова открыли уголовное дело. Лиля говорит, что тогда стали под всех губернаторов копать, и Шашков попал под раздачу. Хорошо хоть его не посадили, и он находится под домашним арестом. Лилка к нему летала, то одна, то с детьми. И эта нелепая смерть. Я никак не пойму, кто мог её убить. Лиля была очень хорошая, добрая, мне очень помогла с арендой помещения, с оборудованием. Маму в больницу в Москве уложила, с врачами и лекарствами помогла. Знаете, доброта, как состояние души, как деликатность и щепетильность. Эти все три чувства были у Лилиного отца. А Лили досталась от него только доброта. Но ведь это тоже кое-что. Не могу понять, за что её убили и кто? Мечь? Кто мог ей мстить? Поверьте, никто. Разве только из-за мужей.

— А она вам ничего не говорила такого? Что могло вас натолкнуть на мысль о мужьях?

— Поверьте, — Марина всплакнула, — она жаловалась на Марию дочь, что та с ней холодна до сих пор, хотя прошло пять лет после её замужества. Мария сразу после свадьбы ушла к отцу и долго с Лилей не общалась. Только с бабушкой и дедушкой. Приезжала только один раз на похороны деда Фёдора Петровича, и то со своим отцом Сосновским. Видите, и сейчас сразу же уехала, хоть тётя Валя её уговаривала остаться.

— Последний звонок Лили был вам в 12 часов ночи за пару часов до её смерти, о чём вы говорили? Продолжительность была минимальная, но всё-таки я хочу знать, — Золотарёв внимательно посмотрел на Марину.

— Я хотела вам рассказать об этом разговоре. Но что там говорить. Лилька мне позвонила уже в первом часу ночи, пьяная, еле язык ворочала, всё кричала, что все мужчины твари и вокруг одни предатели, и она им устроит. Я так и не поняла кому и что? Она говорила какие-то нечленораздельные слова. Успокоила её, посоветовала лечь спать, она ведь выдула больше половины бутылки вина и сразу захмелела. Еле-еле её уговорила и пообещала завтра с ней встретиться — поговорить.

— Вас не насторожили её слова?

— Нет. Она в последнее время много стала пить и как напьётся, звонит мне: и из Москвы звонила, и если где-то была на гастролях, и из Сибири. И всех ругала и поливала. Что-то её мучало. Не знаю, что с ней было. На трезвую голову извинялась. Живёт, как сыр в масле. Когда Мария жила с ней, Сосновский обеспечивал «от» и «до». Сейчас Шашков отправляет детям кучу денег и счета на них открыл, и недвижимость купил. А Лилька с жиру бесилась и вот результат. А может, она сама себя убила? Уж лучше быть одной, как я, но надо быть достойной. Я стараюсь. Одиночество — самое стойкое из привычек. А Лиля не могла быть одна, все

нервы свои истрепала с этими мужчинами, и только состоятельных искала. Зачем ей это? Единственная дочь. И родители, и бабушка с дедушкой — всё для неё. Дом на хуторе тёти-Валин для неё, сделали ремонт, там сейчас дачка гладковская. И Лилин дедушка, и бабушка всегда там возились, как тёти-Валина бабушка умерла. Всё было у неё, всё, — с горечью в голосе говорила Подольская, — обидно мне за Лилию и больно.

— А что за бизнес она затеяла в Москве? Вы в курсе, Марина? — майор как-то ненавязчиво пытался всё у неё узнать.

— Это Шашков ей приказал открыть сеть кафе быстрого питания, она категорически была против, он настоял, ему надо было деньги отмыть через неё. Она наняла управляющую компанию, и они всё организовали. Сейчас всё заглохло. А ведь Лилия влюбилась в Шашкова по-настоящему. Любви безразличны внешность и возраст, она приходит неожиданно, — Марина опять всплакнула.

— Это убийство. Вот моя визитка. Если что-нибудь вспомните интересное, звоните. К Гладковым пока не ходите. Посторонним пока нельзя у них появляться.

— Хорошо, — Марина Подольская — лучшая подруга певицы Лилианы молча плакала.

Майор решил сразу поехать к Половинкину, позвонил ему, тот сразу узнал и согласился на встречу. Встретились они у дома, Андрей приглашал Золотарёва в дом в гости. Но майору некогда было.

— Знаешь, что случилось с Лилей Гладковой? — сходу спросил Золотарёв.

— Знаю, — ответил Андрей, — дурные новости бегут, а добрые плетутся, особенно в нашем городе. Жаль Лилию.

Как майор и предполагал, — случайная встреча с Лилей, разговоры про семью, про детей, всё было скуповато и казённо, как будто у них и не было первой большой любви.

— Всё, что было — былём поросло. Я о ней долго помнил, но за эти 10 минут не нашёл тёплые слова, чтобы ей сказать. Она, конечно, шикарно выглядела, была такая самоуверенная, но, по-моему, она играла. Моя жена и моя дочь давно перевесили на чашке весов эту старую любовь. 25 лет прошло. Жалко Лильку, кто же её убил? Это всё игры московских воротил, — Половинкин глубоко вздохнул и попрощался с майором.

Позже на похоронах певицы майор его так и не увидел.

Глава 7

- Зря вы Генку посадили, он тут не причём, он бы никогда не убил Лили и никого не смог бы убить, духа у него нет такого, чтобы лишать людей жизни, — бабушка Галина Фёдоровна сидела ровно, прямо, ей уже за 90, а осанку она сохранила, только ноги её подвели. Ярко-зелёные глаза её по-прежнему горели, седые волосы были собраны на затылке в пучок, на голове замысловато завязан тонкий шарфик-ободок, в чёрном костюме она была похожа на английскую королеву. — Я уж в людях разбираюсь, долгую жизнь прожила. Генка даже ни разу не был в комнате у Лили, он даже в то крыло дома, где Лили живёт, не проходил. Это не он. Он, конечно, простофиля. И сидел когда-то по глупости, но он не убийца. Это кто-то другой, но кто? В старости, мой друг, довольствуешься малым. Мне ничего не нужно было, ни этот дом, что Лилиа нам с Валею построила, ни комфорта, которым она нас окружила. Мне нужна была только моя внучка, видеть её и слышать её голос, но кто-то лишил меня этого. Кто?

— Галина Фёдоровна, я не хотел вас сейчас расспрашивать, берeditь вашу рану, но я должен по долгу службу поговорить с вами, — Золотарёв немного тушевался. — И, знаете, люди порой совершают преступления, а их близкие до последнего не верят в вероятность этого.

— Уважаемый, Гена мне не близкий и никогда им не будет. Но я знаю, что говорю. Надо найти настоящего убийцу. Поверь мне, как старому и опытному человеку. Старение, мой друг, тяжёлое испытание и не каждый может пройти это достойно. Расспрашивай, сколько надо. Уточняй и не переживай, со мной ничего не случится. Мой гроб ещё шумит

в лесу. Пока не найдут убийцу моей внучки, я не умру. А ты одноклассник моей Лили, я тебя помню. И потом можешь меня называть Гретта Фридриховна или фрау Гретхен. Немка я. Пора уже всю правду сказать. У меня ведь контроль над своими словами был большую половину моей жизни — способом держаться на плаву. Эх, жизнь, жизнь. Только Бог рассчитывает — какой длины будет твоя жизнь, вот мне и решил дать такую длинную жизнь, а уж ширина жизни зависит от тебя. Почему же у моей Лилечки жизнь оказалась такой короткой? А широкой она была — была. Хорошо она жила, как хотела. Кому же она дорогу перешла? У немцев есть такая пословица, жизнь — не детская игра.

Золотарёв удивлённо посмотрел на старушку. Акцент у нее был, но они все думали, что она литовка.

— Чего вытарасился? Немка я чистокровная. А Лилечка моя — единственная из всех Гладковых, кто 15 лет назад поехала со мной на встречу с моим братом Вильгельмом в Мюнхен. Ни муж, ни сын не захотели. А она нашла его по каким-то каналам своего первого мужа. У него много знакомых среди силовиков было, — старуха замолчала, — а теперь слушай, было это давно, в апреле 1944 года в Кранце, городе рядом с Кёнигсбергом в Восточной Пруссии. Сейчас этот город называют Зеленоградск. Он в самом деле был зелёный и уютный, утопал в цветах. Союзники бомбили Кёнигсберг с такой злостью, выкуривая остатки немецких войск. Конечно, погибло много местных жителей, как говорится, лес рубят — щепки летят. Но мы не думали, что они будут бомбить и Кранц — этот маленький спокойный городок. 7 апреля мне исполнилось 16 лет, моя мама собрала нехитрую снедь, чтобы отметить мой праздник. Мы сидели у нас на веранде, мама, я, мой четырнадцатилетний брат Вильгельм и наша соседка с детьми — двумя своими сыновьями: одному — 14 лет, он был другом моего брата, и

младшим четырёхлетним мальчиком. Её мужа, как и моего отца, призвали в 39-ом году в самом начале войны, они погибли через несколько месяцев, их корабль нёс вахту у берегов Норвегии и был потоплен, кем, нам так и не сообщили. Они служили матросами, нам пришло извещение, и мама получала пенсию за отца. К тому времени немецкая администрация была упразднена, другой ещё не было. Как жить никто не знал, так как немецкая марка не везде была в ходу. В нескольких ещё сохранившихся магазинах, еду меняли на одежду, драгоценности и другие ценные вещи. В городе была сплошная анархия. Но весна, весна, а весной оживает всё, а главное — надежда на лучшее будущее и мы верили, что великая Германия победит и всё будет по-прежнему.

Соседка принесла мне в подарок красивый отрез изумрудного панбархата: «Ах, Гретхен, как он пойдёт к твоим глазам! — сказала она, накинув мне на плечи, — тебе уже 16 лет, ты должна красиво выглядеть. Жаль женихов будущих твоих поубивало на этой проклятой войне». Глаза у соседки намокли.

— Я ей сошью шикарное платье, и женихи найдутся, — радостно воскликнула мама. Мама с соседкой всё гадали, кто же зайдёт в их город — англичане, американцы или Красная армия. А может быть, Германия всё-таки не сдаст их, ведь надежда умирает последней. Но все надеялись хоть и тщетно, регулярная немецкая армия ушла из города, в городе остались только те, кто не смог уйти и мальчишки-гитлерюгенд, молодые и заносчивые, которые верили в силу Вермахта. Мы сидели за столом, когда соседский домик рухнул, как карточный. Все охнули, это было неожиданно. Мы растерялись, а мама закричала на нас и приказала немедленно спускаться в подвал. Она очень боялась, что бомба ударит и по нашему дому. Мы сидели в подвале и слышали, как рвались снаряды и где-то кричали

люди. Решили переждать это время у нас в подвале. Подвал у нас был большой, чистый, просторный. Там были и полки для хранения продуктов, и папина мастерская (он был мастер на все руки, а сейчас там возился мой брат Вильгельм), и стол был, и топчан. Ночью уже не было прилётов. Женщины с сыновьями-подростками пошли в соседский дом, чтобы разгрести завалы и отыскать документы, провизию и что-нибудь ценное. Соседка всё время плакала и причитала, проклинала всех и вся. Когда соседский малыш заснул, я пошла в наш дом. Вход в подвал был со двора, я быстро прошмыгнула, всё боялась, что меня кто-нибудь схватит. Принесла, что могла одним разом, второй раз я одна боялась идти, вздрагивала при каждом шорохе. Они принесли тоже, что могли унести, потом натаскали воды, еды. Взрослые решили, что будем жить в нашем подвале, пока не закончится эта катавасия. Так мы и прожили месяц. Потом несколько дней не было бомбёжки, и мы даже искупались дома в ванной. Вода, как ни странно, была, а вот жили мы при свечах. Потом бомбёжки прекратились совсем, и мы жили все вместе в нашем доме. В городе не было никакой власти, люди выживали, как могли. Некоторые уходили, думая, что в центральной Германии всё отлично, немецкая власть и немецкий порядок, а только в Пруссии творится чёрт знает что. Мы даже вместо цветов посадили овощи, и осенью собрали урожай. Всю весну и лето мы продержались. Потом опять началось. Мой брат с другом куда-то вечно убегали и проконтролировать их было очень трудно. Я подслушала их разговор о том, что они ищут организацию молодых фашистов-гитлерюгенд, что у них где-то есть штаб, и они решили к ним присоединиться. Уже было холодно, пошёл небольшой снег, я даже вышла во двор, чтобы покружиться, до того было красиво. Стояла звенящая тишина. Скоро Рождество, потом наступит Новый год и всё будет хорошо. Мы

знали, что наша немецкая армия отступает и сдаёт город за городом. Но верили в лучшее, не бросят же нас здесь. Опять начались бомбардировки и верхний этаж-мансарду нашего дома снесло подчистую. А мы с мамой так радовались, что наш дом стоит, что он святой и неприкасаемый. Но беда не приходит одна. В один день пропали мальчики. Они иногда уходили играть с другими детьми, когда не бомбили. Но их не было целый день и ночь. Мамы пошли искать мальчиков, но тщетно. Я им рассказала про подслушанный разговор. Так прошла целая неделя. Мальчиков не было нигде. Кто-то сказал, что видели, как молодые ребята уходили из города с разрозненными группами немецких солдат. В тот несчастный день мама и соседка с утра ушли в небольшую деревеньку, по слухам там находился небольшой вооруженный отряд гитлерюгенда. Они дошли до этой деревни и нашли тот дом, где этих мальчиков прятали местные жители, их было несколько дрожащих мальчишек, и моего брата, и соседского мальчика среди них не было. Но они сказали, что большинство мальчиков ушли с остатками регулярной армии на Берлин. Деревенька была в стороне от основной дороги на Кранц, и женщины даже не знали, что в город вошла Красная армия. Увидев советских солдат и услышав русскую речь, женщины прибежали домой и успели спрятаться. Двое солдат зашли в подвал на плач ребёнка, увидели меня, а я успокаивала малыша, он звал маму. Сейчас я уже понимаю, что говорил этот солдат. Он кричал, что я — немецкая сука, что мы сожгли в Украине его семью и хату, что немцы изнасиловали его сестру, и он сделает то же самое со мной. Я его уговаривала на немецком, что-то говорила на польском, я его немного знала. Второй солдат его удерживал, но не смог. Тот его оттолкнул и накричал на него, и второй солдат взял и ушёл. При маленьком пламени свечи я и разглядеть его не могла.

Солдат начал меня раздевать, было очень страшно, я сопротивлялась, как могла, истощно орала, приказала малышу спрятаться под топчан. Я уже была почти полностью раздета, когда услышала крики мамы: «Гретхен, девочка моя! Я здесь!» «Мама, помоги», — что есть мочи орала я. Он не успел раздеть меня до конца и сделать своё мерзкое дело, как мама сзади накинулась на него, буквально пытаюсь его задушить. Его мерзкие липкие руки я до сих пор чувствую на себе. Он с силой оттолкнул маму, она упала на пол, соседка попыталась ей помочь, но не успела даже подойти к маме, солдат достал пистолет и выстрелил в маму. Я остолбенела. А соседка стала кричать и звать своего маленького сына. Солдат хотел выйти из подвала, но не успел. В подвал вошёл офицер и двое солдат. Его увели. Я бросилась к маме, даже не одевшись, едва прикрытая, и пыталась помочь ей. Русский офицер помог мне, положили маму на топчан, осмотрели, потом он послал солдата за фельдшером. Мама жила ещё до утра, а на рассвете умерла. От соседки было мало толка, она всё время плакала и ходила по улицам и окрестностям, искала своего сына. Я сидела в подвале с её малышом и всё время была в ступоре. Приходила соседка, рассказывала новости: в городе находится Красная армия, установлена военно-гражданская администрация, работает комендатура, постепенно налаживается мирная жизнь. Приходил этот молодой офицер сначала с солдатом, который знал немецкий язык. Говорил о том, что моего обидчика наказали и отправили на фронт, приносил нам еды и это было как нельзя кстати — запасы съестного у нас закончились, так же как и иссякли мои силы. Соседка ходила на барахолку и меняла оставшиеся вещи на еду. Так благодаря этому офицеру мы выживали. Из подвала я не выходила, боялась солдат, так и сидела, как крыса в подземелье. Сидя в подвале, я обзавелась привычкой раз-

говаривать сама с собой. И потом всю свою последующую жизнь, я говорила и рассуждала вслух, когда была одна.

Так вот продолжу свой рассказ, вы внимательно слушаете, значит, я вас не обременяю. Офицер ходил к нам периодически, но теперь один, но со словарём. Соседка сказала, что он в меня влюбился, но мне было всё равно. Пришёл и день моего семнадцатилетия, но мне было абсолютно всё безразлично. Я чувствовала себя глубокой старухой. Мне надо было психологически настроиться на новую жизнь, хотя бы временно, на новые отношения, позабыв своё прошлое. Надо было, но я не могла. Офицер нас навещал, но нечасто. Как мы поняли, он был одним из замов коменданта города. 9 мая 1945 года по городу ходили советские солдаты, пели и ликовали. «Победа, победа» — кричали они.

— Сиди и не высовывайся, — сказала мне соседка, могла бы и не говорить, я и так не выходила на улицу, — запись и ребёнка не выпускай. Пойду узнаю, в чём дело.

Пришла она грустная, вся в слезах:

— Они победили, а нас бросили, наш фюрер отравился, бросив свой народ на растерзание. Теперь мы здесь в плену. И мальчики наши не пришли. Я чувствую, что они живы, — и она зарыдала навзрыд, потом стал плакать её младший сын, потом и я вдруг, из меня лились ручьи слёз, которые я копила в себе. Много немцев рыдало в тот день тайком. Их надежды рухнули. Но были и немцы-коммунисты, которые сотрудничали с Красной армией.

Через пару дней пришёл офицер. Я его уже немножко понимала, так как изучала немецко-русский словарь, который он мне оставил. Знала, что ему 25 лет, что он тоже вырос на берегу моря, но только Чёрного, что его родители врачи, и он о них уже два года ничего не знает, что он не женат, и у него нет невесты, началась война и он не успел. Вот в основном

о чём мы говорили по словарю или на пальцах. Солдат, который хорошо знал немецкий язык, занимался с ним.

10 мая он пришёл в приподнятом настроении, принёс сладости. Рассказал, что безоговорочная капитуляция Германии, что оставшиеся войска сдались. А главное, что он сказал, что Восточная Пруссия теперь будет частью Советского Союза. Мы молча его слушали. Что будет формироваться эшелон для немецкого населения в Берлин, — это тоже он нам сообщил. А те, которые не хотят остаться в городе, должны прийти и записаться.

Соседка решила, что нам надо ехать в Берлин. Туда едут многие наши оставшиеся горожане, и нам надо уезжать. Я отказалась, сказала, что буду ждать здесь брата. Я думаю, что он где-то здесь, в Пруссии.

— Я уеду, — решительно заявила соседка, у меня есть там родственники по мужу, не бросят же нас, примут, говорят, что там хозяйничают американцы, нам они ближе, чем коммунисты. А ты подумай сама, ты уже взрослая. Или устраивай свою судьбу, этот русский офицер в тебя влюблён, используй это. Женщины для достижения своей цели способны на многое.

Когда в очередной раз пришёл советский офицер, соседка попросила его помочь в депортации. Он пообещал, велел ей прийти в комендатуру, он работал начальником одного из отделов. Его местное население уважало, он вникал в их вопросы, старался помочь, несмотря на то, что они немцы: «Они, прежде всего, простые люди, а не фашисты, они не виноваты в том, что наделал их фюрер, не надо их гнобить», — говорил он другим офицерам.

— А ты тоже хочешь уехать? — взволнованным голосом спросил он у меня, — тебя записать в первый эшелон?

Ответа он ждал, как приговора, видно было, как он волнуется.

И тогда я впервые рассказала ему про своего брата и сказала, что это мой дом и его тоже, и я буду его здесь ждать. Говорила я с вызовом, думала, что он будет ругать моего брата и меня, а он просто улыбался счастливой глуповатой улыбкой. Я воспользовалась его хорошим настроением и попросила помочь в поиске брата. Он пообещал. И искал Вильгельма по всей территории Германии, где находились советские территории. После отъезда соседки он стал приходить ко мне каждый вечер, и у нас случилась любовь, большая, светлая и на всю жизнь. Мы решили пожениться, как только мне исполнится 18 лет. Но чтобы не испортить себе военную карьеру женитьбой на немке, он отвёз меня в Литву. Там я прожила месяц у знакомых, теперь уже моего жениха, а оттуда я приехала литовкой, поработала в администрации, куда он меня устроил, а после дня моего совершеннолетия по советским законам мы поженились. И этот молодой советский офицер, мой муж, дед Лилечки — Гладков Пётр Петрович. Вы уже об этом догадались, наверное. Наш дом Петя отремонтировал, выправил документы на него. В Кранце мы прожили 5 лет, там у нас родился Феденька, потом мужа повысили, и мы переехали в Кёнигсберг, нынешний Калининград. Я всё ждала Вильгельма, а Пётр искал своих родителей. Съездил в Ялту, поднял документы, его родители работали врачами в одном из санаториев Гурзуфа до войны. Во время войны санаторий стал госпиталем, а его отец был назначен начальником военного госпиталя, а мама при нём. Пётр говорил, что мама без папы ни на шаг, что они ещё со школы дружили, и ради него она тоже поступила в медицинский. Поэтому и наш Федя пошёл на врача учиться, как его дедушка и бабушка. Каждый год мы ездили в Гурзуф, в архив в Ялту, но тщетно: ни каких следов их пребывания где-то, ни их могил так и не нашли. Архив не сохранился. И только, когда к власти пришёл Горбачёв

и рассекретили некоторые документы, а мой муж уже был военкомом Морегорска, он узнал, что госпиталь полностью был эвакуирован, их погрузили на теплоход «Армения», много людей было на этом теплоходе. Теплоход был гражданским судном до войны. А в войну стал санитарным плавучим госпиталем. Из Севастополя уже сильно гружёный, он заехал в Ялту, там его ещё загрузили по максимуму, и 7 ноября 1941 года он вышел из ялтинского порта, и всего в 30 км от города на него сбросили фашисты бомбы, теплоход тут же затонул, спастись никому не удалось. Вот такая судьба у рода Гладковых. Потом я с мужем ездила по всему Советскому Союзу, куда его назначат, туда и я с Феденькой. И в итоге осели здесь в Морегорске, он всегда хотел жить на Чёрном море. А брата своего я увидела, да-да. Это было уже, когда Лиля вышла за Сосновского и стала известной певицей, она через своих знакомых силовиков нашла моего брата Вильгельма. На встречу с ним, которую мне организовала Лиля, в Кёнигсберг со мной не поехали ни муж, ни сын, они не хотели видеть этого фашиста, так они сказали. Сын уже всё знал про меня, мы рассказали ему. Со мной полетела Лиля. Железного занавеса уже давно не было, как и Советского Союза, люди летали, куда хотели. У Вильгельма тоже была нелёгкая судьба, жил он в Западном Берлине, потом ещё где-то, жизнь потрепала. Искал меня и маму, даже как-то приехал в Кранц с какой-то рабочей делегацией по обмену опытом, но меня не нашёл. Я уже была Галиной Фёдоровной Гладковой. Благодаря своей Лилечке, я увидела своего брата. А теперь кто-то убил её, кто? Зачем? Я никак не пойму? Кому надо было убивать мою девочку? Я не пойму, — и слёзы потекли по лицу старой женщины. Она сидела с прямой спиной, не издавала ни звука, а слёзы медленно текли по её измождённому лицу, как струи бесшумного водопада с горных вершин.

— Галина Фёдоровна, а у Лили в комнате есть сейф, вернее в кабинете её мужа. Что там хранится, вы знаете?

— Не знаю точно. Драгоценности её и ещё бумаги какие-то. Я и код не знаю, я редко наверх поднимаюсь, ноги больные, не могу по лестницам подниматься. Валентина — сноха моя знает.

— А что на Лиле было в тот вечер из украшений?

— Сейчас вспомню, — старая женщина смиренно сложила ручки, — на ушах у Лили были серёжки — белый жемчуг с бриллиантами в виде бантика, а жемчуг-капелька, очень красивая работа, ей муж подарил этот гарнитур с кольцом и подвеской. На правой руке — обручальное кольцо, на левой — кольцо из этого же гарнитура, на шее — тоненькая цепочка с подвеской. Изысканный гарнитур, очень мне нравился. Да, ещё часы на руке дорогие, швейцарские с плавающими бриллиантами. Она как-то мне показывала, радовалась, что муж ей подарил, по-моему, на рождение двойняшек. Обручальное кольцо помолвочное с одним крупным бриллиантом. Господи, кому всё это нужно, когда Лилечки нет уже с нами, — на её лице немой гримасой застыл крик горя.

Эта семейка, как шкатулка с двойным дном, открываешь один ящик, а за ним другой и так до бесконечности.

Майор внимательно смотрел на эту старую фрау, она красиво постарела, сохранила ясность памяти и живость ума, женщина, которая всю жизнь жила с советским офицером, при этом тосковала по своему брату-нацисту, эта женщина внезапно потеряла единственную ниточку, которая связывала её с этим миром. Жизнь Галины Фёдоровны в одночасье рухнула. Он не нашёлся, что сказать на эти её воспоминания, а просто стал у неё спрашивать про внучку, сноху и других людей, живших с ней в одном доме. Но беседа с ней ничего не прояснила ему. Наша память — это совокупность

нашего опыта и интеллекта. А жизнь человеческая состоит не из времени, а из событий. Долгую жизнь прожила эта женщина, и в её жизни было столько событий, что жизнь её была перенасыщена. И каждый год своей жизни она вспоминала благодаря событию, которое произошло. Яркая, порой нелёгкая жизнь, и конец её жизни омрачило такое горе. Так кто же убийца? Кому понадобилась жизнь Лили Гладковой — его одноклассницы? Мозг майора, который работал, как последняя усовершенствованная модель компьютера, сейчас дал сбой. На такой случай тоже есть своя методика, нужна перезагрузка. Надо снова применить целый ряд других нестандартных мер и проверок.

Глава 8

После праздничного ужина у меня, а я это — Элла Глебовна, время шло тягуче, лениво, как будто мёд переливали из одного сосуда в другой, так и день перетекал в ночь, ночь — в утро. Конец февраля, начало марта — на юге межсезонье, да ещё действовали постковидные ограничения. На улице какая-то изморозь вперемешку с дождём, даже гулять не хотелось. Я не стала доканчивать свой очередной детектив, хотя в голове уже выстроился весь сюжет, а почему-то села писать рассказы о своём детстве. Младший сын ещё не прилетел. Пришёл полковник, я его усадила ужинать, мы выпили вина и решили перекинуться в картишки.

— Знаете, полковник, я совсем разленилась. Бросила книгу писать, хотя уже больше половины написала, потом вдруг вспомнила своих родителей, маму во сне видела, решила писать рассказы про огромный двор своего детства. Из крайности в крайность меня бросает. Тоскливо что-то.

— А Глеб когда прилетит?

— Обещал к 8 марта, точно ещё не знает. Ему надо брату помочь в бизнесе. Да и ребёнок маленький, я уже по малышу скучаю, — призналась я, — так привыкла, хоть назад лети. Но квартирка маленькая, все не помещаемся. Тесновато очень. А здесь мне комфортно.

— Ничего, вырастет малыш, потеплеет и приедут. Я тоже по своим внучатам соскучился. А давайте, моя милая Эллочка, завтра к Земцовым сходим, Николай зовёт посидеть, в нардишки перекинуться.

— О, смотрю вы ас стали в этом деле. Главный по нардам, — съязвила я.

Полковник ни на йоту не обиделся:

— Главный не главный, но бывает, что иногда Николая обыгрываю и даже Серёжку Золотарёва пару раз.

— А давайте пойдём, и Лида меня звала. Может, что про убийство певицы узнаю. А то Людмила Семёновна говорит, что майор даже дома не показывается. Она знает только, что певицу через два дня похоронят, она на похорны хочет пойти. Всё-таки она работала с папой певицы, да и Лилиана — одноклассница майора, — мне было жутко любопытно узнать подробности убийства.

— Вот что Люда, что вы, Эллочка, всё вам надо знать, — притворно возмутился полковник.

— Ой, не актёр вы, полковник, не актёр, я же детективы пишу, мне интересно, — похихикивала я.

— Полковник, а где наша молочница? Что-то она перестала приходить или не знает, что я уже приехала?

— Да она заболела этой проклятой короной прямо перед Новым годом, сын её сказал серьёзно заболела, очень долго лежит в больнице. Он на Новый год сам развозил молочку, даже салце привёз и капустку квашеную. Сказал, что больше развозить не будет, ему это невыгодно. Будет давать оптовикам. Ленивый, работать не хочет, — ворчал мой друг-сосед.

— Дай Бог, чтобы выкарабкалась. Хорошая женщина, добрая, трудолюбивая. Вот мы и свежих молочных продуктов лишились. Зеленщик наш уехал на родину, как только пандемию объявили, а такая зелень у него была. Аромат разливался вокруг. Ну что ж, будем заказывать доставку из супермаркета, как я по приезду сделала. Глеб настроил мне приложение и научил как пользоваться.

— Эллочка, научите меня, пожалуйста. А то я хожу на маленький базарчик, где Золотарёвы живут.

— Вместе позвоним Глебу, и он нам всё растолкует по видеосвязи, — пообещала я.

Договорились на следующий день пойти к Земцовым. Полковник прихватил вино и вяленую рыбу, сам солил, вкуснятина. Я тоже курочку запекла с утра. У Земцовых я сама мужчинам накрыла стол. Лидочки дома не было, а Николаю я не разрешила суетиться. Он очень плохо выглядел, под глазами набрякли мешки. Взгляд какой-то, уходящий в себя. Горе свалило совсем. Говорят, что время лечит, но никто не сказал, что рубцы не болят. Вся боль утраты уходит в эти рубцы, и они ноют, особенно, когда остаёшься один на один со своим горем.

— Лида ушла на собеседование, она отправила резюме в несколько организаций, вот и ходит, ищет, где лучше. Скоро придёт, Элла. Ты сама посмотри, что там в холодильнике. Накрой нам, посижу с вами, поедим, поговорим, — Николай Земцов был со мной на «ты», мы с ним в первый день знакомства договорились, тогда ещё его жена Надюша была жива. Я вздохнула. А полковник и я были на «вы» друг с другом. Друзья нас подкалывали, а мы отшучивались. Конечно, Лидочка не была такой хорошей хозяйкой, как своя мать, но в холодильнике у неё был порядок. И что положить на стол было, да и наши припасы с полковником оказались не лишние. Мы только начали трапезничать, как появилась Лида.

— Пьёте? — она с укоризной посмотрела на отца. Земцов быстро опрокинул рюмку с водкой, чтобы Лида не отняла — ему нельзя было пить. У него было такое испуганное выражение лица, как у ребёнка, у которого хотят отнять конфетку, а он её быстро запихивает в рот. Я чуть не расхохоталась, но сдержалась, я вообще смешливая. Даже серьёзная Лида улыбнулась.

— Лида, я тут у тебя похозяйничала, положила на стол всё, что было в холодильнике.

— Спасибо, Эллочка, — Лида подошла и поцеловала меня, — сейчас руки помою и сяду с вами.

Неспешно текла беседа, как и эти февральские дни. Уже темнело, когда на Лидином телефоне раздался звонок. Она вышла поговорить.

— Наверное, Александр, — сказал Земцов, вздохнув, и мужчины, хорошо поев, пошли за журнальный столик играть в нарды. Туда я им и подала чай. На юге игроки в нарды обязательно пьют чай — это ритуал. И даже в самую жару — только чай. Подошла Лида.

— Саша сейчас подъедет, уговорила его прийти покушать. Он с утра только чашку кофе выпил и один бутерброд съел. Разве так можно питаться?

— Нельзя, — согласилась я, — и я его хочу видеть. Он тебе ничего не рассказывал про убийство?

— Элла, я его не видела, представляешь? С того дня ни разу.

Майор пришёл, когда мы с Лидой вдоволь наговорились. Лидочка принялась хлопотать возле него. Я пошла к мужчинам следить за их игрой.

— Александр Сергеевич, только не уходите, я хочу поговорить с вами, — попросила я майора.

— Хорошо, — милостиво согласился он.

Вкусно и сытно покушав, майор раздобыл, и мы с Лидой стали докучать его расспросами. Вкратце он рассказал нам, как была убита Лирианна. Её ударили бутылкой с вином по голове, она упала, потеряв сознание. Остатки вина разлились по белому пушистому ковру, в бутылке ещё оставалось немного вина. Увидев разлитую жидкость, мама певицы решила, что это кровь пролилась из головы её дочери. В последнее время певица много пила, но мама об этом не знала. Она пила сама с собой ночью в своей комнате — это близкая подруга певицы рассказала, за полчаса до своей смерти Лиля звонила своей подруге и просила её приехать и поговорить. Но подруга, зная характер подруги и поняв

по её голосу, что она подшофе, перенесла встречу на утро, еле уговорив Лилю. Кто захочет в полночь мотаться в другой конец города, в чужой дом, где живут старики и дети. Мама певицы упала в обморок, увидев дочь на полу. Лиля была мертва, но она умерла не от удара бутылкой по голове, кстати, с бутылки тщательно были стёрты все пальчики, в том числе и Лилины. Убийца постарался. Лилю задушили, очень сильно затянули на шее поясок от её пеньюара, борода была очень глубокая. Лиля умерла, так и не придя в себя. Криминалист установил, что душили именно поясом от халата пеньюара, частицы ткани совпали на шее. Но пояска в доме мы не нашли, опера перерыли все вещи в доме, поясок должен был быть на виду. Установили только одно, что в дом никто не заходил и не выходил, во дворе никого не было. Посмотрели все камеры. Изучили каждый сантиметр земли под окнами. Это сделал тот, кто в эту ночь был в доме. Подозрение пало на Геннадия Грачёва — сожителя Валентины Сергеевны. Они вместе живут уже четыре года. До этого жили в квартире у Валентины Сергеевны, а сейчас уже два года живут в доме вместе с бабушкой, Лиля попросила маму, чтобы бабушка одна не жила в большом доме. А в старом доме живёт семья помощников. А почему подозрение пало на Грачёва? Грачёв вечером устроил скандал, была такая некрасивая сцена, он пришёл с работы и поругался и с бабушкой, и с внучкой. Был сильно подшофе, так как на работе женщины поздравили мужчин с праздником, и, естественно, они приняли на грудь. Утром, когда нас вызвали, Грачёв был на работе, я отправил своего помощника Кузнецова, мы его арестовали. Но главное, что мы нашли во внутреннем кармане его куртки тот самый поясок от халата. На ткани очень трудно идентифицировать следы, но наши криминалисты старались, ничьих следов не нашли абсолютно. Поясok хорошо выстирали, он даже был чуть влажноватый. Естественно,

возникает вопрос, почему он не выбросил поясок по дороге на работу, — было много возможностей, почему он не воспользовался, почему взял с собой на работу? Я сегодня задавал ему эти вопросы. Кузнецов говорит, что он вообще обалдел, когда узнал, что Лилю убили. Очень переживал за свою жену: как же там Валя, можно ли ему к ней? Очень удивился, когда увидел поясок у себя в кармане. Говорит, что он в этот карман не заглядывал сегодня, пришёл, куртку повесил, переделся и принялся за работу. Он — мастер золотые руки, его все знают в санатории. Главврач очень положительно отзывался о нём и о Валентине, и Лилю знает с детства, и её отца Фёдора Петровича. Главврач начинал свою работу под руководством Гладкова. Грачёв утверждает, что никогда в жизни не заходил в то крыло дома, где живёт певица, ни разу не заглядывал, и его это не интересовало. Там бывала только Лиля, и пару раз за это время приезжал её муж, и то на один день. Вход в крыло Лилиных апартаментов закрывает большая двустворчатая дверь, и когда её не бывает, дверь закрывается и ключи у бабушки. Уборку делают только перед её приездом. Но когда она дома, двери, конечно, нараспашку. Кстати, Галина Фёдоровна — бабушка, это подтвердила. Она недолго любит Грачёва, но утверждает, что он не убийца, хоть толком ни жить, ни пить не умеет. Геннадий Грачёв сидел по молодости, ещё в советское время по хулиганке: толпа молодых ребят подралась по глупости на танцплощадке, тогда у нас была одна танцплощадка в городе, все её называли «Гроб». Грачёв — местный житель, кто-то из толпы получил тяжкие телесные. И всё повесили на Грачёва, он был из простой семьи — отец его умер, когда он был маленьким, их с сестрой воспитывала мать. К тому времени сестра вышла замуж и где-то в Центральной России живёт. Одна мать ходила к нему на свидания, очень переживала и ждала его, он ведь холостой был.

В тюрьме опять подрался с блатными, защищался, но срок получил ещё один. И условно-досрочное освобождение ему уже не светило. В зоне он провёл семь лет от звонка до звонка. Но кто не сидел в нашей стране, полстраны сидело. Когда вернулся домой, то оказался у разбитого корыта. Сестра забрала мать к себе, она там и умерла, там и похоронили. Дом сестра продала. Он поехал на могилу к матери, там сестра ему выделила немного денег от продажи дома. Он не стал спорить, сколько дала — столько дала. Этих денег хватило ровно на комнатёнку в малосемейном общежитии. Устроился на работу, пробовал себя то там, то тут и, наконец, осел в санатории, стал работать разнорабочим. Видя его порядочность и трудолюбие, его ещё взяли охранником. Он был везде на подхвате, заменял тех, кто просил. Его уважали. О его прошлом знал только главврач и начальник отдела кадров, но они и не распространялись об этом, потому что Геннадий по любому их зову приходил и помогал даже дома. Там они с Валентиной Сергеевной познакомились. Начали общаться. Грачёв ей всё рассказал, не скрывая ничего, она открыла ему свою душу. Так и встретились два одиночества. Ухаживал он неуклюже, не знал, как к ней подойти, долго они оба не решались изменить свою жизнь. А потом через несколько лет решили вместе жить. Грачёв совсем не похож на убийцу. Он немногословен, говорит только одно: «Я Лилию не убивал и никогда об этом даже не задумывался, зачем мне это. Я спал как убитый, Валентина может подтвердить, она от каждого шороха просыпается. Потом встал в 6 часов и пошёл на работу, Валентина меня проводила. Я даже на Лилиной половине ни разу не был, не то что в комнате. А что это за поясок я не знаю, первый раз вижу. Кто мне его положил в карман, понятия не имею. Я сам хочу найти того, кто совершил это. Моя Валя, наверное, сейчас в ужасном состоянии, и я не могу ей помочь. Лилия для неё свет в окошке. Мне хотя

бы на минуточку увидеть Валю, хоть чем-нибудь её утешить. А я тут». Это его слова. Честно скажу, девочки, я в тупике. Начальство требует закрывать дело. Виновник найден и баста. Это они Грачёва имеют в виду. Я чувствую, что это не он. А моя интуиция меня никогда ещё не подводила. Я не могу позволить, чтобы Лилькин убийца был на свободе. Вот такие дела. Сейчас пойду в отдел, буду по видеосвязи говорить с Шашковым, вторым мужем Лили. Может быть, хоть что-то прояснится. Они бизнес затеяли в Москве, но из-за пандемии приостановили. Хочу зацепку найти.

— Александр Сергеевич и бабушка, и сам Грачёв утверждают, что он даже не заходил в комнату к певице ни разу? — ещё раз поинтересовалась я.

— Да. Думаю, что и мама певицы это подтвердит. Не хочу сегодня её беспокоить, она никакая. Поговорю с ней завтра, надеюсь, что она обретёт возможность связно изъясняться. После похорон уже будет поздно, свежие впечатления могут размыться.

— А они все дома ходят в тапочках?

— По-моему, да, — изумлённо посмотрел на меня майор, — а к чему вы это, Элла Глебовна? Что-то задумали?

— Вы же говорили, майор, что у певицы в комнате большой белый пушистый ковёр с высоким ворсом, где певицу и нашли, и даже пресса писала, что кровь растеклась по белому ковру.

— Но это не кровь была, а вино. Наша жёлтая пресса напишет, что хочет, писаки чёртовы, только работать мешают, и когда они уже успели? — майор был зол на них.

Лида пошла заваривать нам кофе, она изумительно готовит кофе по-варшавски.

— Если он ни разу не заходил, подошва тапочек Грачёва будет чиста, ну не совсем, а вот белых ворсинок от ковра певицы не будет. Они всё равно должны оставаться и на та-

почках других людей останутся. Я думаю, что вряд ли кто-то догадается помыть подошву тапок. Сравните с другими тапочками и убедитесь, что Грачёв вчера не заходил к певице в комнату, — я из себя корчила леди-детектив, но ведь в самом деле мне пришла в голову эта прекрасная версия, не хуже, чем мисс Марпл. Вот что значит не только писать детективы, но и читать их.

— Элла Глебовна, да вы ж моя помощница, не зря вы пишете детективы, ох, не зря. А я об этом не подумал. Это, конечно, косвенная улика, подтверждающая непричастность Грачёва к убийству Лили. Но тогда можно его уже исключить, и будет что сказать начальству, — Золотарёв тут же начал звонить.

— Кузнецов, сейчас же иди в дом к Гладковым, найди домашние тапочки Грачёва, никому не разрешай трогать, ни чистить, ничего такого, сам возьми и положи в файл. Скажи, что ему в СИЗО надо. Смотри, чтобы никто подошву не протирал, а то начнут умничать. А потом под предлогом, что тебе нужны его личные вещи, зайди в комнату к матери певицы и в другие комнаты и посмотри, есть ли там такой ковёр. Я им запретил что-либо трогать у убитой в комнате. Так что пройди, посмотри весь дом. Я буду жать тебя в отделе, у нас в уликах есть тапочки Лили, надо отдать криминалистам и сделать сравнительный анализ частиц на подошвах обеих тапочек. Главное, чтобы никто не прикасался к тапочкам. А то эти женщины везде свои любопытные носы готовы сунуть. Я тебя через полчаса жду в отделе.

Майор поднялся:

— Спасибо большое, Элла Глебовна, вы мне очень помогли. Лида, я ухожу.

— А кофе? — Лида вышла из кухни на его голос, — уже готов, выпей, Саша.

— Хорошо, сейчас попрощаюсь с мужчинами и зайду к тебе на кухню.

— Лидочка, дай мне мою чашечку кофе, пойду к мальчикам нашим, понаблюдаю за их игрой, — я улыбнулась, аромат прекрасного кофе окутал весь дом. — Лидочка, мужиков надо отсеивать: жадных, бедных, нудных и глупых. Но всё это не относится к майору. Смотри не пропусти через своё сито Золотарёва, он — золото. Извини за каламбур, — я, дав Лиде ценные указания, пошла со своей чашечкой кофе к мужчинам.

— Ах, какой аромат, Элла Глебовна, — майор шёл мне навстречу, — пойду всё-таки выпью свой кофе.

— А я пойду, понаблюдаю за игрой, а потом пойдём домой с полковником. До свидания, майор. Сообщите мне о результатах? — вопросительно спросила я у него.

— Обязательно, — искренне сказал Золотарёв, — обязательно, — и поспешил к своей Лидочке на кухню. Я тактично оставила их наедине.

Мужчины обычно любят не саму женщину, а состояние, которое испытывают, когда находятся рядом с ней. Золотарёв всё никак не мог разобраться в себе, и всё время находил отговорки.

«Работа опера несовместима с семейной жизнью, — так думал наш разлюбезный Александр Сергеевич. В любое время дня и ночи его могут вызвать немедленно на работу — надо. И мало женщин найдётся, которые могут это терпеть. Таковую жену — свою жену опера — ещё надо суметь найти. Ведь всю заботу о семье придётся взвалить на свои хрупкие плечи жене. Первый раз я прокололся, первая жена оказалась не только плохой женой, но и никчёмной матерью. Лида — очень хороший человек, заботливая дочь, хороший друг, но боюсь, боюсь ошибиться, хоть родители настаивают, чтобы я сделал ей предложение... Подожду ещё».

Глава 9

На следующий день с утра майор без звонка пришёл к Гладковым. Открыл калитку ему Пехлеви и первым делом спросил, когда выпустят Гену.

Минут десять майор поговорил с женщиной во дворе, со всех окон на них смотрели, женские лица мелькали то в одном окне, то в другом.

— Майор, может быть, адвоката нанять для Гены, у меня есть деньги, — Пехлеви с надеждой смотрел на майора, — Гена в жизни не убьёт Лилю. Он даже мухи не обидит. Он очень добрый человек, он друг мой.

Золотарёв с интересом смотрел на Пахлаву, он был искренен в своих чувствах и словах и был убеждён в том, что говорит. Ни капли сомнения не было в его голосе. А ведь он говорил о совершенно постороннем для него человеке. Люди даже о своих близких так не заботятся.

— Если он не виноват, то мы его выпустим, не беспокойтесь. Наша задача — найти убийцу певицы, а не засадить Грачёва. Повод был, Грачёв в ночь перед убийством поругался с Гладковыми. И с бабушкой, и с внучкой.

— Я знаю, я вам сам рассказывал. Но бабушка — очень хитрая женщина, манипуляторша и ещё авторитарная, — Валентинины слова. Всё должно быть, как она хочет и точка. И как только приезжает Лиля, она начинает придирается к Генке. Как будто нарочно. Всегда ему говорил, не нервируй её лишний раз. Но он немножко выпил. Всех жалко очень, а Валентину больше всех. Хороший она человек. Вы мне не ответили на счёт адвоката.

— Нет. Не надо нанимать никого. Если понадобится, то сообщу.

Майор направился в дом. Двери ему открыла Ася.

— Здравствуйте, я к Валентине Сергеевне. Мне нужно с ней поговорить. Я вчера не стал её беспокоить. Только с Галиной Фёдоровной поговорил. Но сегодня уже третий день после убийства, надеюсь, что она в состоянии со мной поговорить.

— Да. Она пришла в себя немного. Галина Фёдоровна себя плохо чувствует, возраст всё-таки. Валя у себя. Я сейчас поднимусь к ней, скажу, чтобы она спустилась. Ей одеться надо, — Ася вздохнула, горе подкосило всех в этом доме.

Валентина Сергеевна потихоньку с помощью Аси спустилась. Она осунулась, под глазами синие круги, глаза красные, в домашнем халате с накинутым на плечи большим пуховым платком. Ася усадила её в кресло и тактично вышла, потом пришла через пять минут с большой чашкой горячего чая и поставила рядом на журнальный столик, предварительно подложив под чашку беленькую кружевную салфетку.

— Валечка, это чай с мелиссой и мятой. Пей потихонечку, у тебя сегодня во рту маковой росинки не было. А вам, товарищ майор, принести?

— Принесите, если не трудно, почаёвничаем с Валентиной Сергеевной и поговорим.

— Дети где, Ася? — еле произнесла Валентина Сергеевна.

— Дети у себя в комнате играют и Мадиночка с ними, — и Ася удалилась.

— Хорошие у вас помощники, — начал издали Золотарёв.

— Хорошие: и Ася, и Пахлава. Без них мы, как без рук. Ася эти две ночи со мной спит, боится за меня. На Генином месте спит, — Валентина не плакала, не всхлипывала, только две слезинки маленькими хрустальными капельками потекли по её лицу. Слезы её закончились, водопад иссяк.

Пришла Ася, несла на подносе красивую чашку с блюдцем, чайник с заваренным чаем, сахарницу, креманку с вареньем, лимонницу с нарезанными аккуратно лимонами и даже розетку с маленькой чайной ложечкой. Все предметы были из одного очень красивого сервиза. Она сервировала чайный стол, как для уважаемого гостя, как и принято на Кавказе. Точно так же сервировала чайный стол Элла Глебовна, и Лида тоже — её бабушка-дворянка научила. Александру Сергеевичу стало приятно.

— Если что надо будет, скажите. Я у Галины Фёдоровны в комнате, — и Ася тихонько удалилась, неслышно прикрыв за собой дверь.

— Ох, уж эта Галина Фёдоровна, из-за неё все беды у меня. Но сейчас у нас с ней одно горе на двоих. И вряд ли она его переживёт. Я возьму себя в руки ради детей, — еле говорила она, задохнувшись от резкой боли в сердце. Майор собрался встать и позвать Асю, когда Валентина жестом показала ему остановиться и сесть, достала из кармана блистер с лекарством и положила одну таблеточку в рот, — всё нормально, сейчас всё пройдёт. Майор стал маленькими глоточками пить чай, чтобы дать Валентине Сергеевне время.

— Что вы такое говорите? Вы же не думаете, что из-за неё случилось это с Лилей, — майор решил, что с Валею что-то не так.

— Саша, можно тебя так называть? Ты же Лилин одноклассник, — Валентина немного напряглась, как будто что-то вспоминая, — хоть ты сейчас и на службе. Но твоя мама работала с моим мужем, потом и я там работала.

— Можно, конечно, Валентина Сергеевна, мы с Лилей одноклассники, — сказал майор и пожалел об этом, вдруг сейчас женщина начнёт плакать и истерить, вспоминая свою дочь, которая ещё молода, как он. Но женщина вела себя спокойно.

— Разве у Гены были причины желать моей дочери смерти? А тем более её убить, Боже упаси, он бы даже пальцем Лилю не тронул, скорее бы свекрови моей наkostenял. Гена всегда мне говорил, что я единственный человек в его жизни, которому он может доверять и на которого он может рассчитывать. Гена никогда не сделал бы этого. Это из-за свекрови Гена сидит, она, наверное, наговорила на него чёрт знает что. Она этот скандал спровоцировала. Моя свекровь, как Лилю видит, то, как с цепи срывается, начинает Гену задевать. Чтобы Лиля лишней раз убедилась, на кого её мать отца променяла, память её отца втоптала в грязь. Это она так говорит. Меня задевает. Пытается задеть. Ведь Лиля моя — её защитница. Это с её подачи Лиля первый раз замуж вышла за Сосновского, человека, который на много лет её старше. Мы с Федей были против, и свёкор был против. А она и уговорила Лилю. «Выходи, будешь жить, как сыр в масле кататься, и он все твои мечты воплотит. А что старше, то ничего. И бабушка старше меня», — это её слова. Дедушка старше её всего на 10 лет, а не на 20. Лилей она её и назвала, я-то хотела назвать дочь в честь своей любимой бабушки. А она пристала: «Лили» и всё, мол, по-немецки означает «Бог, Божественная», и называла её только Лили или звала иногда — моя Богиня. Избаловала её донельзя. Честно говоря, и Лиля на неё очень похожа и внешне, и характер такой, — потом Валентина спохватилась, — была похожа, — и опять замолчала, закуталась в шаль, взяла чашку с чаем и обхватила руками, словно грея свои пальцы. Майор её не торопил. Стал с удовольствием пить чай с вареньем из белой черешни. Вдруг Валентину передёрнуло — то ли от ужаса произошедшего и безысходности, то ли просто от холода. Золотарёв решил поменять тему.

— Какое вкусное варенье, а внутри вместо косточки грецкий орех, — смакуя чай, произнёс майор.

— Да. Ася делает, она у нас мастерица. Говорит, что свекровь научила, Пахлавы мать. Трудоёмкая работа, но зато очень вкусно. Я ей помогаю. Я ведь повар по профессии. Бабушка моя мудрая женщина, заставила меня пойти учиться в кулинарный техникум. А мне нравилось готовить, бабушка меня всему дома учила. Я с удовольствием училась, а после учёбы сразу пошла работать на кухню в санаторий, я там ещё и на практике была студенткой. Сначала официанткой работала. А меня обихаживать стал один молодой доктор, но я ни-ни, ни в какую. Бабушка учила: «Умри, но не дай поцелуя без любви». Но если честно, доктор мне тоже нравился. Но я же молоденькая была, бабушку слушала. А она всё твердила, что мужчины могут красивые слова говорить, сердце девичье растопить, а потом воспользоваться, чтобы я не смела в койку к мужчине прыгать до свадьбы, только после свадьбы, мол, так и скажи тому самцу, кто потащит, — а то сделает своё дело и бросит. Я бабушке своей верила, да и пример был перед глазами, девочка-однокурсница забеременела, а парень её бросил, — и позор для неё, и горе, потом бросила учёбу и уехала. Шеф-повар санатория меня позвал на кухню в холодный цех, я и нарезки, и салат, и ещё рассказывала, каким блюдам нас учат в техникуме. Летом уже у нас были последние экзамены, а шеф позвонил руководству техникума и сказал, что хочет взять к себе на работу, нравилось ему, что я исполнительная, чистоплотная и скромная. Так я стала работать в том санатории, где работал простым кардиологом мой будущий муж. Узнав, что я уже окончила техникум и пришла работать, он стал за мной ухаживать уже серьёзно с дальним прицелом, началась конфетно-букетная стадия, которая длилась целый год. Мне уже было 18, совершеннолетняя, когда он сделал мне предложение. Я ещё его до себя не допускала, всё бабушкины слова повторяла. Целовать разрешала, а Федя смеялся:

«Умри, но не дай поцелуя без любви, раз разрешаешь себя целовать, значит, любишь». Отец Фёдора был большой человек у нас в городе — военком. И машина у него была персональная, но он никому из семьи не разрешал ею пользоваться — только по работе и точка, принципиальный мужик был. Потом всё-таки он помог Фёдору купить «Москвич», вот на этой машине и возил меня Федя в моё село после работы, когда сам не был на дежурстве в больнице. Так в один вечер я и познакомила Фёдора с бабушкой, сказала, что он замуж зовёт. Фёдор бабушке понравился, он всем нравился, мой Федя. Бабушка моя мудрая женщина была, всё говорила мне: «Внученька моя, нет лучшей подружки, чем мать да подушка, а у тебя матери нет, светлая ей память, я у тебя за мать, вот ко мне и приходи со своими радостями и горестями, вместе и покумекаем. Пусть делают, как положено, сватать приходят», — изрекла вердикт бабуля.

На следующий день повёл меня Федя знакомить со своими родителями, им сказал, что приведёт невесту на смотрины. Кто и откуда не сказал. Его родители не были против, считали, что Феде уже давно пора жениться. А он и сам торопился, я его держала на длинном поводке, никакой близости не было между нами, а он молодой горячий — торопился. Я старалась очень понравиться его родителям, и отец его во мне души не чаял, а мать так и не приняла, отговаривала сына как могла. Всё говорила: «Ну зачем тебе эта хуторянка необразованная. Она только может щи да кашу готовить, но это может любая женщина. Столько молодых и красивых врачей, твоих коллег есть, почему ты эту сельскую дурочку выбрал?»

Она, моя свекровь — мастерица всем ярлыки привешивать, любит свои едкие словечки, как змеиное жало изо рта выпускать. Но Фёдор был твёрд: «Или завтра едем в село к моей бабушке и сватаем Валю, или мне вашего благословения не надо, но и жить я с вами не буду, и никакой свадьбы

с вашими почётными гостями и свадебными генералами, сыграем маленькую свадьбу в селе и будем жить у Валиной бабушки. Точка и всё». Это он мне рассказал всё потом. Я в неведении поехала домой и радостно сообщила бабушке, что завтра меня сватать придут, и мы сразу подадим заявление в ЗАГС. Фёдор подтвердил мои слова. А дома у Феди был скандал. Дед меня сразу одобрил, ему понравились мои невинные фиалковые глаза, сразу сказал сыну, что буду я ему настоящей боевой подружкой, верной женой и хорошей матерью детям. А свекровь закатила скандал.

— Она же деревенщина, манеры хромают, необразованная, у неё же нет диплома о высшем образовании, нет вкуса женского, посмотри, как она одета, неряшливая девка, да ещё и сирота. Ты хочешь жить у какой-то неопрятной старухи в селе, где навозом воняет. Ты — прекрасный кардиолог.

Первый раз Федя твёрдо ответил своей маме в законе:

— Это моя жизнь, и женюсь я на ком хочу. Папа же женился на тебе, на немке, дочери фашиста, кстати, и сестре фашиста.

— Я — литовка, — онемела моя свекровь и повернулась к мужу, — ты ребёнку всё рассказал? Ты с ума сошёл?

— Он уже не ребёнок, а взрослый мужик, он должен знать всё на всякий случай. Вдруг твой брат, молокосос немецкий, объявится и найдёт тебя, что маловероятно. Он тебя и не ищет, наверное, думает, что ты умерла. А ты его ищешь, я знаю. Как какие немецкие туристы появятся, так ты сразу с ними разговариваешь по-немецки, я знаю. Это из-за тебя я до сих пор подполковник. Сколько раз тебе говорил, что Гэбэшники не дремлют. Как только моего фронтового друга Василия уберут с поста начальника краевого КГБ, так и меня сразу, прекрасно ведь знаешь. Твоего брата свои же, наверное, и пристрелили.

Галина Фёдоровна вдруг заплакала, куда-то делось её прусское спокойствие и стойкость. Фёдору стало жаль свою маму. Он её обнимал, гладил по голове, утешал. Отец вышел во двор, отпустил водителя, машина его ждала, но он решил остаться дома и разобраться до конца.

— Так, всё решено, Фёдор, завтра едем сватать твою Валю. Купишь пару бутылок хорошего шампанского, коньяк у нас есть армянский пять звёзд, а о конфетах и торте мать беспокоится. А главное, — он повернулся к жене, — гарнитур я тебе покупал в Кёнигсберге, янтарь зелёный в золоте, там и серьги, и кольцо, и кулон. Красиво упакуй, невесте Фединой подарим на помолвку. Ты уяснила, Галя? — он был зол, не кричал, но в голосе была сталь. Галина Фёдоровна согласно кивнула. Вообще мои свёкры жили хорошо, у них любовь и уважение царили в доме. Уже на старости лет свёкор стал чудить, подойдёт к свекрови и со всей дури как заорёт: «Хенде хох!» Пугал её, она вздрогнет, убежит и кричит ему, мол, напился опять. Он пить стал на старости лет. И тогда доставал её, жену свою, а Фёдор мать свою защищал, покрикивал на отца иногда.

— Браки заключаются на небесах — это про нас с Федей, — спокойный убаюкивающий голос Валентины, её проникновенный взгляд куда-то вовнутрь себя немного беспокоил майора, но потом он понял, что это действуют успокоительные средства, — жили мы с родителями мужа. Свекровь пила мою кровинушку потихоньку, по каплям, но я была молодая и счастливая, старалась не обращать внимания. Было тяжело, но ради любимого мужа, на что только не пойдёшь. Когда я бабушке жаловалась на свекровь, она говорила мне: «Бог пострадать дал — значит, не отвернулся, не забыл. Да и это разве страдания, внученька, подумаешь, свекровь придирается. Страдания — это когда на войне твой близкий человек — вот это страдания, когда весточку

ждёшь и не знаешь: жив он или мёртв». Предлагала бабушка к ней переехать. Но Фёдор был против, да и я забеременела, в городе мне было сподручнее. Вроде бы свекровь на время затихла, и я свободно вздохнула. Родилась Лиля. Свекровь вся ушла в заботу о ребёнке, и я даже вышла на работу, когда дочери исполнилось полгода, свекровь за ней смотрела. Ребёнок был полностью на её попечении. Потом у неё опять возобновились придирки. Сейчас я уже с высоты своего возраста думаю, что она ревновала сына ко мне. Один раз она меня так допекла, что я взяла ребёнка и ушла к бабушке. Фёдор примчался ко мне, но я ни в какую, отказывалась идти к ним домой, несколько дней Федя жил со мной у бабушки, а потом всё-таки примчались свёкры. Свекровь как взяла Лилю на руки, так с рук и не спускала, просила домой прийти, мол, в городе удобней нам жить. А свёкор пообещал нам помочь с кооперативом. Сказал, что молодой семье надо жить отдельно, мол, один раз воспользуюсь своими связями и как молодую семью запишу в молодёжный кооператив. Деньгами обещал помочь, и тут бабушка моя выдала, что, мол, пенсию свою копила, мол, зачем ей в селе пенсия, она нам тоже даст на квартиру. Я расплакалась от счастья. Но второго ребёнка в доме свекрови я не стала рожать, сделала аборт. Сама, без разрешения мужа пошла в больницу. Скандал был в доме такой, что стёкла дрожали. Федя как узнал, бабушке рассказал, та примчалась, свёкры ходили понурые. А пророчества моей свекрови о том, что все акушеры — коновалы, и теперь я никогда не забеременею, сбылись. Я так больше и не забеременела, и Лиля была нашей единственной отрадой. Важно уметь признавать свои ошибки, и эту свою ошибку я всегда помню. Лиля росла эгоисткой, избалованной бабушкой и дедушкой, любимицей отца, все её капризы тут же исполнялись. Федя пытался быть строгим отцом, но это у него плохо получалось, — вдруг Валентина

подняла на майора свой измученный взгляд, — Саша, кто же убил Лилю, кому это надо было и зачем? Она не сделала ничего такого, за что её можно было убить.

— Вот это я и хочу выяснить, Валентина Сергеевна, потому и пришёл с вами поговорить.

— Спрашивай, Саша, я на всё честно отвечу.

— Скажите, вы кого-нибудь подозреваете из членов вашей семьи в убийстве Лили?

— Вы, имеете в виду Геннадия? Так прямо и скажите. Нет. Гена никогда бы в жизни не убил Лилю, как бы она его не доставала и не придиралась. Кстати, это она настояла, чтобы я с Геной начали жить семьёй. Мы сначала жили в нашей двухкомнатной кооперативной квартире, где я с Федей жила, свекровь жила здесь в старом домике, за ней ещё тогда Ася приходила, ухаживала, а Пахлава за строительством дома смотрел, он как прораб был. А когда дом достроили, Лилия настояла, чтобы мы с Геной переехали и жили с бабушкой, а Ася и Пехлеви в старом доме. Но дело не в этом. Я хочу сказать о Гене. Он мухи не обидит. Он сидел, да? А кто в нашей стране не сидел, по глупости, по малолетству. Но убить Лилю, мою дочь, поверьте, — это исключено. Я как никто хочу узнать, кто убил мою дочь, в глаза хочу посмотреть. А бабушку вы не слушайте, ей чего только не мерещится и не кажется, теперь вот Гену записала в убийцы. Храпит вот под эти сериалы, на подкорочку-то ей записывается чёрт знает что. Девочка моя была добрая, хоть и капризная, жизнь в столице, слава её испортили — это правда, но душу не поменяли, да и кровь — не вода, а в ней течёт моя и Фебина кровь.

— А другие члены вашей семьи? — ледяным тоном спросил её майор.

— Другие члены? Какие ещё члены? — с любопытством посмотрела Валентина Сергеевна на него, — бабушка или

малыши? Или Маша? У меня других членов семьи больше нет.

— А имею в виду, всех тех, кто был дома в ту злополучную ночь, — майор почувствовал себя неловко.

— В ту ночь после перепалки Гены с бабушкой, мы с Пахлавой повели его наверх, в спальню, он был немного выпивши. Я его заставила раздеться и лечь. Он сразу заснул. У него привычка такая, как положит голову на подушку, сразу начинает храпеть, моментально засыпает. А я ещё долго лежу, иногда снотворное пью. Я решила вниз не спускаться, чтобы не выслушивать от Лили про Гену, бабушку Ася повела в комнату, Татьяна возилась где-то там. Я приняла душ, выпила снотворное и решила почитать. Думаю, телевизор не буду включать, вдруг Гену разбужу. Так что в доме осталась Татьяна, но она — няня и всегда живёт с нами, когда приезжает Лиля с малышами, а Ася с мужем ушли к себе. Никто из них Лилечку убивать не будет, да и зачем, она им деньги платила, можно сказать, что кормились они с её рук. Это исключено.

— Из сейфа Лилиного ничего не пропало, значит, это не ограбление. А вот те побрякушки, что были на ней в тот день, пропали? — майор вопросительно спросил у Валентины.

— Сейф её не взломан, я знаю код. Я с вашим лейтенантом поднялась к Лиле в комнату, мы открыли — всё на месте. А побрякушки, как ты говоришь, Саша, не побрякушки, а дорогой комплект — жемчуг с бриллиантами, а почему они пропали вдруг, они ведь на Лиле были. Часы дорогие с плавающими бриллиантами, потом на ней всегда были обручальное кольцо и помолвочное, она их каждый день носила. Разве они не на ней? Я даже не обращала внимания, мне не до этого было.

— Нет, Валентина Сергеевна, на ней их не было, — майору было больно смотреть на бедную мать.

— Саша, так, наверное, она сняла свои драгоценности и положила на тумбочку или комод, она не может спать в них, даже серьги снимает. Вы искали в комнате у Лили?

— Нет. Их там не было. При осмотре их не нашли.

— Господи, — женщина отставила чашку с чаем в сторону и схватилась за голову, — из-за этих побрякушек, как ты говоришь, Саша, убили мою Лилу? Я тебя умоляю, найди убийцу, найди.

— Найдём, обязательно найдём. А как Лиля платила няне, сиделке, работникам, сейчас пандемия, гастролей нет. В последнее время у неё и работы было мало. И дом такой выстроила? Средств хватало?

Женщина внимательно посмотрела на майора. Потом взяла себя в руки и стала чётко отвечать на вопросы, было видно, что она очень хочет помочь следствию, ей очень важно узнать, кто и зачем убил её ребёнка? За какие грехи она поплатилась, за что у неё отняли самое ценное.

— Про гастроли не знаю, но она пела на мероприятиях разных, у олигархов на вечеринках. Это надо у Славика спросить, ещё Миланка — помощница её знает, наверное. И потом у дочери моей муж обеспеченный, — Валентина даже обиделась, — она — мужняя жена. Он содержит её и своих детей.

— А кто такой Славик? — нарочито любопытным голосом спросил майор, хотя уже давно всё знал.

— Это директор Лилин, он организует ей концерты и всё остальное. Он на несколько лет моложе Лили, но такой деловой, хваткий. Мне кажется, что он гей, как сейчас говорят, что в шоу-бизнесе все геи. Но Лиля говорит, что он бисексуал и даже когда-то был женат, что его отец бывший высокопоставленный чиновник и помогает сыну своими связями. Лиля ему всецело доверяла. А Милана ведёт «Инстаграм» и помогает ей в бытовых вопросах, молодая девушка, Лиля ей

зарплату платит. Но Лиля говорила, что с началом пандемии Милана уехала в Черногорию к маме и до сих пор там. Они имеют связь по телефону. А про Славку не знаю, он приедет на похороны, наверное, — Валентина Сергеевна вздохнула, как будто беседа утомила её.

— Валентина Сергеевна, вы устали? Давайте закончим нашу беседу, — майор уже давно навёл справки про директора и помощницу. Милана, в самом деле, находится в Черногории, майор с ней связался по видеосвязи. Она в курсе про смерть певицы, очень расстроена, дала Золотарёву второй личный номер телефона директора — по одному общеизвестному майор дозвониться не смог, и рассказала, что знала про Лилю. А знала она немного. Она вела «Инстаграм» певицы, иногда давала объявления для приёма на работу персонала по дому и разные мелочи. По всем остальным вопросам она не была в курсе.

Майор попрощался с матерью певицы и вышел.

Глава 10

Вячеслав Куценогий или Славик, как называла его мама певицы, на похороны не может приехать физически, он лежит в больнице. Об этом нашему майору сообщил он сам — директор певицы, когда он, наконец, до него дозвонился по тому секретному телефону, который дала ему Милана — помощница Лилии, и который он нашёл в телефоне у певицы. Сначала майор звонил со своего телефона, но трубку не брали, а уже с телефона певицы трубку подняли. Майор был рад, что не пришлось обращаться к московским коллегам. Этого провинциальным операм не хочется делать, от слова «совсем». Когда директор певицы взял трубку, майор сразу представился.

— Я решил, что звонит Лилина мама, она не в курсе, что я в больнице, а Лиля знала, я уже пятый день лежу, коронавирус, — тихим голосом сказал Куценогий, — я в курсе, что с Лилей случилось, и не удивился вашему звонку. Едва в эфире сообщили о Лилиной смерти, вернее, убийстве, так мои телефоны взорвались. К кому, как не к директору звонить в таких случаях. У меня сначала папа подхватил этот злосчастный ковид. Не хотел врачей звать, тест сдавать, мать его лечила как от простуды, потом мама заболела, только тогда он распаниковался, и меня вызвал к ним домой. Он у меня упрямый отец, коммуняка старый, крови тоже мне попил. Он при советской власти был чиновником высокопоставленным, после стал крутым бизнесом заниматься, а я не хотел. Я человек творческий, мне полёт нужен, а не его природные ресурсы, металлы и удобрения. Вот сестра моя с мужем с удовольствием продолжают заниматься отцовским бизнесом. Моя доля тоже есть в бизнесе, не без этого.

Сестра с семьёй сейчас живут в другой стране, там филиал компании. А отец здесь рулит, иногда меня привлекает. Где подхватил эту «корону» старый чертяка, даже не знаю. Но мать заразил. Пришлось мне подсуетиться, быстренько уложили их в больницу. Лежат в одной палате, отец на поправку пошёл, а мама под ИВЛ лежит. Меня тоже уложили, говорят, что пятнадцать процентов лёгких задето. Лежу в отдельной палате по соседству, хожу их проводываю. Отцовы замы кучу денег перевели этой больнице, чтобы лечение и уход были достойные. Отец ходит, ноет, себя винит, что мать так серьёзно заболела. Маму надо вытаскивать из рук этого ковида. Сестра звонит, плачет, какие-то лекарства отправила, вроде бы должны помочь. Ой, извините, — директор вдруг спохватился, — я тут вам жалуясь, а вы ведь звоните из-за Лили. Скажите, а кто Лильку убил и зачем? Кому это нужно? Она безвредная, добрая, в отличии от многих в этом серпентарии. Знаете, в этом шоу-бизнесе все только с виду блестящие, а поскреби ногтем — одна гниль и ржавчина.

— Я потому и звоню вам, чтобы это выяснить, Вячеслав. Как по батюшке? — майор не перебивал этот дивный монолог директора, молча слушал, дав ему поплакаться.

— Викторovich. Но можно просто Слава, — директор вздохнул, — задавайте вопросы.

— Как вы узнали о смерти Лили?

— Прочёл в интернете, говорят, что по телеку по какому-то кабельному телевидению передавали, но я не видел. Потом позвонил Миланке, она же инстаграмщица, ведёт всех моих певцов. У меня их три человека вместе с Лилианой, не очень востребованные сейчас, но известные. Милана подтвердила и сказала, что дала этот номер телефона. Я бы приехал, но вот угодил в больницу, и это всё очень серьёзно, хоть многие твердят, что ковида нет и нас пугают этим мировые заговорщики — масоны, ерунду несут. Мне

бы хотелось приехать попрощаться с Лилей, организовать похороны, хотя в Морегорске я никого не знаю. Милана сказала, что Лилю будут там хоронить, так мама и бабушка хотят. Надеюсь, что Шашков организует достойные похороны. А он, вообще, приедет, этот слащавый Илюшенька? Он же под домашним арестом. Электронный браслет на нём.

— Похороны организует администрация города. Всё-таки Лиля много делала для города, — голос майора дрогнул.

— Да. Она переводила деньги то на Дворец искусств, то на дом ребёнка, то на благоустройство набережной, это что при мне было. Я ведь уже больше пяти лет с ней работаю, все денежные дела через меня. Лиля это делала не только для престижа, но и от души для родного города. Зачем же её убили, никак не пойму, в голове не укладывается, — Слава закашлялся, — вы меня извините, кашель замучил, вы говорите, спрашивайте, а то как начну болтать, не остановишь, как мой отец говорит — балабол одним словом, — даже если ты ангел, найдутся те, кого будут раздражать шорох твоих крыльев, — это моя любимая мамочка так всегда говорит, — голос директора поник, — а Лилька не подлая была и в делах честная, не то что этот Илюшка великолепный. Иногда она подолгу смотрела в зеркало, в отражение своих зелёных глаз. В них был туман прошлого и неясный свет будущего, которого у неё уже нет, — голос у Куценого сделался тихим и печальным. И говорил он искренне, майор это сразу почувствовал.

— Почему вы назвали Шашкова слащавым и так пренебрежительно о нём отзываетесь? Только начистоту, Вячеслав Викторович, — майор занял позицию серьёзного следака, с этими представителями шоу-бизнеса надо так, а то порой их заносит, — вы должны мне рассказать всё, что знаете о нём, всё начистоту.

— Я всегда «за», уважаемый майор, я Лилию любил и уважал, она со мной всегда честно рассчитывалась и доверяла мне в денежных вопросах, прислушивалась, и я её никогда не подставлял. Так вот начну я сначала. Познакомилась Лиля с Шашковым при мне, мы только начинали с певицей работать, старую директрису свою она уволила, та была сексоткой её первого мужа Сосновского, но его я не знаю, сразу говорю. Мы были на одной тусовке, там были и певцы, и актёры, и чиновники, такая предновогодняя развлекуха. Лиля на ней пела, и обычно сразу после её номера мы уезжали, как только нам вручали конверт. А тут Лиля говорит, давай, мол, останемся, всё равно Маша у отца будет несколько дней, а здесь много знакомых, повеселимся, сплетни послушаем. Остались, кто-то представил Шашкова Лиле как молодого перспективного чиновника, будущего генерал-губернатора Сибири. Они стали болтать, танцевать, поехали вдвоём догуливать. А что я удерживать её буду что ли? Надо было, чтобы прошла горячка первого знакомства, ну она бросилась в любовь, как в омут с головой. Лиля всегда говорила, что мгновения ей хватило, чтобы понять — это судьба. Лиля у нас иногда бывает легкомысленной, я переживаю как бы что не вышло, и тут же навёл о нём справки, потом у отца справился, у него есть связи в Сибири. Так вот Шашков Илья Матвеевич — известная фигура в кругах крупных предпринимателей, но известен благодаря своему отцу Матвею Ильичу и даже деду. Дед ещё в советское время был крупнейшим подпольным миллионером, даже сидел, ему чуть не расстрельную статью хотели дать, но богатств так и не нашли. У деда был строгий ум, жёсткий отбор, верная цель — отступать от которой нельзя. Потом развалился Советский Союз и деда выпустили, но отец уже стал тогда чиновником, потом сидел в администрации одной из областей Сибири, потом стал губернатором одной из

областей, отца «крышевали» ещё сверху из Кремля. Матвей Ильич был спец по откатам и отмыванию денег, тендеры, бюджет, всё было у него в руках, желание распилить халяву никто не отменял. Дед умер, оставив свои богатства сыну и внуку, в соседних республиках бывшего Советского Союза были большие связи, так они прикупили и недвижимости, и предприятия на подставных лиц. Отец Илюшку продвигал, учил уму-разуму. Немного научил. Илюшка хваткий стал, но в отличие от отца много гулял, пил, по бабам ходил. Отец жену любил, семью уважал, а этот шатался, но друзей отца слушал, дело своё потихоньку делал. Вот и с Лилей познакомился, а эта наша дурочка влюбилась. Он стал часто прилетать в Москву, организовывал себе длительные командировки, уже его назначили заместителем губернатора области, где отец работал. Лиля была в восторге от него. Всё рассказывала, как они целовались, гуляя по ночной Москве, прячась от людей в тихом уголке на парапете вдоль реки, как любовались рассветом на Яузе, какое небо было огненно-красное, и как отражался призрачными огнями город в реке. В общем, романтизм сплошной.

— Я всё это понял, уважаемый Вячеслав Викторович, но мне суть нужна, — майор твёрдым голосом прервал монолог директора.

— Вот я к сути и перехожу. Говорю ей, что ты старше его, что он, если захочет, мисс Мира возьмёт себе в жёны, а с тобой просто балуется. А Лиля: «Но он же меня любит, со мной гуляет, какая ему от меня выгода, разве что спит у меня в доме. Так он может и в своей квартире спать, у него есть в Москве апартаменты, или в гостинице. Нет, он меня любит, и всё, а я его безумно», — это Лилины слова, влюбилась, как кошка. Из сексуального обращения никакая женщина не выпадает, он её и постелью взял. А я в нём чувствовал гнильцу какую-то. Я даже с отцом посоветовался. Отец сказал, или

он полный банкрот и хочет её на деньги поиметь, но у тебя есть контроль над средствами певицы, не допусти этого, или ему надо через неё отмыть свои деньги. Сейчас идёт борьба с коррупцией, с чиновниками, боится попасться. И мой отец оказался прав. Во-первых, он женился на Лиле, она известная певица и у неё есть друзья-знакомые в определённых кругах. А во-вторых, он много денег через Лилю отмыл. Отец его болел и скончался, Илюшка потерял свою опору и наставника. Лиля забеременела, я полагаю специально, чтобы он на ней женился. У неё уже сильно был виден живот, когда они сыграли свадьбу. Лиля не хотела надевать белое платье и все атрибуты невинности невесты, но свекровь настояла и свадьбу сыграли пышную в Сибири дорого-богато. А когда родились двойняшки, начались все эти катавасии с приобретением и переоформлением недвижимости сначала на Лилю, потом она дарила матери Илюше, тётке, двоюродной сестре. Покупалась недвижимость в Америке, в Швейцарии сразу на малышей. Ценные бумаги и акции многие были переписаны на малышей и мать Илюши, есть немного и на Лилю. Илюша мутит эти чёрные схемы, как мог, — мой отец оказался прав. Он месяцами был в Сибири, приезжал в Москву в основном по делам и детей навестить, малышей он любил. Построил в Морегорске дом, где сейчас Лилечку и убили, — голос у Славы дрогнул, стал плаксивым, потом он закашлялся, извинялся перед майором, выпил травяного чая и продолжил, — а год назад его арестовали, куча адвокатов занимались его делом, конечно, в губернии никто не был заинтересован, чтобы он открыл свой рот, потому ему облегчили режим пребывания в СИЗО, потом отменили, внесли залог и под домашний арест. Он мог бы и в Москве при желании отбывать, но он захотел в своём родовом гнезде в Сибири, под матушкиным крылом. Лиля разумом понимала, что она ему особо и не нужна и все его слова были — блеф,

но терпела — дети. Потом после того, как Маша узнала про Шашкова, она окончательно ушла от матери к отцу, на свадьбу к ней в Сибирь не приехала, отдалилась от матери. Иногда приходила к матери поиграть с малышами, только когда не было Илюшки. Мария красавица выросла. Мне кажется даже, что Лиля ревновала Машу к мужу. Последнее время Лилия стала придирааться к мужу, ревновать его, правда, не знаю к кому, может быть, к нему туда девицы приходили домой. Он решил её занять, перевёл крупную сумму на бизнес и рекомендовал открыть целую сеть ресторанов быстрого питания, это сейчас востребованно. Лилиана заинтересовалась, подключила меня. А Лилия любила готовить, —это ей от матери передалось. Я помог Лиле найти управляющих, семейная пара: жена — великолепный менеджер и организатор, муж — повар. Профессионалы с большой буквы. Они даже арендовали три помещения в разных районах Москвы, начали делать дизайн, набирали команду, а тут пандемия. Всё заморозилось. Вот как-то так.

— А вы мне можете дать номера телефонов этих людей? — майор по затихающему голосу директора понял, что тот устал, — сбросьте, пожалуйста, и на сегодня мы закончим нашу беседу. Выздоровливайте.

— Хорошо, — сонным голосом ответил Вячеслав Куценогий, самый близкий человек Лилианы в Москве.

Майор тут же позвонил, трубку взяла женщина, ничего нового сказать не могла. Сказала, что все счета у неё, что без Лилиной подписи никому ничего не переводилось, что никому они дорогу не переходили, так как брали пустующие здания в аренду у собственника, который наоборот был заинтересован сдать, что Шашкова она никогда не видела и не общалась с ним, что чаще всего общалась с Куценогим и певицей, что Куценогий хороший директор и считал каждую копейку певицы. И сейчас она в растрепанности, не знает, как

быть. Работы итак приостановлены в связи с пандемией, а что дальше и не знает. Будет ждать распоряжения от Куценого. А пока они с мужем на карантине дома.

И опять ничего не было прояснено: кто и за что убил Лильку Гладкову в собственном доме?

Я, это Элла Глебовна Златогорская, всегда говорила глубокоуважаемому мною, честному, и как не странно для его профессии, милосердному майору Золотарёву Александру Сергеевичу: «Не нервничайте, майор, скоро всё выяснится. Я, как человек, пишущий и читающий детективы, знаю — рано или поздно каждый отчаявшийся преступник совершает ошибку. И вот эта ошибка позволяет распутать самый запутанный узел». А майор знал одно — дорогу осилит идущий, он поэтапно изучал жизнь певицы, знакомился с людьми, её окружающими, чтобы понять главное — за что её убили, кому она, в сущности, хороший человек, перебежала дорогу. Далеко не все люди в этом мире равны. Надо постараться найти в своих мыслях самое главное. Всему произошедшему должно быть достоверное объяснение и подтверждение этого».

Глава 11

В такой прекрасный солнечный день, когда в воздухе витали ароматы распустившихся почек каштанов и лип, когда благоухали первоцветы, хоронили Лилиану певицу, мать троих детей, уроженку Морегорска, которая помогала городу и любила его. Администрация города не ударила в грязь лицом, устроила ей хорошие похороны и поминки в одном из лучших ресторанов города. Все рестораны в городе в связи с пандемией были закрыты, но один из них на центральной набережной города открыли по распоряжению администрации. Все плакали, что-то говорили, но только трое из них сидели с каменным лицом — это бабушка, мать и дочь. Три женщины, которые должны были рыдать и биться головой о стену, молчали, ни слова не произнесли, но и есть не могли. Воистину правду говорят, что наша жизнь принадлежит не нам, а тем, кто нас любит.

Вечером майор пришёл в дом к певице, хотел поговорить с дочерью певицы Марией Сосновской, но опоздал — она улетела сразу после поминок, даже не зайдя в дом и не увидев своих братьев. Из посторонних, вернее из тех, кого не знал майор, в доме были пожилая женщина и молодая красивая девушка. Эти две женщины сидели вдвоём в большой гостиной. Молодая сидела спиной ко входу на ковре тонкой ручной работы и играла с малышами, они строили большую железную дорогу, они сидели прямо перед седой женщиной, которая ими руководила, развалившись в кресле. Мальчики хохотали и делали ей замечание:

— Бабушка, ты всё неправильно говоришь! — и в один голос обращались к девушке.

— Правильно, Настя!

— Ну, бабушка ещё ни разу не собирала эту железную дорогу, она не знает, научится, — улыбалась девушка, и все вместе они смеялись. У девушки была правильная речь, чёткая дикция, по ней было видно, что она образованна и умна. Сразу видно было, что этим четверым хорошо вместе, и они любят друг друга.

Майор понял, что седая женщина мать Шашкова, а вот, кто эта молодая девушка, на похоронах и поминках её не было. Наверное, это няня, которая сидела с малышами, пока няня-Таня была на похоронах.

— Здравствуйте, — майор вошёл в гостиную, следом за ним вошла и Ася.

— Здравствуйте, — хором ответили все и малыши в том числе. Девушка встала с ковра во весь рост, и майор обалдел. Таких красавиц он воочию не видел: стройна как лань, как говорят на Востоке, золотые или медовые волосы спадали до пояса, немного смугловатое лицо с зелёно-серыми, немного раскосыми глазами. Этот восточный разрез глаз и смугловатая кожа лица говорила о том, что в ней есть восточная кровь. Она была до того ослепительно красива, что на неё было больно смотреть. Одетая девушка была в строгий домашний спортивный костюм тёмно-шоколадного цвета, который стоил больших денег, брендовую качественную вещь видно сразу: не кричащий, простой покрой костюма очень шёл девушке.

— Матюша, Лёвушка, быстро собрали в коробку всю дорогу, паровозики возьмите в руки и пойдёмте в вашу комнату, — и голос у девушки был певучий, как морской бриз, у майора перехватило дыхание, — эта красотка должна быть моделью, а не няней.

Но майор взял себя в руки, представился:

— Я бы хотел поговорить с Шашковой Эммой Львовной.

— Это я, присаживайтесь, пожалуйста, — пожилая женщина указывала ему на соседнее кресло, она явно чувствовала себя хозяйкой в этом доме.

Ася с девушкой помогали малышам собрать игрушки, в это время зашла Татьяна, видно ей шепнула Ася, и она была в курсе, что майор пришёл, поздоровалась, обратилась к девушке:

— Ну что, доча, управились? Ася, может, ты позовёшь Мадиночку, они втроём так хорошо играют, рисуют, а я пока обед закончу.

Ася согласно кивнула и вышла из комнаты.

— Эта девушка ваша дочь, Татьяна Ивановна? — обратился майор к няне.

— Да, моя дочь — Настюша. Я её попросила приехать, чтобы помогла с малышами, пока всё это с похоронами Лилечки утрясётся. Ведь Валентина в таком состоянии, что от неё сейчас помощи нет никакой. Только одна Ася — и с Валей, и с Галиной Фёдоровной, и на рынок за свежими продуктами, малышам всё свежее надо. Ох, горе у нас тяжкое, горе, — во весь голос вздохнула Татьяна, — пошлите, дети. И они все вместе вышли.

Майор обалдел: у такой невзрачной женщины, как Татьяна Ивановна, была такая красивая дочь с необычайно красивым лицом — какой диссонанс. Явно курортный роман у няни был с восточным красавцем, покорителем дамских сердец, и Татьяна угодила в его силки, но результат превзошёл все ожидания няни — это точно.

Майор с бабушкой Шашковой остались вдвоём. Эмма Львовна внешне производила впечатление доброй сказочной бабушки: полноватая, с седыми волосами, правда, стрижка была модная, в тёплом халате и тёплых шерстяных носках, с ней хотелось говорить о сказочных героях и рождественском чуде, а не о жестоком убийстве её снохи. Но

майор уже был в курсе, что Шашкова — серый кардинал в своей семье, и её сын во всём советовался с ней, и даже в мелочах, как и его отец. Он перед разговором с Шашковой звонил своим коллегам в Сибирь, и они немного ввели его в курс. Внешность бывает чрезвычайно обманчива. На разговор с пожилой женщиной майор рассчитывал, надеясь внести хоть малейшую ясность в отношения её сына и певицы, чтобы окончательно отвести подозрения от Шашкова.

— Эмма Львовна, ваш сын Илья Матвеевич — муж Лиляны не приехал на похороны?

— Товарищ майор, — голос у Эллы Глебовны приобрёл твёрдость и холодноватость, — я уверена, что вы в курсе, что мой сын находится под домашним арестом. Он привлёк адвокатов для того, чтобы ему разрешили присутствовать на похоронах жены, хотя бы под конвоем. Предлагал оплатить перелёт и конвоирам, но наша судебная система ни в какую. И знаете, какая у них была мотивация отказа — пандемия. Илюша и малышей давно не видел.

— Это его единственные дети?

— Да. И дети единственные, и брак первый. Предотвращая ваши последующие вопросы, я сразу скажу, да, я вначале была категорически против его брака с певицей. И поводы для этого были. Они находились в разном статусе, — он чиновник, деловой человек в третьем поколении, Лиля из шоу-бизнеса, она была старше его на 10 лет, но скажу, не кривя душой, выглядела очень хорошо, и потом об её первом браке не говорил только ленивый, болтали на федеральных каналах, на каких-то грязных ток-шоу, и ещё у неё есть старшая дочь, которая по каким-то причинам не хотела жить с матерью, а жила с отцом. Вот и сейчас, она еле-еле отсидела панихиду, десять минут была на поминках и то, благодаря Валентине, её она очень

любит, и отбыла восвояси, — Эмма Львовна чётко формулировала свои мысли. — Что судьба свела моего сына и Лилю — фантастика. Илюша испытывал непреодолимое отвращение к брачным узам, я была очень удивлена, когда он решил жениться на Лиле. Думаю, что из-за детей. С кем поведёшься — от того и понесла, — как говорится. Она хотела женить Илюшу на себе и добилась своего, мигом забеременала, да ещё двойня — это в нашу породу, у нас есть двойняшки в роду. На свадьбе живот у неё был выше носа, но она всё равно надела подвенечный белый свадебный наряд. Нравы нынче совсем другие.

— Скажите, а вы в курсе дел своего сына?

— Если сын расскажет сам, я, конечно, выслушаю. Раньше мы с его отцом обо всём говорили, и Илюша присутствовал, и знал, что из семьи сор нельзя выносить. Доверие на все 100 процентов. У нас так было, это было и в семье мужа, и в моей. Но, увы, в Илюшиной не так было. После того, как Илюшу арестовали и посадили под домашний арест. Как говорится, дорогу осилит идущий, а идущий иногда и спотыкается. Вот и мой сын споткнулся, ведь никто не спотыкается, лёжа в постели. Так вот, Лиля к нему не переехала жить. Хорошие жёны мужей охраняют, а хорошие любовницы охотятся за мужчинами. Лиля оказалась хорошей любовницей, а женой, уж какой вышла — такой и вышла, — пожилая женщина горестно вздохнула, — а Илюша очень скучает по детям. Он — их отец, и никуда от этого факта не денешься.

— Но ведь и до этого Илья Матвеевич большую часть времени проводил у себя в губернии, а не в Москве, — майор пытался как-то оправдать свою одноклассницу.

— Знаете, как говорят, — что муж за Богом, а жена за мужем, — безапелляционно изрекла Шашкова, — да, мой сын ещё тот ходок, этим он пошёл в своего деда. Мой муж

был примерным семьянином. Но Илюша всегда говорил, что как женится — то остепенится. Сколько девиц вокруг него ходило, он был завидным женихом, а какие партии мы с отцом подбирали ему. И родители девушек, и мы хотели их брака, но он всё медлил, думал о карьере, хомутать себя не собирался, а тут, как снег на голову, какая-то певичка из провинции, хоть и жила уже давно, но, как говорится: девушку из деревни выгонишь, а деревню из девушки — нет. Вы думаете, что я плохо говорю о покойнице, нет, это не так, я говорю, как есть. Она была неплохим человеком, но не парой для моего сына. Ей бы по тусовкам и развлечениям шляться, хотела вести гламурную жизнь, а в её 44 пора бы и остепениться, мать троих детей всё-таки. А теперь задавайте ваши вопросы.

— Эмма Львовна, вы хоть отдалённо можете представить себе за что убили Лилиану?

— Нет, товарищ майор, не могу. Вы извините, что я по-советски говорю «товарищ», но я так привыкла.

— А могут ли дела вашего сына иметь хоть какое-то отношение к этому убийству?

— Боже упаси! Какие такие дела мужа могут убить жену, которая к ним непричастна. И у моего сына нет никаких дел, он находится под домашним арестом по каким-то выдуман-ным подозрениям. Мой сын никогда такого бы не допустил. Этот дом, в котором мы сейчас беседуем, мой сын построил для своей жены и детей, чтобы им было комфортно, дом выдержан в идеальных пропорциях, если вы обратили внимание, — это заслуга моего Илюши, — Эмма Львовна искренне возмутилась, — у Лили в последнее время было малой гастролей, можно сказать, вообще не было, иногда она пела на корпоративах, я помню, что при мне плакалась, хотела чем-то заняться. Так Илюша предложил ей открыть сеть ресторанов быстрого питания, деньги дал, концепцию

придумал. Но она ленивая, только хотела на сцене хвостом крутить. Деньги-то взяла, но наняла управляющих, они всем и занимались, по каждому мелочному вопросу дёргала Илюшу. Тут ещё и пандемия, деньги заморозились. Всё, что делал мой сын, он делал ради своей семьи, своих мальчиков. Извините, я больше вам ничем не могу помочь, — и Эмма Львовна встала с кресла, — произошедшему с Лилей вполне может найтись безобидное объяснение, — и она величественно удалилась из гостиной.

Майор остался в гостиной и попросил Асю, заглянувшую в комнату, позвать Настю. Девушка ему представилась и скромно села на край кресла, по девушке было видно, что у неё ненаигранная скромность и застенчивость. Широко распахнутые глаза доверчиво смотрели на майора.

— Анастасия, вы когда прилетели?

— Ночью?

— Из какого аэропорта летели?

— А там всего один аэропорт, — Настя изумлённо посмотрела на майора, как будто он ляпнул несусветную глупость.

— В Москве один аэропорт? — на этот раз пришла очередь удивляться майору.

— Но я ведь не из Москвы, я прилетела с Эммой Львовной, — как-то печально произнесла девушка.

— С Эммой Львовной? Но почему она мне не сказала, — Александр Сергеевич пытался сдержать удивление, но у него это плохо получалось.

— Наверное, вы у неё не спросили, — спокойно ответила девушка.

— Ваша правда, я у неё не спросил. А что вы делали у Шашковых? — майора заинтриговала эта ситуация.

— Меня вызвала Эмма Львовна, попросила побывать у них. Я ведь не первый раз у Шашковых. Как-то я приезжала с

мамой и малышами два года назад, когда певица с мужем улетели на Мальдивы отдыхать, а мы оставались с малышами целый месяц. Маме одной было бы трудно с детьми, а она попросила у Лилианы взять меня с собой. Эмма Львовна уже пожилой человек, она не смогла бы маме помочь с детьми. Хотя тогда и домработница, и кухарка работали у Шашковых в доме. А в прошлом году, когда началась пандемия и объявили карантин, домработница уехала к себе на Родину, в Киргизию. Очень хорошая женщина была, Эмма Львовна была ею довольна, кухарка — местная женщина приходила пару раз в неделю, помогала Эмме Львовне по хозяйству. А потом Эмма Львовна заболела ковидом, в больницу она категорически не хотела, капризничала, сына к себе не подпускала, боялась заразить его, он ведь под домашним арестом. Потом стала звонить маме, она с ней подружилась, и просить, чтобы мама приехала. Но мама ни за что мальчиков не оставит, тогда она попросила, чтобы я приехала, она к нам привыкла, и я ей ещё уколы ставила, у нас в универе военная подготовка есть, нас учили. Я даже и прививку от ковида поколела, подготовка к защите диплома онлайн, а деньги нам с мамой очень нужны, мама меня одна растила. Сейчас я уже окончила универ, готовлюсь в аспирантуру, сколько можно на маминой шее сидеть, поэтому любую возможность подработать деньги, я не упускаю. Шашковы хорошо платят, а Эмма Львовна и подарки мне делает дорогие, хоть я и отнекиваюсь, но она от чистого сердца. Беру, чтобы не обидеть её. Я и по дому помогала, и готовила, когда приходила кухарка, то смотрела, как она готовит, это Эмма Львовна меня учила. Если честно, я у неё многому научилась. Я с удовольствием ухаживаю за этой замечательной женщиной.

— А Шашков Илья, сын Эммы Львовны, тоже заболел?

— Нет. Не заболел, во всяком случае, я его не лечила. Я его редко видела за два месяца, что пробыла у Шашковых.

— Почему?

— Он на втором этаже в основном жил, там и спальня, и кабинет. А я на первом этаже, моя гостевая комната рядом со спальней Эммы Львовны. А когда ей было плохо, — так вообще ночевала в её комнате на банкетке у кровати. Но у неё не запущенная форма заболевания была. Цефтриаксон, дексаметазон помогли, все необходимые лекарства у них были, всё-таки они известные люди в своей области, им всё доставили, даже кислородный аппарат на всякий случай, несколько раз в неделю заходила врач, медсестра тоже. Но она сказала, что я справляюсь вполне, потом только звонила.

— И сколько месяцев вы пробыли в прошлый раз у Шашковых?

— Больше двух месяцев, — Настя разговаривала спокойным, хорошо поставленным голосом, отвечала на все вопросы подробно.

— А Лилиана была в курсе, что в прошлом году вы были у Шашковых?

— Думаю, что да. Ведь муж должен был ей сказать.

— А Эмма Львовна разговаривала с невесткой по телефону или видеосвязи?

— На моих глазах — нет. Но когда Илья Матвеевич разговаривал с детьми по скайпу, то обязательно спускался вниз, заходил к матери, и она несколько минут разговаривала с малышами. Я выходила на кухню или ещё что-то делала по дому: это семейное дело, мне нечего присутствовать при их разговорах.

— Настя, вы окончили университет? — майору нравилось разговаривать с этой умной девушкой.

— Да. Я же вам говорила. Очень мне не нравится онлайн-учёба, мы ведь и диплом летом защитили онлайн. И кандидатский минимум сдавала онлайн. Очень трудно готовиться к экзаменам самой, без подгонки преподавателей, силу воли надо иметь. Я старалась не срываться, маму не хочу подводить, и учиться мне нравится.

— А в этот раз вас тоже вызвала Эмма Львовна?

Татьяна Ивановна заглянула в гостиную:

— Вы скоро? А мы ужинать собрались, и Валентина вышла к столу, и Галина Фёдоровна. Александр Сергеевич, вы присоединитесь к нам?

— Спасибо большое за приглашение, но нет. Дела, понимаете. Через пять минут я Анастасию отпущу.

— Хорошо, — Татьяна Ивановна бесшумно прикрыла дверь.

— Я ваш вопрос не забыла, Александр Сергеевич. В этот раз меня тоже вызвала Эмма Сергеевна. У неё очень болело сердце, очень высокое давление, она ещё и диабетик. Жаловалась, что какое-то внутреннее беспокойство. Очень просила приехать хотя бы на месяц. Я позвонила маме, а мама уже была здесь, спросила разрешения. Мама сказала, что у тебя ещё два года аспирантура, потом — защита, нам деньги нужны. Езжай. Я у них на полном пансионе и платят мне очень хорошо. Я и полетела. Вот две недели побыла. И такое горе! Одну Эмму Львовну отпускать в такой путь я не решилась, очень длинный перелёт, Илья Матвеевич тоже настаивал, чтобы я с ней полетела. Он тоже хотел прилететь, жена всё-таки, но непустили. И маму увидела, и детей. Я по Матюше и Лёвочке скучаю, привыкла к ним. В Москве с ними часто общаюсь. Назад мы летим завтра. Если есть ещё вопросы, спрашивайте, пожалуйста, — тихо произнесла девушка.

— Спасибо большое за беседу, Настя, идите, там вас ждут, — майор ещё раз с восхищением посмотрел на девушку, какая красивая, породистая и умная — чудеса бывают, у такой невзрачной мамы, серой мышки, и такая восхитительная дочь. Неужто, Шашков мимо прошёл? Или он не гадит там, где ест, — усмехнулся многозначительно Золотарёв.

Глава 12

Утром его вызвал к себе начальник.

— Повинную голову меч не сечёт, — с такими словами зашёл Золотарёв к шефу.

— Ты присядь, майор, и потом кайся. И в чём ты повинен? — Филатов, прищурившись, смотрел на майора. Он снял очки и потому всегда щурился.

— Уже несколько дней со дня смерти певицы, а виновный до сих пор не найден и, главное, мрак. Как будто призрак лишил её жизни.

— В нашем деле, Саша, призраков не бывает. Призрак имеет реальные очертания человека. А тот, кто в СИЗО сидит — отчим? Он что не виновен? — подполковник пошарил по своему столу, наконец, нашёл очки и водрузил на нос, ответа от майора он не стал даже дожидаться, вопрос явно был риторический, — прочёл твой отчёт, не виновен — вижу. Его отпускать пора, 72 часа прошло. Но у меня к тебе просьба, уговори его ещё сутки посидеть, поговори чисто по-мужски. А за эти сутки ты должен слетать в Москву. Быстро: одна нога там, другая здесь.

— В Москву? Срочно? По какому это делу? С Грачёвым я поговорю, он мужик понимающий, посидит ещё сутки. Но что мне в Москве делать? Это по убийству певицы? — майор был крайне удивлён, хотя он уже привык на своей работе ничему не удивляться.

— На вот, — начальник протянул Золотарёву несколько листов бумаги, — прочти, москвичи-следаки рапорт прислали. Хотели сами прилететь, но я их отговорил, на черта они мне здесь нужны сейчас, переговорил с шефом, сказал, что тебя отправлю.

Филатов встал из-за стола, подошёл к окну, протёр громадным носовым платком свою лысину и снова заговорил.

— У звёзд эстрады полно чокнутых фанаток, готовых на всё. Эти звёзды совсем оборзели: звон золотых монет — самый лучший аккомпанемент для этих фанерщиков, своих голосов нет. Обмельчали звёзды.

— Вот именно, шеф, — майор поддержал Филатова, — какая Лилька звезда, угасшая звездюлька. Вряд ли это фанаты, да и зачем? И кому это надо у нас в городе? И кто, вообще, из фанатов приедет за ней сюда в пандемию? — майор отрицательно помотал головой, — надо прорабатывать другие версии.

— Конец февраля, а у нас уже почки набухли: весна. Всё-таки в благодатном месте мы живём. Море, горы, воздух. Надоела эта работа, Саша, на пенсию хочу, с внуками нянчиться, пока один малышок, потом другие будут. Поскорее бы, а ты — на моё место. Женись, майор, женись. Без женщины мужику плохо.

Майор поддакивал, одним ухом слушая начальника, а глазами пожирал написанное.

— Не думаю, что это имеет отношение к нашему делу, тем более, что преступников нашли, но съездить надо. Я хочу переговорить там с дочерью певицы — Марией Сосновской. Да и с ним бы не помешало, если разрешат. И, вообще, определённый элемент случайности есть в расследовании каждого дела. А вдруг за ниточку какую-нибудь зацеплюсь.

— Иди в отдел кадров, оформляй командировочные и сегодня же вылетай. В Москве тебя встретит сотрудник следственного комитета и введёт в курс дела. Да, и в СИЗО сейчас загляни, с Грачёвым переговори, чтобы потом на нас бочку не катили. Давай, майор. Это дело по убийству певицы нам надо оперативно раскрыть, а то нам жизни не будет от проверяющих и помогающих.

С Геннадием Грачёвым майор сразу всё уладил, тем более, что он вообще не возражал еще пару деньков посидеть — не знал, как себя вести с убитой горем женой, не понимал, чем может ей помочь и утешить. Сделал звонок матери, Лидочке, съездил домой, собрал свою спортивную сумку и в аэропорт, куда отвёз его Кузнецов. Дав помощнику кучу ценных указаний, майор улетел в первопрестольную.

В Москве он был ночью, но сотрудник его встретил и по дороге, пока ехали в ведомственную гостиницу, всё ему рассказал о происшествии, которое случилось накануне. Утром обещал заехать за ним.

Под ложечкой у майора сосало, желудок свело с голодухи, устроившись в гостинице, Золотарёв поел в круглосуточном бистро, ответил на сообщение мамы, сына, Лиды. И в номере вырубился сразу, очень уж устал. А хотел поразмышлять о деле.

А дело, по поводу которого он прилетел, было страшным, и тянулось оно с девяностых. Сосновский Станислав Иванович — первый муж певицы Лилианы, хотел сам встретить свою дочь Марию в аэропорту. Девушка возвращалась из Морегорска, куда ездила на похороны своей матери. Он прекрасно понимал, что, как бы дочь не показывала своё безразличное, а порой и презрительное отношение к матери, она её любила. И теперь он обязан был поддержать своего ребёнка и поговорить с ней, и утешить её, потому и поехал один, без водителя. Самолёт прилетел вовремя, задержки рейса не было. Сосновский крепко прижал к груди свою любимую дочь, гладил её по волосам.

— Девочка моя, я тебе очень сочувствую. Твоя мама приняла такую смерть. Мне жаль.

— А мне не жаль, папа! — её выразительные глаза полыхали гневом, — мне её нисколько не жаль — такая нелепая, позорная смерть. Мне бабушку Валю жаль и двойняшек ни

в чём не повинных. Хотя какая она им мать была, дети её и не видели. Ими няни занимаются, она — занималась своей личной жизнью и тусовками всякими гламурными. Она всегда оставалась со своими счастливыми иллюзиями, горькую правду она знать не хотела. Всегда поражалась тебе, папа, как ты на ней мог жениться?

— Так получилось, доча, любовь, страсть. Поехали, доча, — Сосновский внимательно смотрел на свою любимицу, какие у неё красивые глаза, а главное, умные. Эти глаза было невозможно спутать ни с какими другими. — Эти телевизионщики — настоящие монстры, уже два телеканала сделали теле-шоу на животрепещущую тему — убийство твоей матери мусолили. И меня вспомнили, и про тебя сказали. Дерьмовые люди — эти певички и певуны из шоу-бизнеса, за деньги мать родную продадут.

На светофоре при съезде с МКАДа они стояли долго, когда Сосновский почувствовал адскую боль и свалился на дочь, сидевшую на пассажирском кресле. Он слышал пронзительный крик своей дочери и потерял сознание. Пулевое проникающее ранение головы, Сосновскому просто повезло в очередной раз: мелкокалиберная пуля с малой кинетической энергией, большое расстояние и непрофессионализм стрелка спасли ему жизнь. А также — умелые действия врачей скорой помощи, которые находились рядом, мгновенная реакция дочери — она быстро взяла себя в руки и тут же в сопровождении машины ГИБДД, на машине скорой помощи отвезли Сосновского в одну из лучших клиник Москвы. Дочь сделала необходимые звонки в службу безопасности отцовского холдинга, семейному врачу и адвокату. На уши была поставлена вся милиция Москвы. В следственном комитете, по какой-то им одной известной причине, связали смерть певицы и покушение на Сосновского в одно дело. Но потом, разобравшись, по-

няли, что это не так. Адвокат подкупил всех и вся, чтобы дело о покушении на Сосновского замяли, не хотели марать его честное имя, так мотивировал свои действия адвокат семьи. Сосновский остался жив, но его сознание всегда будет помутнённым, его ноги, руки не будут работать и, скорее всего, он всю жизнь будет лежать овощем, если не произойдёт чудо. Ему сделали операцию, и дочь просидела рядом с ним целые сутки. Служба безопасности холдинга вместе с полицией занималась поисками преступников. Преступников вычислили быстро, в ту же ночь, благо везде стоят камеры видеонаблюдения, а в машинах — видеорегистраторы. Преступники: отец и сын преспокойно находились у себя в квартире, когда ОМОН проник в их квартиру. Сын вдруг открыл беспорядочный огонь по омоновцам и его ликвидировали. Отец, увидев, как убили его сына, упал без чувств. В квартире больше никого не было, там никто и не проживал, и не был прописан. Соседи отзывались о семье очень хорошо, семья положительная, живут здесь очень давно, мать умерла пять лет назад, очень долго болела после смерти старшего сына. Больше никакой информацией они не обладали. Свет на всю эту историю пролил отец, которого привели быстро в чувство. Всё это время в больнице охраняли Сосновского и его дочь. Службе безопасности холдинга необходимо было знать, кто совершил покушение на шефа. Старик-отец заговорил:

— Слава Богу, что Сосновский живой, что мой сын не нанёс ему смертельный удар, — по выражению лица старика было видно, что он испытывает облегчение. — Мой сын ушёл на небеса с чистой совестью. Но я не мог остановить его. Это была его идея фикс. Так вот, слушайте, и тогда решите, кто прав, кто виноват. Это было в конце 90-х. Тогда было много палёной водки. Из Осетии привозили спирт и в Подмоскowie разливали водку, да ещё с сертификатами.

Люди зарабатывали громадные деньги. А мы кое-как перебивались. Не могли выбраться из нищеты. Старший сын со своим приятелем решили заработать, договорились на оптовых базах, что поставят им настоящую водку с государственным сертификатом. Приятель сына нашёл продавца, который им может поставить хорошую водку по низкой цене, — это были не перекупщики, а первые лица, бизнесмены с именем. Это был Сосновский и его компания. Я знал ещё старшего брата Сосновского, он был честный человек с хорошей репутацией. Низкая цена водки обусловлена была только одним: налом. Сосновский хотел сразу все деньги и только зеленью — долларами, но овчинка стоила выделки. Как говорится, — утром деньги — вечером стулья. Сын с приятелем брали доллары под проценты, писали расписки, они собирались в течение трёх дней окупить всю сделку. Если бы все участники этой сделки играли по-честному, то так и получилось бы. В тот день старший сын сказал матери, что едет по делам в Подмоскowie, за ним заехал его приятель, и они уехали на машине приятеля. Больше мы сына не видели. И его приятеля тоже. Машину потом нашли недалеко от дома приятеля сына, но тогда не было видеокамер и никто не мог понять, кто пригнал машину. В милиции заявление приняли только через три дня. Я ходил к Сосновскому, тот подтвердил, что заключил сделку с сыном и его приятелем и ждал их в тот день, но они не появились, а дозвониться до них не мог. Тогда были такие здоровенные мобильные телефоны Nokia, тогда сим-карт не было, пополнение счёта велось через оператора связи. Вычислить локацию связи, тем более невозможно было. Полиция ходила и к Сосновскому, я им всё рассказал. Так как у приятеля была одна мать, все те, у кого мой сын и его приятель брали в долг, приходили ко мне. Мы всё надеялись, что дети найдутся. Мать приятеля моего сына отдала кому-то из этих людей машину сына, я

тоже отдал свою старенькую машину. Пропали два здоровых парня с целым дипломатом долларов. Их искали весь ноябрь, дело было в конце осени. Я работал как бешеный, чтобы как-то отдать долги сына, жена слегла, младший сын учился ещё в школе. Мы надеялись и ждали. Перед Новым годом мне сказали, что дело о пропаже ребят закрывают. Или их убили, или они сбежали с деньгами. В то время таких случаев было много. Мы самостоятельно искали их, подключали людей, частных детективов. В конце марта мне позвонили, попросили приехать на опознание трупа молодого мужчины в один из моргов Ближнего Подмосковья. Это был мой сын. Почти четыре месяца он пролежал в промёрзшем снегу на одной из замороженных строек. Второй труп не нашли и, естественно, дипломат с деньгами тоже. Я снова и снова ходил к Сосновскому, он свою причастность полностью отрицал. Сделал предположение, что это приятель моего сына провернул аферу, чтоб деньги присвоить. А его ищи-свищи, как ветер в поле. Я искал его повсюду, доставал его мать, пытаюсь узнать, знает ли она что-нибудь о своём сыне, та всё время плакала, причитая, что ей даже некого хоронить в отличие от меня. Я отстал от бедной женщины. Времена были такие — страшные. Я думал, что уже не найду убийцу своего сына, эту тайну каждый будет хранить до тех пор, пока убийцу не накроет желание облегчить свою душу. А моя жена совсем встать не могла, ударил инсульт. А я всё пахал, как ломовая лошадь. Младший сын окончил институт, работал, жениться не собирался. Всё говорил, что мир несовершенен и в этот мир не надо пускать детей. Я вёл с ним душещипательные беседы, но всё без толку. А он всё ходил, искал виновных в смерти своего брата, беседовал с людьми, хоть как-то причастных к этим проклятым пропавшим деньгам. И вот, ровно год назад к нам пришёл человек с запиской, в ней был только номер телефона. Сначала

поинтересовался моей личностью, вручил записку и ушёл. Номер телефона мобильной связи МТС, московский. Я позвонил. Меня попросили спуститься вниз в маленький скверик рядом с домом, сказали, что хотят что-то передать. Сына дома не было, я пошёл, что мне терять-то. Мужчина привстал, поздоровался и сел со вздохом. Лицо было жёлтое, болезненное. Он передал мне какой-то свёрток, я сначала не понял, потом открыл, а там было 50 тысяч долларов.

— Это не моё, вы ошиблись, — сказал я этому болезному.

— Ваше. От вашего сына, — человек с трудом говорил. Я разозлился:

— Мой сын на работе и, если бы у него были такие деньги, он бы сам мне их дал. Кто вы такой и что за игру вы играете? — я вернул ему свёрток.

— Возьмите, — мужчина снова пытался всучить мне этот свёрток, это те предательские деньги, которые мне дали за моё молчание. Вы меня не узнали?

— Честно говоря, я его не узнал. Но я ощущал в сердце тревожное покалывание и какое-то нарастающее беспокойство в душе. Я всматривался в его лицо, а потом вскрикнул — это был пропавший приятель моего сына, 25 лет — это срок. И потом он выглядел как старик, как больной старый человек.

— Ты живой? А мой сын, он погиб, он не может быть живой? Я не пойму твоих слов. А твоя мать ждала тебя, все глаза выплакала.

— Я чуть с ума не сошёл во второй раз.

— Выслушайте меня и не перебивайте, пожалуйста, у меня мало времени. Тогда, 25 лет назад, мы поехали с дипломатом долларов, там было чуть меньше миллиона, вы в курсе. В подпольном цеху мы увидели, как были сложены коробки с водкой для нас. Мы сказали, что деньги с собой в дипломате. Сосновский с компаньоном распорядился

грузить коробки в грузовик, мол, сразу отправит на склад, куда мы скажем. Деньги просил здесь не передавать, часа через два, когда никого не будет из рабочих. Мы согласились, покружили, посидели в местной кафешке и поехали, нас ждал Сосновский и его приятель. Пока я парковался, ваш сын пошёл к ним, я подошёл чуть позже. Я увидел, как ваш сын лежит на снегу, скрюченный и без сознания, дипломат с деньгами у Сосновского в руках, а какой-то амбал невесть откуда появившийся, добивает его, я бросился к машине, уже сел за руль, но не успел завести свою старую машину, если помните, у меня были «жигули-семёрка», от отца оставшаяся. Амбал рывком открыл дверь. И вытащил меня. Сосновский подошёл и отстранил амбала. Я стал его просить не убивать меня, говорить о нашем давнем знакомстве, о моей старой больной матери, которая была его учительницей, и ещё много чего я говорил, чтобы спасти свою шкуру. Это же я нашёл Сосновского и его коварство меня поразило в самое сердце, но я был молодой и хотел жить. Компаньон Сосновского говорил, что меня надо тоже грохнуть, но Сосновский пожалел меня, может быть, он тогда не был совсем конченный. У всех больших состояний есть своё маленькое кладбище. На кладбище Сосновского оказался ваш сын. А меня он пожалел, уж не знаю почему, может быть, поверил моим словам, что я исчезну вообще из страны и никто никогда не узнает ничего, а может быть, пожалел мою маму, которая была его первой учительницей. Он вытащил из дипломата пять пачек зелёных, дал мне, приказал сесть за руль, оставить машину у торгового центра недалеко от моего дома, там же оставить ключи и документы, никому не показываться и уехать из страны в ближайшие бывшие союзные республики и это надо сделать в течение дня, ничего не говорить матери, а потом через несколько месяцев позвонить ей. Я всё так и сделал.

Оставил машину, сел на черкизоне на автобус с челноками, за 100 долларов водитель вообще мне дал персональное место и еду. Поехал в Дагестан, оттуда тот же водитель за пятьсот долларов переправил меня в Азербайджан. Там я немного помыкался, но деньги делают своё дело. Мне сделали новые документы и помогли уехать в Турцию. Через наших московских челноков я передал маме деньги и сделал звонок. Через два года мама прилетела ко мне в Турцию, я уже оброс связями, немного поработал, приумножил свои деньги, три года мы прожили там, а потом уехали в Германию. И я, и мать живём там под чужими именами. Я так и не женился, мама умерла пару лет назад, я уже более пяти лет болею онкологией. Мама всё причитала, что это наказание за вашего сына, но ведь я спасал свою жизнь, и это было важно для неё, истинная коммунистка и атеистка, она вдруг заделалась верующей и ходила в православный храм в Дюссельдорфе. Времена были такие, мусора — менты — продажные твари, народ — кто голодал, кто — воровал. Ваш сын попал под мясорубку бандитов-бизнесменов, нынешних добропорядочных олигархов и депутатов. Мне осталось жить максимум пару месяцев. Я вам всё сказал. Я кругом виноват перед вами. Вы можете меня сейчас убить, но вряд ли сможете, вы уже старый и немощный, такой же, как и я — лучший друг вашего старшего сына, можете наказать Сосновского. Хорошо, что вы живёте в этой квартирке, как и много лет назад, и мне не надо было нанимать частного детектива. Я слишком слаб, мне надо лететь в Германию, чтобы лечь рядом с мамой. А это ваши деньги, — он засунул мне за пазуху пиджака свёрток и ушёл.

— Мне было так плохо, что я не мог встать с лавочки. Сын меня так и нашёл сидящим с потусторонним взглядом. Если умеешь красть, зачем учиться? Воровство — уже образование. Но Сосновский хотел воровать по-научному,

красиво, вот и учился. Эти деньги пригодились. Сын купил пистолет, ходил в какой-то подпольный тир. Проследил всю цепочку связей Сосновского, кто, как и где можно было его пристрелить, как-то даже мы подъехали к его дому и хотели его грохнуть. Сын даже хотел убить его любимую дочь, таким образом, отомстив за своего брата. Я еле его отговорил от убийства этой невинной девочки. Но его идея фикс об убийстве Сосновского была непоколебима, и мои попытки оставить всё это и жить своей жизнью, что прошлого не вернёшь, были бесполезны — легче было стать его союзником. Сосновский всё время ездил с охраной в бронированной машине. И вдруг мы узнали, что убили эту певичку, его бывшую жену убили, правда, ему было ни холодно ни жарко от этого, но мы надеялись, что он вместе с дочерью полетит в этот Морегорск и там его легче достать. Хотя пандемия по всему миру и Сосновский не будет рисковать. Говорят, что к нему в офис сейчас нелегко попасть даже ближайшим компаньонам, они общаются по видеосвязи, а если необходима личная встреча с кем-нибудь, то посетители проходят дезинфекцию, надевают защитный костюм и сидят на расстоянии трёх метров от Сосновского. Я думал, что он дочь не отпустит. Но говорят, что она своенравная девочка. Девочка улетела одна, отвёз её в аэропорт водитель. Мы последние два месяца почти каждый день следили за Сосновским, хотели уличить момент, чтобы его грохнуть, этого подонка: я за рулём, а сын сзади, окна задние тонированные. Купили новую машину по доверенности, не переоформляли, чтобы нас не вычислили. Но, как видите, вы смогли — лучше стали работать наши органы. Но остальное вы знаете. Дочь он встречал сам, и мы его поймали, но рука моего сына дрогнула, мой мальчик не убийца, не смог. И хорошо. Я уверен, что Сосновский останется овощем на всю жизнь — это хуже. Жаль, что моего сына убили, не уберёг я его всё-таки, а жене

обещал. Но мои все там в раю, я уверен. И я скоро уйду к своим.

Всё пересказал это Золотарёву следователь, который вёл это дело, дал почитать всё и молча за ним наблюдал.

— К убийству певицы это дело не имеет никакого отношения. А старик прав, этот подонок Сосновский останется растением и никакие деньги ему не помогут. Мы ведь подняли дела двадцатипятилетней давности. Старик сказал чистую правду, но всё недоказуемо. А Сосновский получил своё. У всех олигархов есть свой погост, как говорит старик. Жаль старика, он тяжёлый, врачи не дают утешительных прогнозов.

— А зачем ему жить? — майор ещё раз убедился в несправедливости этого мира, — как я понял, с Сосновским я не могу поговорить, а с его дочерью?

— Можете, вот адрес больницы и номер палаты, я позволю начальнику его службы безопасности, и вам дадут возможность поговорить с девицей.

Глава 13

Мария Сосновская — дочь Лилианы, оказалась на редкость красивой девушкой — безупречные черты лица, не тронутые косметикой, что не характерно для нынешней молодёжи, огромные фиалковые глаза с поволокой, красивые волнистые каштановые волосы, стянутые на затылке резинкой, она кого-то смутно напоминала Золотарёву, на Лилию она не была похожа. И одета Мария была строго, но стильно — атласный брючный костюм тёмно-изумрудного цвета ей очень был к лицу, никаких лишних деталей и аксессуаров, в отличие от Лили, которая всегда одевалась очень вызывающе. Сразу видно, что у девушки со вкусом всё в порядке. Только, когда она заговорила, и её бархатный голос дрогнул, а в глазах появились слезинки, его осенило — Мария очень похожа на свою бабушку Валентину Сергеевну.

— Вы так похожи на свою бабушку, — сказал он, прежде чем представиться, — майор Золотарёв Александр Сергеевич.

— А вы знаете мою бабушку? — удивилась девушка, — мне сказали, что со мной хочет поговорить следователь.

— Всё правильно сказали, я и есть следователь, только из Морегорска, и знаю вашу бабушку, и хорошо знал вашу маму, — майор предложил пройти девушке в небольшой холл рядом с палатой её отца, чтобы спокойно поговорить.

Они оба сели в кресла, девушка попросила медсестру, которая постоянно находилась рядом с раненым Сосновским, принести им кофе.

— А я думала, что вы по поводу покушения на папу, — голос девушки обволакивал, говорила она чисто без каких-либо

слов паразитов, всё ясно и доступно. Майор ухмыльнулся незаметно, — везёт же мне на молоденьких красоток в последнее время, а главное, — образованных, натуральных красоток, надо Лиде сказать, ревность у неё вызывать, что-то уж очень она холодная Лидия — Снежная королева. Глоток кофе привёл майора в чувство, отвлёк от мыслей о Лиде.

— Я не успел с вами поговорить в Морегорске, прилетел сюда специально, чтобы побеседовать с вами и ознакомиться с материалами дела по поводу покушения на вашего отца.

— Я тоже уже ознакомилась, начальник службы безопасности папиного холдинга принёс мне папку с допросами, опросами. Но я не верю, что мой отец мог совершить когда-то убийство, которое, кстати, не доказано по сей день, и все выводы сделаны из слов преступника. Эти двое преступников совершили злодеяние непоправимое, они нанесли колоссальный ущерб здоровью моего отца. Неизвестно, когда он придёт в себя, сейчас он находится в коме. Как только врачи разрешат перевозить папу, мы отвезём его в Швейцарию, договорённости с той стороной уже есть, и мы нашли современную клинику с инновационными методами лечения.

— Мария Станиславовна, я бы хотел задать вам несколько вопросов и хотел бы получить достоверную информацию. Может быть, это поможет в деле расследования убийства вашей матери.

— Конечно, я отвечу на все поставленные вами вопросы, — девушка изумлённо посмотрела на майора своим бархатным взглядом, — это мой дочерний долг.

— Говорила ли вам мама о том, что у неё есть враги? — майор решил задавать ей по одному вопросу, чтобы услышать от неё тут же ответ.

— Нет, мама мне ничего такого не говорила, и мы в последние несколько лет с ней очень мало общались. Предо-

творя ваши вопросы, я вам сразу скажу, как только в жизни матери появился Шашков, я сразу ушла от неё к отцу.

— Это сразу после свадьбы Лилии и Шашкова?

— Нет. Это раньше, как только они начали встречаться, и он стал оставаться у нас жить, когда бывал в Москве. Тогда я жила с мамой в загородном доме, который ей достался после развода.

— А почему вы ушли? Вам не нравился Шашков? — майор хотел узнать всю правду об отношениях Лили и её второго мужа, надеясь, что дочь поможет в этом, — он как-то негативно вёл себя с вами?

— Попробовал бы только, я бы сразу сказала отцу. Нет, не это. Я чувствовала, что он обманывает маму, он моложе её на 10 лет, красивый, богатый, зачем ему певица с ребёнком и со скандальным прошлым. Это даже я понимала и видела его отношение к маме, я ведь была не ребёнок, мне было уже 15 лет, — девушка сделала длинный глоток кофе, потом вновь заговорила. — Да, я об этом говорила маме, я об этом говорила бабушке. Но мама никого не хотела слушать и слышать тоже. Она слышала только своё влюблённое сердце. Даже папа мне говорил, чтобы я передала маме, что у него какие-то корыстные цели. Но когда он женился на маме, когда она забеременела, папа сказал, что, может быть, он ошибся, чутьё потерял. Никакое чутьё мой отец не потерял, я потом интересовалась делами Шашкова — он отмывал деньги через мамину официальную концертную деятельность, оформлял на маму и её родственников недвижимость. Но он не имеет никакого отношения к смерти мамы, зачем, какая ему выгода от этого? Мама — мать его двоих детей. Нет. Шашков тут не при чём.

Девушка надолго замолчала.

— Мария Станиславовна, а почему ваши родители разошлись?

— Об этом весь мир знал, она раструбила на всю страну, телевидение, прессу, думала, что этим обелит себя. Я ведь всё помню. А потом мне рассказал отец, потом бабушка, мама. Я всё сопоставила. Мама вышла замуж за папу молоденькой, у папы был первый брак, он распался, остался ребёнок. У меня есть старший брат. Папа увидел маму в Морегорске и влюбился, а она вышла замуж за него по расчёту. Петь хотела моя мама, хоть и голосок провинциальный, не разработанный и нотную грамоту не знала. Но с возможностями моего отца сделать её певицей и продвигать в шоу-бизнес, оказалось совсем не сложно. Деньги, вот что важно было в то время в этом прогнившем певческом бизнесе, а не профессионализм. Да и сейчас мало что изменилось. Уже и я родилась, мама ездила на гастроли, со мной то бабушка, то няни, и всегда папа — в любое свободное время. То ли слухи поползли, то ли доброжелатели доложили отцу, что она ему изменяет с одним из солистов некогда популярной мужской группы. Папа нанял частного детектива, всё подтвердилось. Мама оправдывалась, прибегла к испытанному женскому средству и громко разревелась якобы от обиды. Но всё было фальшивое, и слёзы в том числе. И тогда папа не выдержал, он избил маму, нос поломал. Это единственное, за что я папу осуждаю. И поэтому я осталась жить с мамой и по просьбе бабушки Вали. Тогдашний мамин концертный директор вызвала — это была женщина, скорую помощь, маму отвезли в больницу, пригласила телевидение, репортёров, поднялся визг на весь мир. Мама позвонила своим родителям в Морегорск. На моего отца уже завели уголовное дело по факту нанесения тяжких телесных повреждений. Мама хотела пустить судьбу моего отца под откос, о своём мерзком поступке она и не думала. Мой папа и мой дедушка Фёдор были близки. Папа попросил дедушку его выслушать и пойти на компромисс. О том, чтобы жить вместе речи не

было, но надо было разойтись без потерь. Мама хотела даже папин бизнес поделить, она никого не слушала, бабушка Фёдор человек не меркантильный, он этого не хотел. Он видел отчёты частного детектива и прекрасно понимал, что мама поступила гадко, но он отец и должен защищать интересы своей дочери. Бабушка Фёдор вызвал своего отца ветерана войны, орденосца. Тот приехал в кителе, при орденах, и они сели за стол переговоров. Полковник Гладков Пётр Петрович — мой прадед, мой дед — кардиолог Гладков Фёдор Петрович, мой отец Сосновский Станислав Иванович и мой дядя, папин старший брат Сосновский Роман Иванович. Поговорили, обговорили и вынесли вердикт: кому, что остаётся, какое обеспечение отец положит на меня и все остальные нюансы. Самое интересное в этом деле, что мамин любовник отказался от мамы, говорил, что между ними ничего не было, и она никогда ему не нравилась. Вот так и бывает: моя мама предала моего отца, а мою маму предал её любимый человек. Что моя мама не святая женщина, я поняла уже тогда, моя мама — обычная грешная женщина, униженная мужем, брошенная любовником. Александр Сергеевич, это история давняя, и чем она может помочь вам в раскрытии убийства моей мамы.

Не успела девушка договорить, как мимо майора и Марии быстрым шагом прошёл молодой мужчина в накинутом на плечи белом халате. Девушка внимательно посмотрела на него, вскочила и побежала к нему с криками: «Лёня, Лёня!». Мужина повернулся, поймал её в свои объятия, прижал к себе: «Машенька, как папа? Успокойся, не плачь». А она всё сильнее прижималась к нему и рыдала, ища защиты.

Вслед за парнем шёл начальник службы безопасности холдинга Сосновского. Майор переговорил с ним, узнал ответы на несколько интересующих его вопросов и попросил разрешения на беседу с Леонидом Сосновским — сыном от

первого брака олигарха, с тем мужчиной, на плече которого рыдала Мария. Парень вышел к майору минут через 10, сиделка принесла на этот раз им чай, как любит Леонид Станиславович, как она выразилась, видно было, что персонал его знает и любит.

— Вас здесь знают и уважают, — начал майор с комплиментов.

— Папа ложился в эту клинику раз в год на профилактический осмотр, и обслуживал его всегда один и тот же проверенный персонал, я старался несколько раз в год приезжать в Москву.

— Вы живёте не в России? — майор задал вопрос, на который знал ответ.

— Да. Я жил в Австралии с мамой и её родителями с 7-ми лет. После окончания школы в Сиднее, я поступил в Кембриджский университет, потом там стажировался, остался на стажировку и два года назад женился на англичанке, мы живём в Лондоне. Как видите, — русский язык я не забыл.

— Вы сейчас летите из Лондона?

— Нет. Я лечу из Швейцарии. Я заезжал в клинику в Женеве, решил вопросы с транспортировкой отца, переговорил с ведущими специалистами и оплатил лечение.

— У вас есть столько денег, чтобы оплатить лечение отца?

— Деньги у меня есть, я зарабатываю неплохо, и мои бабушка с бабушкой сделали мне на свадьбу подарок, открыв мне счёт в британском банке, они достаточно обеспеченные люди были даже по советским меркам. Приехать на мою свадьбу они не смогли, из Австралии в Европу — это нелёгкий путь, сразу после свадьбы мы с женой полетели к ним. Но оплатил я лечение и транспортировку отца из средств холдинга, я имею доступ ко всем счетам, и я являюсь соучередителем, как и моя сестра. Я стал соучередителем по-

сле окончания университета, а сестра тоже после получения высшего образования.

— Отец прилетал к вам на свадьбу?

— Да, — Леонид улыбнулся, — и папа, и сестра. И мама с отчимом.

— Вы впервые за нашу беседу улыбнулись? — майор был сам удивлён и внимательно посмотрел на Сосновского-младшего.

— Я просто вспомнил их встречу, они ведь не виделись около трёх десятков лет, и я немного напрягся, как и Маша. Но на удивление всё прошло великолепно, папа осыпал маму комплиментами, а мамин муж даже приревновал. Папа последний раз видел маму после того, как она вышла из тюрьмы, — лицо Леонида снова накрыла печаль. Он не скрывал своих эмоций.

— Из тюрьмы?

— Да. Я не знаю, нужна ли вам эта история и поможет ли она вам в расследовании убийства матери Маши. Я в курсе, что вы по этому вопросу. Меня обо всём информировали. И я знаю, кто и зачем стрелял в моего отца. Но мне это сейчас не важно. Мой отец сейчас недееспособен, и всё руководство холдингом будет возложено на меня и, конечно, его партнёров, которые есть у него, но все они имеют минимальный пакет акций. Мне сейчас важно не дать развалиться холдингу. Маша завтра же уволится со своей работы и будет вместе со мной заниматься делами отца. Через неделю я отвезу отца в Швейцарию, пока Маша будет здесь, и даже она будет сидеть в кабинете отца, чтобы ни у кого не возникло ни тени сомнения в нашей компетентности. Маша будет летать к отцу в Швейцарию, где её будут охранять. Её фото есть во всех СМИ, я боюсь за её жизнь. Я сам ношу фамилию своего деда, дед взял надо мной опекунство перед нашей эмиграцией, и всё это было сделано с согласия

отца. То долгая история. За себя я не переживаю. За сестру боюсь, я нанял охрану из независимой структуры. Сестра у меня умная и образованная, знает, что надо делать и слушает меня во всём.

— Вы мне не рассказали о тюрьме? — майор не знал подробностей и хотел всё узнать из первых уст.

— Тюрьма... Этот случай разрушил дипломатическую карьеру моего деда и семью моих родителей. Моя мама из очень хорошей образованной статусной семьи, папа тоже. Но уровни статуса были разные. Родители моей мамы легально зарабатывали свои деньги, а родители отца нелегально, под прикрытием своих должностей. Это было советское время. Мы с родителями летели в отпуск во Францию, где тогда работал мой дед. И на таможне задержали мою маму, у неё в дамской сумочке нашли нэцке — это миниатюрная японская скульптура, и она не была задекларирована, как мамина вещь, к тому же она была запрещена к вывозу из страны, и, кроме того, она была в розыске. Маму тут же взяли под белые ручки и увезли. Мама сразу догадалась, что это папиных рук дело, он успел шепнуть ей на ушко, чтобы она сказала, что якобы купила нэцке на блошином рынке, чтобы подарить на юбилей своему отцу, чтобы она взяла всю вину на себя, мол, ей за это ничего не будет. А он сейчас поедет за адвокатом и её вызволят. А если она укажет на папу, то его надолго посадят. А мы, в самом деле, летели на юбилей деда, мама всё бегала с оформлением документов, тогда это всё было очень сложно. Мама — хорошая девочка порядочных родителей взяла всю вину на себя, она сильно любила моего отца, они встречались со студенческой скамьи. Отец позвонил деду во Францию, тот подключил все свои связи, потом сам прилетел. Матери дали три года строго режима, дед каким-то образом умаслил прокурора, нашёл самого квалифицированного адвоката, а то маме светило семь лет. Маму

лишили родительских прав на меня, и я жил с отцом пока не прилетела бабушка. Потом деда отозвали на Родину. Адвокат обещал деду за очень большие деньги освободить маму условно-досрочно, что, кстати, и сделал. Дед стал преподавать в МГИМО. На одно из свиданий мы поехали с папой, и вот там состоялся очень трудный разговор. Мама потребовала, чтобы папа отказался от притязаний на меня и передал опеку деду, чтобы всё это было сделано в особом порядке, официально. Иначе, мама расскажет обо всех делишках отца, и тогда он сядет и надолго. Она ему сразу сказала, что в тот миг, когда он её просил взять вину на себя и фактически засадил её в эту ужасную тюрьму, она раз и навсегда разлюбила его. Разговор носил ультимативный характер. И отец пошёл на все условия мамы, они заочно развелись. От всех алиментов на меня дед с бабушкой отказались, но я знаю, что отец передавал деньги бабушке и покупал мне игрушки. У деда с мамой была договорённость. Ровно год дед оформлял документы на выезд из СССР в Австралию по какой-то программе. Деда исключили из партии и лишили работы, но ещё до подачи документов дед обменял нашу шикарную квартиру в центре Москвы на какую-то однушку в Чертаново. Год мы там жили и ждали освобождения мамы. Встречать маму поехал дед. Мы уже должны были уезжать, когда появился отец. Он знал о нашем отъезде. Он обнял меня, поцеловал, прижал к себе и сказал, что помнит обо мне всегда, и когда я вырасту, то приеду к нему. Я был маленький, ничего не понимал и плакал. Отец привёз чемодан маминих вещей, шкатулку с её драгоценностями и крупную пачку долларов. Дед не хотел брать, мама молчала, она подурнела, постарела и старалась вообще не общаться с моим отцом. Всё взяла бабушка и жёстко сказала моему отцу, я это слышал сам: «Ты поступил как трусливый человек, даже не мужчина, а тем более, не муж. Ты посадил в тюрьму мать

своего ребёнка, моя дочь слишком любила тебя и пошла у тебя на поводу. Она лишилась здоровья и красоты только из-за такого предателя, как ты. А мой муж лишился работы и обеспеченной жизни, а мой внук лишился отца. А так как ты являешься биологическим отцом моего внука, ты будешь платить ему всю свою оставшуюся жизнь хорошие деньги. Ваша семейка может их заработать. А иначе Бог проклянёт вас всех». Дед и мама смотрели на бабушку, разинув рты, она всегда была покорной женой, но тут её прорвало, обида за дочь рвала её сердце. Потом бабушке стало плохо, её отпаивали. А через несколько дней мы улетели в Австралию. Мы летели через несколько стран, путь был долгий. Ну вот, в принципе, и всё. Кстати, отец присылал нам деньги. Находил такие возможности то через эмигрантов, то через знакомых деда, о которых ему заранее сообщала бабушка. Когда я уехал в Британию учиться, папа мне оплачивал учебу. После того, как открылись границы, мы с папой встречались в Европе или я прилетал в Россию. Мама не препятствовала. Дед было противился, но тут вмешалась бабушка: «Молчи и не выступай, кто ты такой сейчас — австралийский пенсионер, а Сосновский — олигарх, такие, как он, разграбили весь Советский Союз. Пусть помогает своему ребёнку».

А на мою свадьбу отец сделал мне подарок, сделал меня не только членом совета директоров холдинга, но ещё и соучредителем. Я имею пакет акций и очень хорошо живу на свою прибыль. В принципе, вот и всё, — Леонид замолчал и стал пить свой уже остывший чай жадно, взахлёб, — знаете, богатые люди считают тех, кому они платят деньги, глупее себя. Но мой отец не такой — он прислушивается к своим специалистам и ценит их, продвигает по карьерной лестнице, поэтому он и построил такую империю. Я надеюсь, что мой отец придёт в себя и начнёт жить нормальной жизнью. Я приложу все усилия, чтобы это произошло, — горестно

произнёс парень, понимая всю ответственность, которая легла на его плечи.

— Леонид Станиславович, а вы были знакомы с Лилией, матерью вашей сестры? — майор молча слушал Сосновского-младшего, ни разу не перебив его.

— Нет. Не знал, и не горел желанием с ней знакомиться. Поверьте, её смерть никак не связана с нашей семьёй. Это другая история. Извините, мне надо идти к отцу, — Леонид попрощался и с достоинством вышел.

Глава 14

Майор был в тупике. Поездка в Москву ему ничего не дала, не было ни малейшего проблеска в этом, казалось, безнадежном деле. Начальник Филатов встретил его не очень радушно.

— Ну что, майор, чем порадуешь?

— Ничем. Узнал много нового, но это не имеет никакого отношения к убийству певицы, — майор рассказал шефу всё, что узнал, — шеф, но отрицательный результат — тоже результат.

— Это верно, Саша. Но поверь мне, самые гнусные и подлые предательства я наблюдал в интеллигентных с виду семьях. Каждая семья — это сложный организм со своими законами и традициями, — Филатова потянуло на философию, иногда он так поучал своих молодых коллег, — то, что этот Сосновский говнюк и так было ясно. Когда он избил Лилю до полусмерти, нос поломал, паршивец, весь город гудел. Я тогда ещё капитаном был. Она ведь молоденькая была, могла и изменить. Он прощения просил, на коленях стоял, в ногах валялся, но она тогда на всю жизнь была напугана, категорически была против, а он уголовки боялся до смерти. Сосновский хотел её наколоть с делёжкой имущества. Отец, мать у неё наивные были, порядочные, хотели забрать дочь и внучку и увезти домой, им ничего не надо было. Но тут бабка — хваткая, пронырливая, умная, деда отправила в Москву, он в кителе при орденах приехал, пригрозил Сосновскому своими связями, побренчал своими наградами, и он отступил. Всё по-честному поделили. Так вот, Саша, пока ты в столице прохлаждался, я ещё раз внимательно ознакомился с делом. Ну, не мужское это убий-

ство. Чисто женское, спонтанное. Бутылкой по голове дали? Дали. Пояском от халата придушили? Придушили. Цацки, что лежали на виду, забрали? Забрали. Непреднамеренное эмоциональное убийство. Только баба так может.

— А что мужчины не бьют по голове бутылкой? — майор внимательно удивлённым взглядом посмотрел на начальника.

— Нет. Бьют, когда нажмутся ханурики разные. И женщины бьют, если бухают вместе, могут так шандархнуть своего собутыльника по башке, мало не покажется. Но мужчина, который пришёл специально убивать, не будет бить по голове, а потом искать чем бы придушить до конца, пока визави валяется.

— Визави? — майор засмеялся, — вот вы словечко нашли.

— А что? Они и были визави, сначала, наверное, говорили о чём-то неприятном, стояли лицом к лицу, а потом и вдарили нашей певице по её красивой головушке, и отпечатки стёрла, стерва. А цацки взяла для отвода глаз. Мужик бы сейф открыл, там несложный замок, я прочёл в деле. Раз убил, надо всё и забрать — мужская логика.

— И всё-таки стёрла — женский род. Вы подозреваете женщин этого дома?

— А ты? Да, их подозреваю. Может быть кто угодно, и даже мать. И такие случаи были в моей жизни.

— Но это чудовищное предположение. Я знаю Лилю с первого класса, её мать и бабушка её обожали, — майору стало не по себе.

Две разные фразы: начальника и более опытного человека и майора, который значительно моложе, — и вот уже два разных мировоззрения.

— В общем, ищи, Саша, ищи. Через неделю нам нужно отчитаться. Иди, отдохни и за работу.

Самыми правильными являются простые решения. Майор заехал к родителям, поиграл с сыном, поужинал с отцом. Отзвонился Лиде и поехал домой. Позже ему позвонил Кузнецов, спросил, что почему майор не сказал ему, он бы встретил его в аэропорту.

— Да зачем, Виктор, рейс задержали, чего бы ты там торчал. Я на такси и дома. Ну что там нового?

— Ничего, вроде бы. Мать Шашкова и девушка Анастасия Афанасьева улетели в Сибирь. Я проследил, ни с кем не говорили. Детей целовали. Обнимали. Старушка расплакалась, когда детей целовала, а Настя с матушкой прощалась, так няня заливалась слезами. Валентина и бабка холодно попрощались. Как вы мне и сказали, когда звонили из Москвы, я пошёл под предлогом, что мне нужно подвальные помещения осмотреть: прачечную, бильярдную, кладовку. Наблюдал за ними. И даже такси сопровождал до аэропорта. Они зарегистрировались и тю-тю.

— Ясно, Витя. Я хочу отдохнуть. Завтра с утра у меня соберёмся все на планёрку. Обмозгуем.

С утра лил проливной дождь. Пока майор добежал от места парковки машины до дверей отдела, весь вымок. Его помощник и верный Санчо Панса Кузнецов уже сидел в кабинете.

— У нас не зима, а чёрт-те что, вместо снега дожди непрерывные. Привет, Витя! — Золотарёв снял куртку и повесил в шкаф, он на работу ходил в штатском. Служебную форму надевал крайне редко. Зато Кузнецов любил пошеголять в форме, чтобы девочек очаровывать — молодой ещё.

— Здравствуйте, шеф, — живо откликнулся лейтенант, вообще-то, уже весна. Сегодня второе марта.

— Точно. В Москве снег идёт. Я уже и счёт времени потерял. Ну что будем делать, Витя? До восьмого марта не раскроем убийство певицы, нам голову снесут, вернее мне.

И ещё начальство из Москвы отправить своих спецов грозилось. А Филатов их не переносит органически.

— Найдём, шеф. Но как? И ещё, почему вы меня послали в дом к певице? Никак не пойму. Объясните.

— Всё объясню, лейтенант. Давай-ка, приведи мне Грачёва. Уж очень долго у нас сидит невиновный. Давай, жду. Будем с ним говорить вместе с тобой, ясно? Чайник горячий?

— Ясно. Я пошёл. Одна нога тут, другая там. Чайник горячий. И ещё мне мама мои любимые пироженки испекла и на вашу долю тоже, — и Кузнецов помчался, чуть не спотыкаясь. Майор даже не успел больше ничего сказать ему.

Пирожные, в самом деле, оказались вкусные, знатные, почти как у его мамы. Майор заварил чай, кофе он пил только у Лиды, он предпочитал хороший чай, как и все южане. И стал писать на листочке вопросы, которые хотел обсудить с Геннадием Грачёвым. Он обдумывал каждую мелочь, ничего не упуская. На то он и полиция, чтобы правильно толковать улики и факты. Разговор предстоял долгий и трудный.

Грачёв пришёл спокойный, даже какой-то умиротворённый, поблагодарил, Кузнецов передал ему посылочку из дома. Валентина уговорила лейтенанта передать мужу некоторые личные вещи и немного еды.

— Это вы должны благодарить лейтенанта Кузнецова, я не в курсе, отсутствовал пару дней. А теперь нам надо обстоятельно потолковать. Присаживайтесь. И ты, Витя.

После того как они всё обговорили, лейтенант пошёл в матчасть за электронным браслетом. Пришёл специалист, надел браслет на ногу Геннадию быстро, чётко и так же быстро удалился.

— Витя, отвезёшь Грачёва на моей машине домой. Дождь как из ведра льёт — лавиной. На ключи, — и майор бросил ключи лейтенанту, Кузнецов ловко их поймал, — завезёшь

домой, домочадцам объявишь, что он будет находиться под домашним арестом, пока не найдут убийцу, и что на нём электронный браслет. Собственно, вот и всё. А с вами, Геннадий, надеюсь, что мы обо всём договорились и всё обговорили.

— Да, майор, всё нормально. На подкорке всё отложилось, как говорится.

Думы о жене, об её состоянии, о предстоящей встрече с домочадцами, о том, как его встретят и, как будут вести с ним себя после убийства Лили, так захватили Геннадия, что он и не заметил, как они подъехали к дому. Выйдя из машины, он заметил, как резко закончился ливень, появилось солнышко и пахло свежестью и мокрой после дождя землёй, и густым ароматом цветов, которые уже пробились и потянулись к согревающему их солнышку. Калитка распахнулась, и навстречу выбежал Пехлеви, который увидел мужчин. Пехлеви с Геннадием обнимались, били друг друга по спине и обменивались рукопожатием. Пехлеви, аж прослезился, увидев своего друга. Он вообще по своей натуре добрый сентиментальный человек. Поздоровавшись с лейтенантом, все трое прошли в дом. Лейтенант попросил всех домашних собраться в гостиной. Бабушка с Асей спокойно отреагировали и подошли, обе сдержанно поздоровались с Геной. Усадив бабушку в кресло, Ася поднялась на второй этаж за Валентиной. Татьяна подошла попозже, дав задания мальчикам, а, главное, попросив Мадиночку, присмотреть за двойняшками. Увидев Гену, она пыталась не показать своего отношения, но ей это с трудом удавалось. Как это отпустили убийцу? — это единственное, что выражало её лицо. Когда зашла Валентина, все замерли, не зная, что предпринять. Геннадий был растерян и стоял как вкопанный, как будто он превратился в соляной столп. Только его глаза с любовью и нежностью вглядывались в любимую женщину. Валентина бросилась к нему.

— Я знала, что тебя отпустят! Я знала, что ты не виноват! Разве ты мог бы убить мою Лилию? — слёзы текли по её осунувшемуся лицу, и голос дрожал от избытка чувств.

— Пожалуйста, все сядьте и уделите мне 5 минут. Я на службе, — скомандовал лейтенант, — и вы, мужчины. Так вот, Грачёва не отпустили, он у нас пока единственный подготавливаемый. Но ему изменили меру пресечения, и он будет находиться под домашним арестом, пока мы не соберём прямых доказательств его вины. Пока на Грачёва надели электронный браслет. И потому он не имеет права выходить за пределы домовладения, если это будет так, то к нам поступят сигналы или вы сообщите мне по этим номерам телефона, — и Кузнецов положил несколько визиток на стол, — я буду приходить раз в три дня и навещать Грачёва. Вот и всё, что я хотел вам сказать. До свидания.

Бабушка попросила Асю проводить её в свою комнату, Татьяна ушла к детям, а Валя с Геней ушли к себе.

Ни слова не говоря, Валентина выдала мужу чистое бельё и отправила в ванную комнату.

— Иди искупайся, переоденься, поешь, а потом поговорим обо всём.

Без заботы нет любви, любовь и проявляется в таких мелочах. Спустившись на кухню, Валентина взяла бутерброды и большую чашку чая для мужа и отнесла в свою комнату. Потом попросила Татьяну и Асю приготовить семейный ужин, чтобы помянуть Лилию вместе с Ганнадием, попросила всех присутствовать, включая семейную пару помощников. На том и договорились, что в семь вечера все посидим. А то в последние дни после смерти Лили, каждый ел, где хочет и как хочет.

Вечером все собрались на кухне. Гена сидел между Валентиной и Пехлеви. Бабушка, как всегда, во главе стола. Ася суежилась, накрывала стол. Татьяна припозднилась. Наконец, все уселись и Гена встал.

— Вы можете говорить и думать, что угодно. Мы порой совершаем неблагоприятные вещи, и уже невозможно изменить собственные и вернуть сказанные слова. Но поверьте мне, я не имею никакого отношения к смерти Лили. Я даже подумать о таком не мог, а не то что совершить.

— А тогда кто? — встряла Татьяна.

Геннадий её остановил жестом.

— Я хочу поблагодарить вас, Галина Фёдоровна, за то, что вы поверили мне. Майор Золотарёв передал мне ваши слова, — руки у Гены чуть дрожали от волнения, и рюмка в его руке вибрировала, — и тебе, мой друг, за заботу и поддержку, век буду помнить, — Геннадий повернулся к Пехлеви, — и тебе, жена моя, несмотря на такое горе, которое постигло тебя. Это несправедливо, когда родители хоронят своих детей, это против законов природы. Но и тебя, Валя, постигала та же участь, как и Галину Фёдоровну, как и твою бабушку.

— Нельзя плохо думать о собственном муже, — у Валентины были сухие воспалённые глаза. Только по морщинистому лицу бабушки текли прозрачные мелкие слёзы. И Ася потихонечку всхлипывала.

— Я не мастак говорить, вы знаете все. Но на твой вопрос я тоже отвечу, Татьяна, чуточку попозже. А сейчас я хочу выпить за Лилю. Она — мать троих детей, это самое главное. Она — хорошая дочь и хорошая внучка. Была. Трудно говорить. Если есть жизнь на том свете, то там она под защитой отца и деда. Пусть им всем там легко живётся.

Все ели молча. Тут Гена опять заговорил

— А теперь, Татьяна, отвечаю на твой вопрос. Против меня не было никаких улик, потому что я спал как убитый. Меня взяли только потому, что накануне вечером я повздорил с Лилей. А улики были, но не против меня, во дворе трава была примята прямо напротив окон в большую комна-

ту в цокольном этаже, где бильярд стоит и теннисный стол. И окно было открыто. А в бильярд кто играет у нас, я и Пехлеви. А в теннис вообще никто, вот мальчишки подрастут, будут играть. И ещё трава была примята под окнами. И кроме наших отпечатков, нашли и другие, но никого из домашних. Посторонние. Следствие склоняется к тому, что кто-то за Лилей следил, хотел ограбить. На ней всегда были дорогие цапки. Вот и решили ограбить. Это мне лейтенант сказал по чистоте душевной. Но я всё равно под следствием, подозреваемый. Пока настоящего убийцу не найдут, с меня вины не снимут. Вот такие дела. Горе у нас, Валюша.

После этих слов Гены все страхи и сомнения Валентины казались надуманными и смешными — она ещё раз убедилась, что не Гена поднял руку на её дочь. Видно, на роду написано у Лилечки так ужасно умереть, Валя еле сдержалась, чтобы не завывать во весь голос.

Бабушка молча слушала Гену, не произнеся ни слова, и вдруг неожиданно отчеканила, глядя прямо перед собой:

— А теперь слушайте меня. Валя, вам с Геной нужно зарегистрировать свой брак.

Все уставились на бабушку: «Бабка явно не в себе», — подумал каждый, но вслух никто ничего не высказал, кроме Валентины.

— Мама, о чём вы говорите? О какой женитьбе? И вообще, какие планы на будущее можно строить после смерти самого близкого человека? — Валя свекровь всегда называла мама, как замуж вышла за Фёдора, он попросил, и она не противилась — мамы-то у неё не было.

— А я тебе не о свадьбе говорю. Я вчера звонила своей старой подруге, бывшей заведующей гороно, она тоже такая же, как старуха, жива ещё, консультировалась насчёт двойняшек. После смерти матери их может забрать Илья, отец как-никак, но он находится под следствием. Ему не дадут.

Эмма Львовна — хороший человек, но она уже старый человек, Илюша — поздний ребёнок, да и она больная, ей тем более никто не даст. Остаёшься ты, Валентина. Ты — бабушка, но одинокая. Если ты будешь в официальном браке, то мы можем отсудить детей. Я уже говорила с Машей тоже, она поможет в этом деле, она — родная сестра, в случае чего, она возьмёт над ними опеку. Но мы детей никому не отдадим. Гена работает, ты тоже устроишься на работу, садик для детей сделаем. Оформлением всей недвижимости Лили в Москве на детей займётся Маша. Ей ничего не надо. Просто видеть Шашкова она не хочет. Как невзлюбила его и всё. Но ради мальчиков пойдёт на переговоры с ним. По моему, ему мальчики не очень-то и нужны, — Галина Фёдоровна очень трудный и замкнутый человек, которая никогда не любила Гену и настороженно относилась к нему, да и к остальным людям вдруг высказала такую мысль, — своих детей мы никому не отдадим.

— Мама, я их и так не собиралась отдавать Шашковым. Илюша на домашнем аресте, но и Гена тоже! А что детей могут у нас забрать? — Валя окаменала от ужаса. Она даже в страшном сне не могла об этом подумать.

— Не сравнивай Илюшу и Гену. Илья своровал очень много народных денег, бюджетных, как сейчас говорят, и его обязательно посадят, его давно мечтают убрать. Думаю, то, что он отписал на Лилю, тоже могут забрать, — Маша мне всё разъяснила. А Геннадий только подозревается в том, чего он не совершал. Если бы они были уверенны, то не отпустили бы его. Кто же убийц отпускает на свободу? Поговори с Сашей Золотарёвым, он подскажет как вам в ЗАГС сходить. Гене-то нельзя выходить. А ты чего так уставилась, Татьяна, захочешь, останешься здесь с детьми, — бабушка поднялась, — Асенька, проводи меня, милая.

— Я сам поговорю с майором завтра, вы правы, Галина Фёдоровна.

— Поговори, Гена, как мужчина с женщиной. У тебя это получится, — бабка удалилась гордо, как британская королева — её сверстница.

— Валя, ты не переживай, — Татьяна негромко сказала, — я до Лилиных сороковин никуда не уеду. Валентина кивнула головой. Забежали дети один за другим. Татьяна усадила всех троих есть. Пехлеви ушёл проверять свои владения, закрывал ворота, калитку, проверял записи с домофона. Гена вышел с ним покурить. Валентина стала убирать со стола, Асият к ней присоединилась. Зашла проведать ещё раз Галину Фёдоровну, дала ей необходимые микстуры и, пожелав всем спокойной ночи, забрала Мадину и пошла к себе. Мальчики всё кричали вслед Мадиночке:

— Пока-пока, до завтра! Мадина ушла с мамой, — говорили малыши, — а где наша мама? Няня, где мама? Бабуля, где мама?

Валентина молчала. Только Татьяна успокаивала мальчиков:

— Мама уехала песни петь, деньги зарабатывать. Скоро приедет.

— Ура! Ура! — кричали малыши, хлопая в ладоши, — мама едет.

Глава 15

Внутри у каждого человека есть весы. На одну чашу кладутся хорошие поступки, на другую — плохие. Перевесит первое — человек получит награду от жизни, второе — наказание.

— Если вспоминать все подробности смерти моей внучки, становится невозможно дышать, смотреть, говорить — ничего невозможно. Горе наваливается тяжёлой, плотной массой на меня и накрывает целиком, прижимая к земле, парализуя волю. Кому надо было убивать мою внучку? Кому? Мотив для убийства можно найти у любого человека. Мотив может быть самым пустяковым. Как бы я истошно не выла, мотая туда-сюда своей разлохмаченной седой головой, как бы не обращалась к Богу, сколько бы мне успокоительных уколов не сделала Ася, а я всё отпихивала её руки и кричала по-прежнему, бедная Ася боялась, что я умом тронусь. А я не тронулась, я при ясном уме и прекрасно понимаю, что мою Лили уже никто не вернет ко мне, — Галина Фёдоровна никак не могла заснуть в ночь возвращения Геннадия из СИЗО, — что это не Генка — Валин хахаль, я сразу поняла. Но кто? Может Шашков кого отправил? Но зачем ему это нужно? Лилечка была вполне адекватной заботливой матерью и женой. Это недоброжелатели и завистники сплетни распускали. Не думаю, что Шашков. А Сосновский, тем более. Говорят, что его самого подстрелили, но Маша говорит, что убийство матери и ранение отца не связаны между собой, — это по старым делам ему мстили, когда он ещё не был женат на Лилечке. Так кто? Кто? Неужели из-за драгоценностей в дом влезли. Какая ужасная смерть у моей Лили! Петя, ты видишь это? Не смогла я уберечь нашу кровиноч-

ку. Феденька, ты же ангел-хранитель своей дочери, ты отвлёкся что ли, и не смог её защитить? Помогите нам теперь двойняшек не потерять. Заберёт Шашков, и осиротеет мы вконец, — с этими мыслями старушка и уснула, снотворное, наконец, привело свой фармакологический механизм в действие.

Геннадий и Валентина прекрасно понимали, что Галина Фёдоровна права. Решили поговорить с майором после того, как пройдёт девять дней после смерти Лили, рассказать ему обо всех своих проблемах и попросить помощи. Гена и Пехлеви возились в своей мастерской. Ася выходила в сад-огород и уже начала подготавливать почву под посадку зелени и овощей, даже Татьяна, выходя с детьми на прогулку во двор, обрабатывала свою любимую клумбу с хризантемами, папоротником, даже сакурой и магнолией. Это был маленький японский садик с красивыми камнями и даже небольшим прудиком с водорослями. Такую красоту Гена с Пехлеви сами создали, выложили из оставшихся камней после строительства, а для украшения натаскали с побережья. Получилось очень красиво, и Татьяна там часто возилась, одним глазом приглядывая за мальчиками.

На третий день пришёл лейтенант. Проверил Геннадия. Гена рассказал ему о своей просьбе относительно регистрации. Лейтенант обещал всё рассказать майору и обещал содействие. Расследование зависло. Валентина всё интересовалась, но лейтенант только разводил руками.

— Найдём, Валентина Сергеевна, обязательно найдём. Майор Золотарёв просто так не сдаётся. Тем более, дело находится на контроле в Следственном комитете России.

Поминальный стол после посещения кладбища и храма накрыли у себя дома. Женщины заранее всё приготовили. Из посторонних были только Марина Подольская и

пригласили майора Золотарёва, он всё-таки одноклассник Лилин. Он пришёл, недолго посидел и ушёл, предварительно поговорив с Геной. В тот день все рано легли спать. Татьяна уложила малышей и пошла в ванную комнату. Как-то так случилось, что она забыла телефон на кухне. Гена спустился по другой причине и увидел телефон, взял его и тихонько спустился в цокольный этаж. Набрал аудиозвонок по ватсапу.

— Мамочка, привет! — А я собиралась тебе сама звонить. Вернее, мы с Илюшей. Вот он рядом, тебе привет передаёт. Включи видео. Илюша говорит, чтобы ты брала мальчиков и прилетала сюда, к нам. Скоро у тебя ещё внучка родится. Будем вместе жить. Мы ждём тебя.

Настя радостно счастливым голосом рассказывала ещё что-то. Гена выключил телефон и быстро поднялся на кухню и положил телефон на место. Татьяна всё ещё плескалась в ванной, что-то напевая.

Утром Гена пошёл в мастерскую и уже оттуда позвонил майору. Потом пришёл лейтенант, они общались в будочке Пехлеви втрём.

— Илья Матвеевич, здравствуйте, — это майор Золотарёв из Морегорска, — я как-то с вами говорил, я веду дело об убийстве вашей жены. Но после того разговора поговорить больше с вами не удалось, а тогда вы были слишком подавлены. Не можете ли вы припомнить, кто так желал смерти вашей супруге?

— Отчего же, я вас помню, — Шашков говорил спокойно, с нескрытым чувством собственной значимости, — как продвигается следствие по делу об убийстве моей жены? — и термины он выбирал юридические, видно было, что он дока в этом деле, — я не знаю людей, которые могли бы пожелать смерти моей жене, а тем более, убить. Я очень удивлён этим обстоятельством.

— Я вас понимаю, но, однако, её убили. И мы, признаюсь вам откровенно, не можем вычислить убийцу. А кто, как не муж, может знать самое сокровенное о своей жене, — майору так и хотелось нагрубить этому снобу, но он сдерживал себя, — говорят, что в городах, где много солнца, люди грешат враньём, а в холодных сибирских городах так же?

— Врут везде, майор, независимо север это или юг. А у Лили не было никаких страшных тайн, я уверен. И потом, я последний год нахожусь под домашним арестом и живу в своём доме в своей сибирской губернии. Я уверен, что вы в курсе, тем более, что вы допрашивали мою мать, когда она прилетала на похороны Лили. К сожалению, я не мог этого сделать из-за меры пресечения, которую мне временно выбрали, — Шашков пытался сохранить чувство собственного достоинства.

Золотарёв сначала намекал Шашкову, что может из ревности кто-то убил Лилию, кто-то из его многочисленных любовниц. Шашков возмутился, ещё раз напомнив майору, что он находится под домашним арестом и живёт со своей матерью, и вряд ли корректно приводить домой любовниц, при этом, что у него есть законная жена.

— Илья Матвеевич, не обязательно приводить женщин со стороны. У вас дома живёт очаровательная девушка, просто красавица, я очень сомневаюсь, что вы прошли мимо этой красотки. Учитывая то, что о вас говорят, как об известном ловеласе, Анастасию вы вряд бы упустили.

— Это мой дом, моя жизнь, и нечего совать сюда свои любопытные носы, — презрительно отозвался Шашков, — и причём тут Настя, — хмыкнул он, — Настя была здесь, когда убили Лилию. Настя ухаживает за моей мамой. И потом, никто никому не принадлежит и никто никого не удерживает. Майор, мне говорили, что вы очень компетентны

в своём деле, но я начинаю сомневаться в этом. Вы зачем мне звонили? Что вы хотели у меня узнать? Ищите убийцу.

— Но есть такие деликатные обстоятельства, как беременность Насти. Она ведь беременна от вас? Может быть, она наняла киллера, чтобы устранить Лилю со своего пути и выйти замуж за вас? — жёстко ответил ему Золотарёв.

— О, я вижу, вы всё знаете. Кто интересно вам сказал об её беременности? Татьяна или сама Настя, когда вы её допрашивали? Не думаю, что вы сами как-то это вынюхали, — Шашкову в уме нельзя было отказать, — так вот, Настя очень добрый и милосердный человек, она бы никогда не сделала того, что вы ей приписываете, и вы давно сделали биллинг её звонков. Это исключено. А с Лилей мы на грани развода. Семейная жизнь у меня всегда вызывала стойкую неприязнь. Я женился на Лиле только потому, что она забеременела. Я не хотел, чтобы мои мальчики родились вне брака. И свадьбу сыграли, когда Лиля была на седьмом месяце. Я Лилю не любил никогда, с ней не о чем даже было поговорить. Ни поддержки, ни толкового совета. Она была хороша, только и всего, стала петь, потому что первый муж помог. С ней у меня никогда не было нормальной семьи. А Настя!!! Настя была невинна и свежа, как бутон розы на рассвете. Она вся светится. Настя добавила немного волшебства в мою жизнь. Красивая женщина — это больше, чем внешность. Это и тепло, и ум изнутри, это — свечение. Настя стоит всех денег мира, и это не она покушалась на Лилину жизнь. Нет, майор, это не Настя. Это, вообще, кто-то, не связанный со мной. Найдите убийцу, пожалуйста, Лиля-мать моих детей, — уже тихим уставшим голосом сказал Шашков. Было слышно, как тяжело ему дался этот монолог.

Золотарёв как мужчина понимал Шашкова. Быть с Настей, — это всё равно, что обнять радугу, как стоять под водопадом из солнечных бликов, как держать в руках жар-

птицу. Такую девушку нормальный мужчина не упустит. И, по словам Шашкова, он испытывает большое и сильное чувство к Насте, как и она к нему. А это высшее счастье — близость с человеком, к которому прирос кожей и сердцем. Странно, что в этом мире сильнее всего притягиваются друг к другу именно противоположенности. Похоже, что Настя взяла в плен сердца обоих Шашковых: и мамы, и сына. У Лили Гладковой это не получилось, но это же не преступление, за это не убивают.

Любая информация, даже мало-мальская, имеет ценность, и делиться ею необдуманно — поступок, как минимум, опрометчивый. Золотарёв разложил всё в своей голове по полочкам, логическая цепочка у него выстроилась. Сделал кому-то звонок.

— Начинайте сегодня, как и договорились. Чтобы засветло всё успеть провернуть.

Глава 16

Валентина и Геннадий сидели на кухне. Ася замерила давление у бабушки, дала ей таблетки, посоветовала отдохнуть и вышла из комнаты Галины Фёдоровны. Татьяна одевала малышей.

— Таня, ты гулять с детьми?

— Во дворе пусть погуляют немного. Покатаю их на качелях. А то дома вчера сидели почти целый день. Не сидится им, мальчики — побегать хотят.

— Знаешь, я домой зайду тоже, своим обед приготовлю, Мадиночку тоже одену и выпущу во двор. Погода хорошая, пусть с мальчиками погуляет, — Асин голос действовал на любого человека успокаивающе, как мёд растекалось каждое её словечко. Такой дар достался ей от Бога, обволакивающий хрустальный голос. А как она поёт — ангелы плачут, когда она поёт. Поёт она редко, только для дочурки своей и иногда для Галины Фёдоровны, когда та очень просит.

— Очень хорошо, Мадиночка за ними присматривает лучше меня, а я тем временем, японскую клумбу немного прополю. Гиацинты разных цветов уже появились, а нарциссы и тюльпаны уже завязались в бутончики. Сколько трудов в эту японскую клумбу вложено, нельзя запускать цветы, — Татьяна любила всё красивое, как и любая женщина, — я розы не очень люблю, а вот садовые ромашки очень.

— А я заказала рассаду садовых ромашек, — Ася своим звенящим голосом горного ручейка сообщила няне, — после восьмого марта привезут и овощную рассаду, и цветочную, работы у нас с мужем будет много. Мы, люди привычные, у нас в Южном Дагестане все на земле трудятся. Нам

ещё обещали сажены дагестанских персиков привезти. Вкусные у нас там персики, — мёд, да и только.

Дети с гиканьем выскочили во двор. Ася пошла за дочкой, Татьяна пошла в хозяйственные помещения за тяпкой и рукавицами.

— Пойду, покурю, — Гена поцеловал жену в голову, вышел и пошёл к Пехлеви в охранное помещение. В Валентине впервые после смерти дочери пробудилась робкая попытка нежных чувств, она знала, что скрасила нелёгкую жизнь своего гражданского мужа.

Когда Гена подошёл к Татьяне, она полола клумбочки вокруг гиацинтов.

— Чего делаешь, Таня? — Геннадий перекатил сигарету из одного уголка губ в другой.

— Цветы полю. Вот срезаю гиацинты, хочу Валентине дать, чтобы поставила у себя в спальне. Смотри, какие красивые, — няня разогнулась и показала три соцветия гиацинтов: белый, розовый и фиолетовый. Они были хороши и источали головокружительный запах, — вот думаю, три цветка хватит или ещё парочку срезать, в правой руке у неё был маленький секатор.

— А, а я подумал, что ты цацки закапываешь или выкапываешь? — процедил сквозь зубы Гена.

— Какие ещё цацки, Гена? — хищно усмехнулась Таня, — или ты лишку выпил у Пахлавы?

— Пехлеви у себя в будке сидит, и он не пьёт, ты прекрасно это знаешь, — продолжал Гена, как ни в чём не бывало ледяным тоном медленно говорить, — а цацки Лилины, которые ты стырила.

От возмущения Татьяна раздулась, словно жаба, перешагнула через камни и вышла из клумбы, всё так же держа в одной руке цветы, а в другой секатор. Подошла к Гене, встала напротив него, справилась с собой, смогла победить

своё волнение и от этого возликовала и изумлённо притворным голосом, перейдя на «вы», спросила у Гены:

— Геннадий, вы хотите свою вину свалить на кого-то другого, и вам под руки попалась я?

— Мою вину? А с чего ты взяла, что я виноват? Что я убил Лилю? И я сам себе в куртку положил поясок, которым её задушили? Очень часто то, что кажется очевидным — оказывается пустышкой, ты этого не знала. Так что скажешь, Татьяна?

— Гена, всё, что надо, я уже сказала следователю, — возмутилась, наконец, Татьяна.

— Всё, да не всё, Татьяна, — твёрдо сказал Гена, — ты не сказала, что в час ночи ты заходила к Лиле в комнату и последняя, кто её видел живой, была ты. И ты хотела избавиться от соперницы. А меня хотела подставить, ты меня давно возненавидела лютой ненавистью.

— Гена ты совсем с ума сошёл? Какую соперницу, — Татьяна, когда нервничала, начинала громко и пронзительно разговаривать, — какая я Лиле соперница, совсем с ума сошёл что ли? Где я, и где Илья Матвеевич? Я Лилю видела последней — это правда, я была на кухне, когда она спустилась, заглянула на кухню, а потом пошла в большую столовую за вином. Это так. Отчёт давай своим словам.

Гена держал руки в карманах ветровки, выплюнул сигарету и, не отходя ни шагу, не давал Татьяне отойти, не менять своей позиции.

— Ты куда это направляешься? Стой и слушай. Я знаю, что твоя дочь спит с Шашковым, и она даже беременна, шило в мешке не утаишь. Знаю, что ты заходила к Лиле в комнату, знаю, что ты положила поясок чуть мокрый ко мне в карман. Ты его постирала что ли, дура? Знаю, что ты взяла её цапки и перепрятала, вроде бы Лилю ограбили. Но ты не дотункалась, что настоящий грабитель вскрыл бы её

сейф. Там куча денег и драгоценностей. А грабителю ничего не стоило вскрыть сейф, замок наилегчайший для любого спеца.

— Ты — настоящий идиот! Если бы я последняя заходила в комнату к певичке, то милиция уже бы знала и сказала мне, — нянин голос зазвенел возмущённо, — главный подозреваемый ты, и на меня не сваливай свою вину.

— А милиция не нашла камеру, которую я поставил в тайне от всех. Только я знаю о ней и Лиля, она так вмонтирована в большую дверь, которая ведёт в Лилину половину, что никто не увидит. Ты же знаешь, я мастер на все руки. Даже Валя не знает.

— А чего это ты милиции не сказал? — няня мило улыбнулась, — или меня проверяешь? Тебя ведь посадили, могли и срок дать, — Татьяна старалась сохранить чувство собственного достоинства, но мигом вспотевшее лицо и побагровевшие щёки, выдавали её состояние.

— Я же не просматривал камеру, меня с работы взяли. Боялся, вдруг Валя заходила или я сам по пьяни, — Гена обречённо взмахнул рукой, — а как меня отпустили, тогда и посмотрел, у меня видео не исчезает целый месяц, я хорошую систему установил. Эти дни я за тобой наблюдал, ждал, может, сама проколешься, случайные оговорки допустишь, наблюдал за твоей мимикой, иногда это рассказывает о человеке больше, чем слова. Подслушал твои разговоры с дочкой. Я ведь сиделец, знаю, как с людьми говорить и следить. Из тюрем почти все выходят психологами, хорошие университеты мы там проходим. А, Таня, что скажешь?

— А что ты хочешь услышать? — няня сменила гнев на милость.

— За что ты убила Лилю? Мне она тоже поперёк горла была, но я её не убивал, а ты убила. За что? — Гена сделал

безразличный вид и, не вынимая рук из карманов, всё спрашивал, — за что? Мне интересно! Из-за дочери — дорогу ей освобождала, или из-за этих цацек, но ты могла их в Москве украсть, Лилька тебе доверяла? За что? Она же мать, у неё двое малышей, — Гена знал своё дело и давил на Татьяну, и она взорвалась, как кипятком ошпаренная. Великолепные гиацинты выпали из её рук, она хотела ими ударить Гену по лицу, и не удержала цветы. Внутренний голос Татьяны пытался найти достойные аргументы на слова Геннадия. Наконец Татьяна обрела возможность изъясняться связно, взяв себя в руки.

— Вроде бы о покойнице говорить дурно нельзя, но эта пустоголовая певичка любит много разговаривать — это делают те, у кого нет совсем мозгов. Ничего бы этого не случилось, если бы она не грозила мне, и не строила из себя светскую даму такого высокого полёта, которая возле себя всякий сброд не потерпит. В ту ночь она спустилась, взяла бутылку вина и бокал и поднялась к себе. Вдруг минут через тридцать, может быть, меньше, она позвала меня, крикнув с лестницы, она услышала шум в кухне, и поняла, что я ещё там. Она уже выпила полбутылки вина, была в пижамке, даже халат не потрудилась надеть, и с бокалом вина в руках. И начала с оскорблений меня и моей дочери — без предисловий. Я спросила у неё, в чём дело, почему она так себя ведёт. Она допила вино, снова налила. Еле ворочала языком, но я поняла, что она по ватсапу звонила своему мужу и случайно увидела Настюшу, та или не успела спрятаться, или телефон Илья не так повернул. Сказала, что Настя шалава малолетняя, воспользовалась, что Шашков под домашним арестом, и поехала его соблазнять. Меня вообще назвала уродливой старой шлюхой, которая родила от гастарбайтера. Я терпела все её выходки. Я хотела уйти, но она удержала меня за руки. Я ей доходчиво объяснила, что Настя

никого не соблазняла, а ещё три года назад, когда Илья увидел Настю, он влюбился сразу и бесповоротно, а как в мою Настюшу не влюбиться, она эталон благородства, ума и неотразимой прелести. Илья всегда говорит, что Бог этого ангела на эту Землю спустил для него. Он долго и настойчиво добивался её, делал ей дорогие подарки, неоднократно делал предложения, говорил, что разведётся с Лилей, что не любит её, но Настя отказывала ему. Хотя Илья вёл себя корректно, он видел, что перед ним порядочная, воспитанная девочка. Я даже говорила с ним, но он убедил меня в своих чувствах к моей дочери, но она не была с ним близка. А когда его посадили под домашний арест, она поехала к нему, влюбилась девочка, и у них всё закрутилось, и она беременная. Всё это я сказала этой глупой курице Лиле. И сказала ей, что она никчёмная жена и мать, и что скоро Шашков с ней разведётся, как только закончатся его судебные дела и заберёт у неё детей, и я буду их растить вместе со своим будущим внуком. Лилия размахнулась и врезала мне пощёчину такую, что у меня лицо горело, я невольно схватилась за щеку, тогда она плеснула мне в лицо вино из бокала и стала визжать и оскорблять меня, покрывать таким трёхэтажным матом, который даже грузчики в порту не знают. Я пыталась её утихомирить, честное слово, но она лезла ко мне драться. Вот же чудо чудное, диво дивное эта Лилька — дурёха. Ни капли ума. Она не знала главное правило жизни — вовремя остановиться. Тогда я вырвала из её рук бокал, чтобы он не разбился, положила на столик, лишь на миг я повернулась к ней спиной, она схватила меня сзади и пыталась душить — она же выше меня, я увернулась, взяла бутылку с вином и ударила по её тупой башке. Она и упала на ковёр, красное пятно растеклось, бутылка разбилась об её голову, а в руке у меня осталось горлышко с частью бутылки. Я сначала очень испугалась и хотела пойти разбудить Асю и Пахлаву. Потом

потрогала пульс и поняла, что эта тупая бездарная певичка ещё жива. Я взяла себя в руки, а это я могу, через что только я не прошла, сняла поясок с халатика и задушила эту тварь окончательно. Таких слов, которые она мне говорила, прощать нельзя и передать невозможно. Она — дрянь невозможная и заслуживала смерти, она всем мешала — эта пьянь, и мне, и моей дочери, и Шашкову. Я стёрла свои следы с горлышка бутылки и с бокала, аккуратно вытерла всё халатом певички, взяла пояс, прикрыла дверь и вышла. Потом я постирала поясок и положила в карман твоей куртки, и пошла спать. Нет. Предварительно я заварила себе мятный чай, налила туда очень много коньяка и пошла спать. Что мне за это будет? Ничего! Никого мне не жаль, разве что Валентину. А я знала, что ты меня вычислишь. Тебя не так легко обвести вокруг пальца. Но ты ничего не докажешь, ничегошеньки, — няня испытала что-то вроде злорадства.

Геннадий ненадолго завис после её слов, а потом вздохнул с облегчением:

— Почему это не докажу? Нас записывают.

Няня слегка напряглась, стала озираться по сторонам и потом расхохаталась:

— Что-то я тут операторов не вижу?

Гена сжимал кулаки в кармане и еле себя сдерживал, чтобы её не треснуть по её голове.

— Почему ты её задушила, можно было оставить как есть? А почему именно мне ты положила поясок в мой карман?

— Ты меня путать будешь или слушать? — съехидничала Татьяна, — я же тебе уже говорила, что она не сдохла, и я решила добить эту тварь. Если бы она пришла в себя, она бы привела свои угрозы в действие, — няня была уверена в своей безнаказанности, — за себя я не переживаю, но за Настю — очень. Моя дочь — невинный ребёнок, а эта про-

шмандовка не дала бы ей родить и Илью начала бы гнобить, а Настюша свою жизнь без него не представляет. Я решила, что её нельзя оставлять в живых. Видит Бог, я этого не хотела, но певичка сама напросилась — дрянь. А кому пояс положить, как не тебе? Накануне ты поругался с ней и старой фашисткой, в этом ты прав, был пьян, ты и есть самый первый и единственный подозреваемый, — няня съехидничала и расхохаталась так мерзко, что Гена вздрогнул и шагнул к ней. Татьяна перепугалась Гениных гневных сверкающих глаз и вместо того, чтобы шагнуть назад, решила напасть первой сама: лучшая мера защиты — нападение. Она закрыла одной свободной рукой лицо, а второй, в которой был секатор, размахивала и задела Гену, открытое лезвие секатора рассекло его лицо от виска до губ, моментально пошла кровь. Гена не удержался и толкнул Таню, она упала на спину и ударилась головой о декоративный камень, который украшал японский садик. Пахлава выскочил из своего укрытия и стал кричать:

— Гена, что ты наделал? Сказали же, держи себя в руках.

— Она жива? — Гена и Пахлава наклонились над Татьяной, — кажется, жива, — вздохнул Гена, — я перепугался, ты всё записал?

— Да, всё-всё, — Пахлава стал кричать, — Асият, Асият, — потом увидел Мадиночку, — быстро, дочка, позови маму. Мадина рванула за ней, мальчики закричали:

— Тётя Ася, дядя Пахлава зовёт.

На крик малышей из дома выскочила Валентина в одном халате и с кухонным полотенцем в руке, она вскрикнула, увидев кровь на Гене, приложила к его лицу полотенце, потом увидела лежащую на земле няню.

— Господи, Татьяна, что с тобой? — хотела было её поднять, — помогите мне, мужчины. Что это с вами? — Валентина пару раз ударила Таню по щекам, та чуть приоткрыла

глаза. — Слава Богу, живая! — у Вали потекли слёзы по щекам, — что случилось, Гена, — Валя обратилась к мужу.

— Не трогать её, — уже командовала Ася, может быть, у неё перелом. Скорую надо вызвать. Гена, что с тобой? Немедленно убери грязное полотенце. Мадина, бегом домой и принеси мой чемоданчик с медикаментами. Валя, ты за водой и льдом. И оденься, Валентина, ещё не хватало, чтобы ты простудилась. Скорую вызвал, — обратилась Ася к мужу, тем временем обработала Гене щеку, наложила повязку, сделала Татьяне обезболивающий укол, — что случилось у вас тут?

Тут и Валя со льдом подроспела, не знала кому, что положить. Ася дала ей указания.

— Скорую вызвал, — доложил Пехлеви, — Таня упала, а Гена, когда её хотел поднять, о секатор ударился.

— Я всех вызвал, — Пахлава внимательно посмотрел на друга, — сейчас и лейтенант, и майор приедут, и скорая тоже.

Лейтенант приехал самым первым, стал говорить с Геной, потом с Пахлавой. Скорая тоже приехала, но только после настойчивых звонков лейтенанта — скорая помощь захлебывалась от звонков, пандемия, больных и паникёров в городе было великое множество. Пока няню грузили в карету скорой помощи, фельдшер обработал ещё раз рану у Гены, заклеил медицинским клеем и сделал противостолбнячный укол на всякий случай, объяснил Асе, как в дальнейшем обрабатывать рану, и если сегодня ночью не будет температуры, то завтра прийти в хирургическое отделение ближайшей поликлиники, а если поднимется температура, то вызывать скорую помощь. Валя внимательно слушала и переспрашивала, Ася гладила её по руке, успокаивая, и попросила врача вколоть ей успокоительное, так как у Вали непроизвольно текли слёзы. Бабушка вышла и стояла с детьми. Мальчики плакали, увидев, как няню грузят в машину, а бабушке де-

лают укол. Скорая никак не уезжала, видимо, ждали пока приедет майор. Майор не заставил себя ждать, расспросил о состоянии няни у врача, что-то сказал лейтенанту и отправил двух сотрудников вместе с каретой скорой помощи. Ася только успела спросить, в какую больницу её везут. Майор успокоил всех, сказав, что врач обещал через три дня поднять няню на ноги, ничего страшного. Единственное, что интересовало Александра Сергеевича, где телефон Татьяны Ивановны.

— У меня, товарищ майор, — и лейтенант протянул Золотарёву, — у неё в кармане куртки был, я забрал.

— Молодец, Витя, можешь, если хочешь, я в управление, и вы все трое за мной, на своей машине, — скомандовал майор, попрощался и ушёл.

Лейтенант, Гена и Пехлеви пошли к воротам. Валентина и Ася кинулись за ними.

— Вы что, снова Гену арестовываете? — тихо, еле-еле промямлила Валентина.

— А моего мужа куда забираете? Он ничего противозаконного не сделал, — воинственно вопрошала Ася.

Лейтенант Кузнецов остановился у самых ворот, мужчины тоже задержались.

— Гражданин Грачёв и товарищ Пехлеви-шах сейчас пройдут со мной в управление, дадут показания, и мы их отпустим. Не переживайте, товарищи женщины, готовьте ужин вашим мужчинам, они скоро придут.

Все женщины и дети прошли в дом. Дети потихоньку плакали, даже Мадиночка ревела вместе с малышами, они никак не могли понять, что случилось. Галина Фёдоровна расспрашивала у Аси, что случилось. Ася усадила Валентину в кресло в гостиной, в другое кресло бабушку, налила им и себе чай. Дети тоже принесли туда все свои леги и конструкторы и, забыв про неприятности, самозабвенно

играли. Детские слёзы, словно вода. Валентина всё переживала, что у Геннадия может быть сепсис.

— Валя, не накручивай себя раньше времени, — бабушкин трезвый ум работал как часы, — ему сделали противостолбнячный укол, обработали антисептиками. Только одного не пойму, как он щеку себе так разодрал, как он на этот секатор наткнулся?

Через час приехал Гена, Пехлеви и двое сотрудников полиции. Они взяли лопаты в хозпостройке и начали перекапывать японский садик. Потом подъехал и лейтенант, попросил женщин зайти в дом.

— Дорогие женщины, в дом, в дом, нам здесь любопытствующие дамы не нужны.

— Валя, иди в дом. А где дети? — Гена держался за щеку.

— Дети с бабушкой Галиной Фёдоровной, — ответила Ася вместо Валентины. — Гена, больно? Дать тебе обезболивающее?

— Да, Ася, дай, пожалуйста, одну таблетку и забирай Валю, и идите в дом.

Ася взяла Валю под ручку, и они потихоньку пошли по направлению к дому.

Валя обернулась:

— Гена, что происходит?

— Всё нормально, Валечка, иди домой, — столько нежности было у Гены в голосе, что Пехлеви внимательно посмотрел на своего друга и едва покачал головой, сочувствуя ему. У Валентины впереди было много разочарований.

Поздно вечером раздался звонок от Анастасии — дочери Татьяны Ивановны. Сквозь рыдания девушки Валентина почти ничего не слышала, там её успокаивала Эмма Львовна. Потом пожилая женщина сама взяла телефон у девушки.

— Валентина, здравствуй, как ты? Как малыши? — женщина не давала Вале вставить слово, — тут Настя рыдает, слово не может принести — звонила матери, трубку взял какой-то врач, сказал, что Татьяна в больнице и не может сейчас говорить, что у неё сотрясение мозга. Что случилось там у вас ещё? — с нескрываемым сарказмом выпалила всё на одном дыхании Шашкова.

— Эмма Львовна, здравствуйте! — холодно ответила ей Валентина Сергеевна, — правильно говорит врач, она возилась во дворе в японском садике, подскользнулась и упала, Геннадий хотел её подхватить и рассёк себе щеку секатором, который у неё в руке был. Она гиацинты срезала. Дети хорошо. Они играли во дворе, когда карета скорой помощи приехала. Плакали, когда няню увезли. Она в себя пришла сразу. Но видно в больнице не разрешают ей лишние движения делать. Ася хотела пойти в больницу за ней поухаживать, но не разрешают, тотальный карантин.

— Настя хочет сейчас же вылететь, но самолёт через Москву, это займёт много времени, она прилетит только под утро, и вряд ли её пустят в больницу. Сейчас мы возьмём ей билеты на прямой рейс, завтра днём она уже будет у вас. Она рвётся ехать к вам.

— Пусть прилетает и придёт прямо домой, а отсюда пойдёт с Асей в больницу к Татьяне. До свидания, — и Валентина со злостью швырнула трубку на стол. Она с Геной и бабушкой были на кухне. Ася с дочерью и малышами у них в комнате, она им приготовила вкусный ужин и кормила всех троих, отвечая на их бесчисленные вопросы.

— Геннадий, что же всё-таки случилось во дворе? — бабушка теперь решила Гену расспросить. Она сидела за кухонным столом и аккуратно чистила картошку, свёклу, морковь, которые перед ней положила Валентина. Валя решила приготовить борщ на завтра, его все любят в доме, особенно муж и внуки.

— Галина Фёдоровна, вот всё, что сказала Валя — истинная правда. Так было. У неё даже цветы выпали из рук. Таня у меня спросила, сколько соцветий гиацинтов срезать для Вали, она хотела в спальню к нам их поместить, чтобы Вале приятно было.

— Вот беда-то. Таня нам ведь не только член ближнего круга, а она нам как родственница. Она много помогала с детьми и по дому. Сейчас всё на Вале. А я что? Вот только сидя и могу сделать что-нибудь.

— Татьяна за помощь получала хорошие деньги, она бескорыстно ничего не делала. Лиля её не обижала, — Гена парировал слова бабушки, его душил гнев, но он сдержался. Валя удивлённо глянула на мужа, такой реакции она от него не ожидала

— Ой, Лилечка моя, — бабушкин голос задрожал. Бабушки вкладывают в своих внуков всю свою душу, всю себя.

Валентина подошла и погладила её по плечу:

— Мама, может быть, валокордина накапать?

Старушка кивнула головой.

Глава 17

Настя прилетела на следующий день. Позвонила с аэропорта Валентине, хотела сразу в больницу к маме. Но Валентина посоветовала приехать сначала домой, взять матери еду и поехать вместе с Асей. Настя так и сделала. Малыши очень были рады видеть девушку, обнимали, целовали, просили остаться насовсем. Невооружённым взглядом было видно, как Настя их искренне любит, у них были взаимные чувства.

— Настя, Настя, — кричали они в два голоса, — твоя мама заболела, её отвезли в больницу на машине. А наша мама ещё не приехала.

— Мои сладкие, — обнимала Настя малышей с нежностью.

— Тётя Валя, как так получилось с мамой? Я так переживаю. Сколько я себя помню, мама никогда не лежала в больнице. Для неё это большой стресс.

Валя снова девушке пересказала эту историю, которую им преподнёс Геннадий.

Пришла Ася, поменяла Грачёву повязку на щеке. Настя зашла к матери в комнату, переоделась после дороги, оставила свой саквояж. И взяв пакет с провизией, они поехали в больницу вместе с Пехлеви на старой дедушкиной «Волге». Гена вышел вместе с ними, закрыл ворота и остался в комнате охраны. Там он и сделал несколько звонков.

Приехали Настя с Асей быстро, Пахлава их подождал и благополучно привёз домой. Настя плакала, потом звонила и рассказывала Эмме Львовне, что их не пустили к маме:

— Вышел лечащий врач, сказал, что у них карантин, что мама себя чувствует лучше и через пару дней её выпишут.

Даже по телефону не дали поговорить, не хотят её волновать. Взяли сумку с едой и туалетными принадлежностями. Сказали, чтобы я звонила по телефону. Но я завтра пойду. Мальчишки так рады были меня видеть. А я их так люблю, не передать словами. Сейчас я их позову, — Настя вышла из комнаты своей матери, мальчиков не было и в детский игровой комнате, они расположились в большой гостиной. Там было больше места для их баталий. — Матюша, Лёвушка, бабушка Эмма вас к телефону, дети и бабушка стали разговаривать, перекидываясь милыми детскими словечками.

После разговора Настя осталась в гостиной поиграть с малышами. Потом Валентина позвала всех ужинать.

Ася пришла помочь Валентине убрать после ужина и забрать Мадиночку домой, но муж позвонил и сказал ей, чтобы оставалась там, пока он не придёт. И Пахлава пришёл, но не один, а с майором Золотарёвым и лейтенантом Кузнецовым.

— Здравствуйте, — майор поздоровался со всеми, кто был на кухне, подошёл и Геннадий, который возился с телевизором в гостиной, — я хотел бы с вами со всеми переговорить. Всех прошу в гостиную.

— Настя прилетела сегодня, её тоже позвать? — спросила Ася.

— Да. И её, и Галину Фёдоровну, — и мужчины все прошли в комнату.

Когда все собрались, майор сказал:

— Я вам сейчас покажу одно кино, прошу всех смотреть тихо и держать себя в руках. Этот фильм снят с двух ракурсов, двумя камерами. Включайте, Грачёв.

Вот оказывается почему Геннадий возился с телевизором, их смарт-телевизор в гостиной позволял подключать флешку.

— Этот видеоролик я снимаю по просьбе следственного комитета, — вдруг заверещала голова Пехлеви.

Настя хмыкнула. А Ася ахнула:

— Мой муж?

Даже майор улыбнулся, когда появилась после говорящая голова Пехлеви. Потом все молчали. Только Настя упала в обморок, и Ася с Кузнецовым перенесли девушку на диван. Ася побежала за водой и таблетками, и нашатыркой. Девушки привели в чувство, но встать ей не разрешила милосердная Ася, всё-таки она не только по профессии, но и по своему духу была сестрой милосердия.

— Мне нужно было принять нестандартное решение. И я его принял. И помогли мне в этом гражданские люди: Геннадий и Пехлеви, за что им отдельное спасибо. Этот ролик снимался двумя камерами, одна камера была вмонтирована в одежду Грачёва Геннадия, второй камерой снимал товарищ Пехлеви для подстраховки. Как вы сами слышали и видели, Татьяна Ивановна сама призналась в убийстве Лилии Фёдоровны Шашковой. Факт неоспоримый и нами доказанный. У меня имелся один козырь в руках относительно виновности Афанасьевой, но я не хотел пускать его в ход до определённого момента. Потому что Афанасьева при наличии хорошего адвоката могла бы доказать, что это косвенные улики и никак не определяют её, как убийцу, — майор перевёл дух.

— Какой козырь, товарищ майор? — не выдержал Геннадий.

— На внутреннем кармане вашей куртки есть отпечатки пальцев Афанасьевой, но не на пояске, с тканей невозможно снять отпечатки, — хотя потожировые следы при очень серьёзном и тщательном анализе можно снять, но у нас такой экспертизы пока нет, а вот с твёрдых поверхностей — это легко делается. А на вашем паспорте, который лежал у вас в том же кармане, остался отпечаток, она, видимо, до него доторонулась случайно или как-то пыталась

его достать, а потом положить поясок. Да, кстати, Геннадий, подпишите бумагу у Кузнецова, что с вас сняты все обвинения — это для работы вам. И, Виктор, снимите с него электронный браслет. Всё тайное когда-то становится явным. Маски сорваны, и мы сможем доказать, что убийство было намеренным. Если бы она, ударив Лилю по голове бутылкой, осознала степень того, что совершила в состоянии аффекта, суд мог бы вынести ей минимальный срок наказания, но задушить лежащего без сознания человека, даже при самом хорошем раскладе от 15-ти лет, а я лично постараюсь сделать так, чтобы наказание было максимальным. Это надо такой характер иметь или так ненавидеть человека, чтобы задушить его, когда он в бессознательном состоянии. Татьяна Ивановна — женщина с жестоким нравом и трудной судьбой.

При этих словах Настя поднялась с дивана и подошла к столу:

— Я не верю в это. Это неправда, моя мама не убийца. Это всё сфабриковано. Где моя мама? Где? Где?

Спазм боли пережал девушке горло. У девушки началась истерика. Ася взяла её под руку, повела к дивану, усадила, накапала ей капель. Укол побоялась сделать, девушка беременна. На удивление и Валентина, и Галина Фёдоровна сидели спокойно, молча, и обе сжали губы. Ася подошла к бабушке, дала ей стакан воды, но та рукой отодвинула от себя стакан и уставилась на майора. Золотарёв подошёл к Насте. До чего красивая девушка и такой красавице не нужны ни косметика, ни украшения, даже сейчас в сильнейшем смятении она хороша. Больше всего ему стало жалко её: мать — убийца, любовник неизвестно как поступит в дальнейшем с ней, нелёгкая участь у этой девушки.

— Настя, я сегодня виделся с вашей мамой и провёл допрос, она себя хорошо чувствует. Завтра мы переведём её

в СИЗО из больницы, и там я вам разрешу с ней увидеться. Думаю, что вам нужно нанять адвоката, а то в течение трёх дней, как ей будет предъявлено обвинение, ей дадут бесплатного адвоката. Подумайте над этим. И ещё, насчёт того, что мы искали, когда перекопали клумбу с цветами. Мы искали драгоценности Лили, которые в тот день пропали. И мы их нашли, они были завёрнуты в носовой платок и положены в стеклянную банку 700-граммовую с закручивающейся крышкой. С ткани снять отпечатки пальцев практически невозможно, а вот на банке много следов гражданки Афанасьевой. Поэтому она и проявляла такое рвение: пропалывала цветы, красиво укладывала декоративные камни, под одним из камней мы и нашли эту банку в небольшой ямочке. Доселе Татьяна Ивановна обычно цветами редко занималась, когда приезжала в Морегорск с Лилей и детьми, на это мы и обратили внимание. Цветами обычно занималась Валентина Сергеевна, а огородом и садом Асият и Пехлеви. Геннадий им помогал, когда возникала необходимость. Но в этот раз Афанасьева якобы проявила гуманность по отношению к Валентине Сергеевне, и сама начала полоть цветы, никого не допуская к этой японской горке. И делала она это уже третий раз после убийства, у нас это вызвало подозрение, так нам сообщили обитатели вашего дома. Ну вот, всё, что я вам хотел сообщить. Вопросы есть у кого? — майор обвёл всех взглядом.

— Убийца была среди нас — одна тварь, а жизнь разрушила нам всем. Не могу понять, как эта змея подколодная могла взять и так хладнокровно задушить мою Лилечку, а этот шакал Илюшка спал с её дочкой, сделал ей ребёнка и мучил мою Лилечку, а эта хитрая лиса Эмма поддерживала всё это. С самого начала она не любила Лилю. Эта убийца, эта жаба Танька хотела, чтобы её дочь попала из полной

безвестности, из внебрачного ребёнка, которого она с кем-то нажила, в круг влиятельных и богатых людей, — почему-то у бабушки сегодня были сравнения этих людей только с фауной — миром животных, — а каким белым и пушистым зайчиком она прикидывалась, — бабушка опять посмотрела на майора, — надеюсь, ей дадут пожизненный срок за все наши мучения, этой интеллигентной и образованной женщине, — со злостью и иронией страшным голосом сказала Галина Фёдоровна.

— Самые жестокие убийцы в истории криминалистики, Галина Фёдоровна, зачастую обладают хорошими манерами, образованны и воспитаны. До свидания. Мы уходим. Виктор, с Грачёвым разобрался?

— Да, — в один голос сказали Кузнецов с Грачёвым.

— Я тоже ухожу, — подскочила Настя, — возьмите меня с собой, я хочу к маме.

Золотарёв недоумённо посмотрел на Настю, потом на Валентину Сергеевну.

— Ты никуда не пойдёшь, Настя, останешься здесь. Дети за родителей не отвечают, это родители до конца своей жизни отвечают за своих детей, — впервые за всё это время заговорила Валентина, — Ася отведи её в комнату её матери и уложи, пусть поспит, она под сердцем носит ребенка — брата или сестру моих внуков. Я не прощу себе, если она потеряет этого ребёнка. Мы же не убийцы.

— Спасибо, тётя Валя, — вдруг сказал майор, — подошёл и поцеловал ей руку.

Две женщины — свекровь и сноха, бабушка и мать, сидели одни в гостиной, не проронив ни слова. Гена принёс бутылку хорошего коньяка, три рюмки и нарезанный лимон, налил женщинам, дал им в руки и сказал:

— Пейте и плачьте, буду наливать до тех пор, пока не начнёте плакать, а то ваши сердца лопнут.

Пришла Ася, доложила, что Настя, наконец, уснула, что дети играют у себя и Мадина с ними, значит, можно быть спокойными, и вдруг увидела у бабушки в руках рюмку:

— Галина Фёдоровна, вам нельзя.

— Мне уже всё можно, Ася. Принеси себе тоже рюмку, я знаю, знаю, что ты не пьёшь, но пригуби с нами за нашу девочку, и мужа позови. Где Пахлава?

Пахлава сам пришёл после того, как проверил все запо-ры, всё хозяйство. Только после третьей рюмки заголосила Валентина:

— Доченька моя, за что ты приняла смерть такую, оставив деток своих на меня!

Затем стала плакать Ася, а потом Галина Фёдоровна, пе-дантическая старая немка, плакала, как настоящая русская баба, припомнив всех своих близких и родных, начиная со смерти своего отца в начале Второй Мировой войны и, заканчивая своими ненаглядными Федечкой и Лилечкой. Мужчины тактично удалились.

Звонок на Валин телефон раздался, когда она уже готови-лась ко сну, а Геннадий похрапывал.

Было уже поздно для звонка от Эммы Львовны, но так-тичная и мудрая Валентина взяла себя в руки и ответила на звонок свахи.

— Да, Эмма, доброй ночи! Я вас слушаю. Всё хорошо. Дети тоже хорошо. Татьяна хорошо, сказал майор. Как какой майор? Вы не помните, он вас опрашивал здесь. Да, он не врач, — правда ваша. Какое имеет майор отношение к ней, я вам сейчас скажу — самое прямое. Она убийца моей до-чери. Всё может быть. Она сама в этом призналась. Какие уж шутки, — Валя стала говорить громче, не могла сдер-живать себя, хоть и пыталась, — эта дрянь убила мою дочь. Почему, я не знаю, может быть, вы знаете или спросите у своего сына, ведь Настя от него беременна. Не ойкайте, пожалуйста,

я никогда не поверю, что вы не знали о беременности Насти. И мою дочь вы не любили никогда. Но убить мою девочку, чтобы она не мешала её дочери, — это невероятно. Эта Татьяна — сумасшедшая. Настя спит, вот поэтому вы до неё не можете дозвониться, Ася ей дала успокоительные капли и снотворное. У нас, конечно, в комнате своей матери. Мы — люди, а не звери, беременных не выкидываем на улицу. А вашему сыну передайте, что детей он не получит. Вон родится у него свой, чья бабушка — убийца его жены, пусть воспитывает, — голос у Валентины стал дрожать, она чуть не уронила трубку.

Геннадий проснулся и слушал её разговор, потом встал разъярённый, выхватил у жены трубку и заорал:

— Больше не звоните моей жене, у неё без вас хватает горя, и передайте своему сыну, пусть сам звонит майору и узнает, что ему надо. Всё, я вам сказал. И Настю свою заберите отсюда. Моя жена добрая, не вышвырнула её из дома на ночь глядя. А вы — сводница старая, — Грачёв нажал «отбой». Потом вообще отключил телефон жены. Принёс ей воду, успокоил, как мог.

Утром рано, когда Валентина спустилась посмотреть детей и бабушку, Насти уже не было. Бабушка сказала, что Настя прошмыгнула мимо неё. Валя позвонила Пахлаве, он подтвердил, что Настя ушла. Она позвонила в их домик часов в шесть утра и попросила открыть калитку, сказала, что пойдёт в гостиницу, с кем-то говорила по телефону.

После завтрака Галина Фёдоровна попросила позвонить внучке Марии, спросить про отца и всё ей рассказать, помочь с опекуном через юристов, которых у её отца большой штат. Мария сказала, что Афанасьева должна получить по заслугам за то, что убила её мать. И она попросит брата и службу безопасности холдинга найти рычаги воздействия на морегогорскую прокуратуру, чтобы это дело получило резо-

нанс и, чтобы его не замаяли. И что она всегда видела гнилую и завистливую натуру Татьяны, и что Шашков — мразь, и надо приложить все усилия, чтобы не отдавать двойняшек ему, и если бабушке с дядей Геной не дадут, то она сама этим займётся. И она хочет, чтобы он не наложил лапу на недвижимость, которая осталась после матери. Она через три дня летит в Швейцарию с братом, они везут отца на лечение, но сегодня же займётся этим и юристы свяжутся с Валентиной. Валентина поставила на громкую связь, чтобы Галина Фёдоровна и Геннадий слышали Машу. Маша любила Валю — свою бабушку, та её вырастила и занималась ею, вплоть до того времени, пока она не ушла жить к отцу от Лили. Мария была решительно настроенна относительно этих дел.

— Валя, Золотарёв обещал дать нам небольшое свидание с этой дрянью. Хочу посмотреть ей в глаза и задать пару вопросов, — после разговора с Машей сказала Галина Фёдоровна.

— Мама, зачем вам это надо? У вас больное сердце. Что вы хотите услышать от такого человека? На суде увидите её.

— Позвони майору, узнай. Мне очень надо. Я до суда могу и не дожить, — старуха говорила это спокойно, — мне уже за 90, я жизнь прожила, кого только не видела, но такую тварь не приходилось. Гена, позвони ты.

— Хорошо, Галина Фёдоровна, сейчас позвоню прямо при вас, — и Геннадий набрал майора, и тоже поставил на громкую связь, чтобы бабушка слышала весь разговор.

— Сегодня не получится, Геннадий. Афанасьеву только что перевели в СИЗО. Сегодня будут решаться все процедурные вопросы, потом я ей дам встречу с дочерью, и сегодня же ей определят бесплатного адвоката, пока дочь не найдёт своего защитника, если захочет. А вот завтра, в крайнем случае, послезавтра, я организую вам встречу на полчаса. Я сообщу, или лучше вы сами завтра с утра позвоните, — майор спешил.

Глава 18

— Илюша, маме дадут бесплатного адвоката. Но ты же знаешь, что толка от него не будет никакого, — девушка сидела в кресле в номере гостиницы, который она сняла.

— Настюша, любовь моя, как ты себя чувствуешь? Ты такая бледная? — Шашков говорил с такой нежностью, что у девушки потекли слёзы, — ты должна беречь нашу девочку. Ты и она — вот что сейчас самое главное для меня. И мои мальчики тоже, конечно.

— Илюшенька, я не могу поверить, что моя мама убила твою жену. Тем более преднамеренно, так говорит майор Золотарёв. Илюша, что мне делать? — Настя была растерянна и всё плакала.

— Ты же умная, девочка моя. Возьми себя в руки. Завтра прилетит мой адвокат. Всё узнает и решит. Он всё разругает, не переживай. После того, как встретишься с ним и с мамой, лети сюда — твой дом там, где я. Поняла? Раз она всё узнала, так тому и быть. Мама хотела прилететь, но я ей не разрешил. Сама понимаешь, какой перелёт сложный. Смотри за собой, ни в чём себе не отказывай. Я тебе ещё денег бросил на карту. У тебя хороший номер? Ты хорошо питаешься?

— Да, Илюшенька. Спасибо за деньги. Эмме Львовне ни в коем случае нельзя летать. Я сегодня вечером должна встретиться с мамой. Я попрошу Асю, чтобы она мне принесла кое-какие мамины вещи, мне майор список отправил. А продукты я куплю сама. Хорошо, что там есть Ася, а то я боюсь туда ходить. Особенно старуху боюсь, она так сверкает глазами, сразу мне напоминает Лилю, — девушка опять

заплакала, — ты не переживай, Илюшенька. Ася через час привезёт мамины вещи и оставит на ресепшене. Я пока отдохну.

— Хорошо, девочка моя, попытайся поспать. Люблю тебя.

— И я тебя, мой родной, целую, — и девушка поцеловала экран телефона.

Когда Анастасия Афанасьева зашла в кабинет к Александру Сергеевичу Золотарёву, он невольно вновь залюбовался ею. Девушка была так же хороша, как весна, которая бушевала за окном его кабинета. В голубом лёгком весеннем пальто и такого же цвета платье, это был костюм-двойка безукоризненного покроя, великолепного качества и какого-то бренда, в которых майор не разбирался, но даже его невооружённым взглядом было видно, что костюм очень качественный и дорогой.

— Александр Сергеевич, сумки мне сказали оставить внизу, а вот букетик ландышей разрешили взять, я их для мамы купила, — в воздухе повеяло пряным запахом первоцветов, — моя мама не может быть убийцей, вот что хотела вам сказать самое главное.

— Хорошо, Настя, присаживайтесь! Вы пришли защищать убийцу или увидеть свою мать? — задал риторический вопрос майор, — сейчас приведут вашу маму.

Настя сидела в углу кабинета майора Золотарёва, когда завели её мать.

— Мама, — девушка кинулась к маме обнять её, — ты в наручниках? А я тебе твои любимые ландыши купила.

Афанасьева шутливо продемонстрировала ей свои руки в наручниках.

Майор позвал полицейского, который сопровождал Афанасьеву и приказал ему снять наручники с подозреваемой. Майор терпеливо ждал, пока мама с дочерью обнимались,

разрешил Насте пододвинуть свой стул к матери. Они сидели напротив друг друга на казённых стульях и держались за руки. «Какая же ты глупая женщина, Татьяна Ивановна. Что же ты наделала», — подумал майор. А сказал другое:

— Настя, у вас 10 минут, — и попросил полицейского выйти за дверь. Позвонил Кузнецову, пригласил к себе. Настя пыталась что-то у мамы выяснить, но та её прервала, не дав рот открыть.

— Доча, сначала мне скажи, как ты себя чувствуешь? Не нервничай, у тебя ещё ранний срок, тебе нельзя волноваться.

— Мамочка, у меня уже пятый месяц. Всё нормально, стабильно. И мы даже уже знаем пол ребёнка.

— Кто? Кто у меня будет, внук или внучка? — как-то грустно спросила Татьяна Ивановна.

— Девочка. Ты не представляешь, как Илюша рад, — у Насти засияли глаза.

— Мамочка, как ты себя чувствуешь? Как твоя голова? Я так переживала, сразу же вылетела. Илюша дал мне деньги. Ты не переживай за меня, я сейчас живу в гостинице. Завтра прилетит адвокат, Илюшин хороший знакомый, он летит из Москвы. И поможет нам, — девушка спешила всё сказать, боялась, что её прервут.

— Хорошо, доченька, ты умница. Но тебе надо лететь домой, к Илье Матвеевичу. Сейчас там твой дом. А с адвокатом мы всё обсудим.

— Мамочка, Эмма Львовна тоже хочет, чтобы я прилетела, переживает за меня. Гладковы уже все знают, скрывать всё не имеет смысла, так она говорит. Говорит, что в Москву мне ехать не нужно, пусть квартира так и стоит закрытая, что мне нельзя летать в таком положении. Если возникнет необходимость, то Илюшины помощники присмотрят за квартирой. В Москве ещё много недвижимости у Илюши.

Мама, ты это сделала или нет? Мама, зачем? — голос у девушки дрожал, в глазах было отчаяние.

Татьяна Ивановна внимательно посмотрела на своего ребёнка.

— Доченька, я всё расскажу адвокату. Всё, что я делаю в этом мире, это только ради тебя.

— Мама, мне не нужны такие жертвы, — Настя опять заплакала.

— Доча. Держись Ильи, люби его и выполняй всё, что он говорит. Он умный, у него хорошие гены. А главное, Бог носит его на своих плечах.

Кузнецов смотрел на мать и дочь удивлённо. Перед дочкой находилась убийца, а она этого не хотела понимать и принимать. Мы никогда не можем представить своих родственников в качестве преступников, а уж тем более убийц.

— Ну всё, шабаш, — Золотарёв привстал со своего места, он даже не пытался проявить такт. Татьяна Ивановна его раздражала.

— Виктор, тут Анастасия принесла две сумки с вещами и продуктами, они внизу в приёмнике. Пусть ребята проверят, что нельзя — вернут назад. Позови сержанта.

Сержант вновь зашёл, надел наручники. Дочь кинулась к матери:

— Мамочка, я завтра с адвокатом приду. Мне же можно будет с ним прийти? — девушка повернулась к майору. Тот лишь кивнул.

— Пойдёмте со мной, Настя, подождёте внизу пока вещи проверят, — и Кузнецов пропустил вперёд себя девушку, и они пошли.

Золотарёв решил предоставить свидание Галине Фёдоровне Гладковой с Афанасьевой в 12 часов дня следующего дня, так как в 16 часов приедет Анастасия Афанасьева с адвокатом, который уже прилетит к тому времени. Тогда уже

придётся соблюдать все формальности. А сейчас он решил отдать дань уважения бабушке своей убитой одноклассницы. Майор сразу предупредил Грачёва, чтобы никаких оскорблений и рукоприкладства, женских разборок и так далее. Грачёв клятвенно пообещал.

Поехали в следственный комитет вчетвером: Галина Фёдоровна с Асей. Ася сопровождала бабушку и очень за неё переживала. Геннадий и Пехлеви за рулём. В кабинет зашли втроём, потом Грачёв ушёл, сказав майору, что Валентина Сергеевна не хотела видеть убийцу, и он тоже не хочет больше её видеть. Бабушка держалась довольно мужественно. Ася встала за спинкой стула бабушки и сесть решительно отказалась. В сумке у неё были все необходимые препараты для Галины Фёдоровны. «На всякий случай взяла с собой всё», — так она сказала майору, когда он ей высказал опасения по поводу здоровья бабушки.

— Ты за меня, Саша, не переживай. В глаза хочу ей посмотреть и всё, — твёрдо сказала старая, повидавшая жизнь женщина.

Татьяна не ожидала увидеть Галину Фёдоровну и Асю, резко повернулась и обратилась к конвоиру:

— Уведите меня.

Конвоир вопросительно глянул на майора. Он не знал, что и сказать, как вдруг заговорила Галина Фёдоровна.

— Нет уж постой, Татьяна, посмотри мне в глаза. Или боишься? Я тебе мораль не собираюсь читать, только скажи мне — за что ты убила Лиллю? За что? Это хочу знать. Что молчишь?

Афанасьева так же резко повернулась обратно и уставилась на бабушку.

— За что, хотите знать? Да за всё? За её поганый характер, за её чёрный рот, за то, что она, как сыр в масле, а я копейки считала, чтобы дочь поднять, за то, что я подарков

от судьбы не ждала и на судьбу не роптала, а работала, трудилась. В конце концов, за счастье моей дочери — умницы и красавицы. Только она достойна такого мужчину, как Илья Сергеевич, а не ваша глупая певичка, — всё это на одном дыхании сказала Татьяна Ивановна.

— Каждый человек, выбирая, совершить ему какой-то поступок или нет, сразу думает о возможных последствиях. Ты, убив мою внучку, уже знала, что детей заберёт Илюша, что смерть Лили заберёт и меня, что Валентина еле выползет из своего состояния. Ты всё совершила обдуманно. И Бог накажет тебя. Твоя дочь никогда не будет счастлива, а малыши останутся у нас. Ты никогда не увидишь своих внуков. Будь ты проклята!!! — Галина Фёдоровна схватилась за сердце. Ася тут же дала ей лекарства, замерила давление. Собралась делать укол, всё причитая:

— Я же вам сказала, Галина Фёдоровна, зачем вам встречаться с ней? Получается, что она — убийца? Разве можно с убийцами говорить? Она ничего не поймёт всё равно. Да и зачем это надо? Себя угробите!

Афанасьеву увели. Майор вышел, позвал Грачёва и Пехлеви. Старая женщина немножко пришла в себя. И она поехала домой, туда, где больше никогда не будет Лили.

Благодаря Золотарёву, брак Валентины и Геннадия оформили в кратчайшие сроки. С опекой связались московские адвокаты Марии Сосновской, собрав все необходимые справки. Валентина и Геннадий пригласили органы опеки домой, и сделали всё так, как им рекомендовали адвокаты. Двойняшек оставили им. После того, как органы опеки вынесли окончательное решение, Галина Фёдоровна вдруг стала вести себя довольно бодро, три дня она играла с малышами, ходила гулять, пела им песни на немецком и на русском. А потом слегла. Галина Фёдоррна умерла на сороковой день после смерти Лилианы, как сама и предрекла, не дожив

до суда над убийцей. Разрушительные волны горя огромной силы остановили её сердце. Похоронили её по-тихому, как и хоронят людей очень преклонного возраста, чьи дети и внуки умерли раньше их. Наконец, её душа упокоилась. И там, на небесах, она встретилась с первым и единственным мужчиной в своей жизни — со своим мужем, со своим единственным сыном, который исполнил мечту матери и стал врачом, и со своей любимой внучкой, так похожей на неё.

Найти виновника преступления и передать его в руки правосудия означало удовлетворение ещё одной человеческой потребности — укрепление чувства безопасности и вера в общество.

Глава 19

Атем временем полковник готовился к встрече гостей. Он же пригласил нас всех на 8-е Марта и приказал нам, женщинам, ничего не готовить, всё он сам сделает. И вообще, мы сами с усами — мужики — самые лучшие повара. Мы не стали возражать, хотя между собой договорились, что каждый принесёт по блюду. Ну что там наш друг-полковник может: шашлыки готовить, да рыбу вялить. Но об этом мы ему не сказали.

Ранним утром меня разбудил звонок. Я посмотрела в домофон. Полковник, так рано. Я испугалась, я даже забыла, что сегодня праздник — 8 Марта. Я открыла, крикнула, чтобы зашёл, и побежала умыться и причесаться. Когда я вышла в холл, то вместо полковника увидела перед собой громадный букет тюльпанов, их свежий, тонкий, необыкновенный аромат наполнил весь дом.

— Боже мой! — всплеснула я руками, — какая красота!

Изящные, с зазубренными краешками лепестков, снежно-белые, серебристо-сиреневые, всех оттенков розового и других оранжевых и красных, бархатно-бордовых. Словно сама весна собрала этот изумительный букет для меня.

От восторга я так искренне ахнула, что полковник выглянул из-за букета и рассмеялся:

— С праздником, Эллочка! Извините, что так рано, но иначе я бы не ухватил такую красоту, в шесть часов утра пошёл на цветочный базар.

Я взяла букет в руки и кружилась с ним, как юная гимназистка, нюхала и восторгалась.

— Спасибо! Я очарована, спасибо, мой милый друг! — и так соблазнительно глянула на полковника.

— И вот ещё, — полковник зарделся, человеку за 60, боевой офицер, а краснеет как юноша, и протянул мне удлинённую бархатную коробочку. Я открыла и снова ахнула, в коробочке лежал тоненький браслет с сиреневыми аметистами. Утро сегодня у меня началось с «охов» и «ахов».

— Красота, такой очаровательный браслет. У вас хороший вкус, полковник!

— Не у меня, — он опять покраснел, — у девушки, которая продаёт, она посоветовала.

Я положила букет на стол в гостиную, обняла его и побежала за вазой для цветов. Полковник относился к тем людям, которые получают удовольствие от того, что сами дарят подарки и видят реакцию одариваемых. Он был счастлив.

— Так я побежал, мне нужно готовиться. Сегодня в пять все у меня.

— А чем помочь вам? Прийти на помощь? — всё-таки мужчина сам не сможет накрыть стол для гостей.

— Если не трудно, придите пораньше на часик, поможете сервировать, а так я всё накопил. Два дня затаривался.

— Хорошо. В четыре я у вас, если что — звоните, — я ещё раз обняла полковника, — спасибо вам большое.

В четыре часа с большим блюдом с чихиртмой — это такое национальное азербайджанское блюдо, которое очень нравится полковнику, он у меня его неоднократно пробовал, и с пакетом подарков для Людмилы Семёновны и Лидочки пришла к полковнику. Полковник похвастался, что для Людочки и Лидочки он тоже купил цветы, но не такой очаровательный букет, как для меня. Я его похвалила за заботу, показала своё запястье, где красовался его подарок. Полковник сделал мне комплимент, ему очень понравилось моё шифоновое платье с длинным рукавом и широкой юбкой.

— Этот наряд ещё раз подчёркивает вашу красоту, Элочка! — краснея, произнёс мой друг-сосед.

— Спасибо большое. А теперь давайте накрывать стол, — командовала я, — показывайте, что купили и что готовите. И мы прошли на кухню. Кажется, полковник скупил все продуктовые ряды на нашем базаре. А базар у нас настоящий южный, колоритный и вкусный. Он запёк баранью ногу в духовке, пожарил рыбу и отварил картошку. Накупил разных мясных и рыбных деликатесов и уже успел нарезать, купил красную икру и много свежих овощей и зелени, фруктов и сладостей. И купил много корейских закусок, которые мы — женщины обожаем. Стол на кухне пестрил всеми красками весны и лета и источал такие запахи, что у меня слюнки потекли.

— Полковник, вы скупили всё, что было у нас на базаре? — я уже есть захотела и взяла несколько виноградинок в рот.

— Эллочка, вам же нельзя виноград, вы — диабетик, что забыли? Я вам киви купил, — полковник буквально хотел вырвать у меня изо рта виноград. Я засмеялась во весь голос, он даже обиделся.

— Милый мой, дорогой друг, не обижайтесь, вы мне сейчас напомнили моего младшего сына. Глеб тоже пытается у меня изо рта кусок вырвать, — я послала полковнику воздушный поцелуй, — вы достали ваш сервиз. Хорошо, что ваша дочь уговорила вас привезти сюда сервиз и скатерти, иначе как бы мы приём устраивали. Пришлось бы идти за посудой ко мне. Умница девочка.

— А я? — игриво спросил полковник.

— И вы тоже. Следите за бараниной, не прозевайте. Чихиртму надо укрыть, чтобы не остыла.

— Я время выставил, как положено, в интернете прочёл, — серьёзно сказал сосед, — а это блюдо, которое я люблю, всё время забываю его название. Вы специально для меня сделали?

— Конечно, для вас, а для кого ещё? Никто, кроме вас его ещё не ел, — на полном серьёзе ответила я.

В две руки мы быстро накрыли стол. Когда полковник стал выставлять напитки на журнальный столик, я ахнула.

— Это сколько же алкоголя? Вы что, мужчины, напиться собираетесь?

— Половина для вас, милых женщин, — лъстиво угодничал полковник.

Пока он ходил в свою спальню переодеваться, я положила на этот же журнальный столик фрукты и сладости. Был до того красивый натюрморт, что я решила сфотографировать. Полковник наблюдал за мной сверху.

— Эллочка, что вы делаете? Зачем фотографируете?

— Так красиво, не могу удержаться. Выставлю в «Инстаграм». Я и букет, который вы мне подарили, сфотографировала, жаль, что запах нельзя передать.

Вот и появились и первые гости. Сергей и Людмила Золотарёвы — давние друзья полковника. Пока мы с Людмилой обнимались, целовались, дарили и получали подарки, она нюхала букет и говорила, что цветы так благоухают, Золотарёв-старший так и стоял, держа в руках кастрюлю и контейнеры с едой. Людмила Семёновна — знатная кулинарка, кто же откажется от её чебуреков и пирожков.

Николай Земцов пришёл с дочерью Лидочкой. Сцена повторилась. Обнимашки-целовашки теперь всех нас троих — женщин разного поколения, но объединённых общим жизненным принципом, были передарены подарки, а Николай так и стоял с контейнерами с салатами.

— Так как вам не понравился мой салат «Оливье» с креветками и авокадо, я приготовила классический, и ещё один с курицей и ананасом, — Лидочка взяла у отца контейнеры и передала мне.

— Нам очень понравился твой салат, — в один голос все затараторили.

— Какая красота, есть жалко, — раздался возглас Лидочки!

Все стали усаживаться за стол. Я тоже поспешила, переложив салаты в салатницы сервировочные.

— А где Александр Сергеевич? — спросила я.

— Он скоро будет, — в один голос ответили Людмила Семёновна и Лидочка. Все засмеялись над их синхронностью, и полилось, потекло веселье. Когда пришёл майор, мы уже разрезали баранью ножку и с удовольствием причмокивали, пачкая пальцы жиром.

— Я три раза звонил, а вы не слышите. Это вам, Элла Глебовна, — и майор протянул мне шикарный букет роз, — маму и Лиду я уже с утра поздравил.

Лидочка всё переживала, чтобы майора не вызвали на службу, но всё обошлось без инцидентов. И всё-таки, в конце вечера я заставила майора рассказать нам в подробностях о смерти певицы, и он кратко нам рассказал об убийце и мотивах. Убийство квалифицировалось, как преднамеренное.

— Не знаю, какой приговор ей вынесет суд. Хотя адвокат у неё волчара, Шашков прислал, ушлый, мурый. Всё подробности смакует, думаю, что он намного уменьшит ей срок. Он очень настаивал на том, чтобы суд прошёл в Москве, но наш прокурор пошёл в отказ. Суд первой инстанции будет у нас в Морегорске, — майор был довольный, — всеми силами добились хотя бы этого, а там посмотрим.

— Жизнь человеческая — пять копеек, — вздохнула Людмила Семёновна, — и ещё этот коронавирус. Я вот пошла сделала прививку, а Серёжа категорически против, прививочный диссидент, хотя есть несколько вакцин для всех слоёв населения, но вы ведь никто не хотите. А ведь информации везде полно, и мы знаем о вакцинах, не меньше, чем

доктора. Вы все упёртые, принципиальные, — Людмила нервничала, в который раз пытаюсь нас уговорить привиться, — а у Саши всех заставили на работе сделать. И Лидочка сделала после болезни Николая, доктор настоял. Только ты, Эллочка, и твой полковник, и мой муж против.

— Я не против. Но я ведь ни с кем из посторонних не общаюсь. И потом я — диабетик, боюсь этих прививок. А маленький Серёжа как?

— Детям не делают прививок, и обычно у них легко проходит эта страшная болезнь, и, вообще, бессимптомно.

— Мы с Эллочкой не заболеем, — уверенно сказал полковник. И он ошибся. Всё-таки мы заболели. Наше поколение очень уязвимо, особенно по отношению к этому злосчастному вирусу, который держит под страхом всё человечество.

Первым из нашей компании заболел Сергей Золотарёв, но кто из нашей компании нулевой пациент, мы не смогли определить. Полковник считал, что это Золотарёв-старший, но мог быть любой из нас, просто у Сергея проявились симптомы пораньше. Страх перед коронавирусом у нас не было. Поначалу казалось, что эта проблема надуманная, и все просто боялись заболеть, потому что не хотели лежать в больнице. Попозже уже во вторую волну все стали интересоваться эффективным методом лечения от этой тлетворной болезни. Несмотря на то, что жена рассказывала Сергею Александровичу о летальных исходах, приводила в пример людей, которые тяжело перенесли эту страшную болезнь, Золотарёв-старший не обращал внимания на слова жены и сына, был откровенным пофигистом и ковид-диссидентом. И вообще у него было спонтанное философское отношение к этой мировой беде, и точно такое же отношение к этой болезни было у его друга-полковника. На все увещевания Николая Земцова, они говорили только одно: «Мы не диа-

бетика, как ты, и не помрём, ты же не помер». Ох, уж эти суровые советские офицеры.

Позвонила мне Людмила Семёновна на следующий день уже поздно вечером.

— Эллочка, как вы себя чувствуете? У меня муж свалился с температурой. Кашель сильный очень. Несмотря на его протесты, позвонила в скорую помощь, ехали пять часов. Ни тест-полосок нет, на компьютерную томографию дали направление, но только через сутки можно бесплатно сделать. Я в шоке. Позвонила сыну. Он обещал врача привезти, который Николая лечил, помните?

— Да. Помню. Боже мой. Не дай Бог, ковид. А маленький Серёжа как? Что тогда сделали врачи скорой помощи?

— Только сатурацию померили, такой маленький аппарат типа напёрсточка надевается на палец, замеряют кислород в крови. Вы же не медик, не знаете, этот прибор пульсоксиметр никогда не даёт точную картину болезни, так — ерунда. Антибиотики в таблетках дали, но вряд ли они эффективны при ковиде. Я, как медик, это знаю. Сказали, чтобы мы сами пошли в лабораторию, сдали анализ на ковид, потом сделали КТ, и только сами ножками пришли в больницу с результатами, если это ковид. Ну, как тут быть? — голос у неё дрожал, иногда срывался, — Серёженька нормально себя чувствует, никаких симптомов.

— Даже не знаю, что и сказать. Я себя чувствую неплохо. Никакой симптоматики. Полковник сегодня заходил, чай пили, вроде бы тоже нормально. Вы не нервничайте. Попечите своими средствами, сбейте температуру. А Александр Сергеевич привезёт врача, он назначит лечение и всё будет хорошо. Не переживайте, Людмила Семёновна.

Я взглянула и себя, и полковника. На следующий день слегли мы оба — каждый в своём доме. На следующий день, когда позвонила Людмила Семёновна, я уже кашляла. Оказалось,

что и полковник в таком состоянии. У Сергея Александровича подтвердился ковид. Уже звонил Глеб и нервничал, сказал, что завтра вылетает — Лидочка ему доложила. Глеб руководил из Москвы. Лида сообщила, какие нужны лекарства, их в Морегорске не было, надо было искать. Народ изощрялся, как мог. В нашей компании назревали панические атаки, как у настоящих безвольных больных, но мы-то здоровые. Глеб скомандовал, чтобы полковник пришёл к нам домой и спал в его комнате, так как врач не может ходить по домам и медсестра, которая нас будет колоть. То же самое сказала дочь полковнику, иначе грозила сама приехать и ухаживать за отцом. Полковник испугался, согласился. Я тоже, а что делать. Я позвонила своему другу-соседу.

— Полковник, ноги ещё держат? Ходить можете? Тогда давайте ко мне, будете спать у Глеба в комнате. Ничего брать не надо, только пижаму, зубную щётку, ну и что хотите ещё из предметов личной гигиены. Глеб командует, они уже там все сговорились. Ночью, после смены, майор привезёт к нам врача.

— Уже в курсе, и дочь звонит, и Глеб. Оба указывают. Переживают дети. Хотя я им говорю, что, может быть, у нас не ковид. Но Люда им сообщила, что короновирус у Серёжи подтвердился, а у нас похожие симптомы. Дети там лекарства ищут по всей Москве, и ваши, и мои. Люда им уже сказала, какие. Лида на связи с Глебом. Глеб говорит, что мама ни за что не пойдёт в больницу, ну и я тоже. Так что нам нужно устроить лазарет у вас в доме, а он приедет и будет ухаживать за нами. Спать будет в гостиной. Иду, — голос у полковника был бодренький хоть он и покашливал.

— Жду. Мой сын больше с вами общается, чем со мной, — я немного приревновала полковника к Глебу.

— А вы не плачьте, когда с ним говорите, — отчитал меня сосед и добавил, — я бутылочку самогона возьму, для растирки внутренней пригодится.

— Хорошо, — согласилась я, — не обратив внимание на слово «внутренней», только потом до меня дошло, что он имел в виду, — мы так сопьёмся с вами, полковник, алкашами станем.

— Вы обратили внимание, Эллочка, алкаши не болеют, — рассмеялся полковник, — всё иду, пока ноги ходят. Сашка обещал поздно вечером забрать врача после смены и к нам. Бедный врач, разрывают на части.

— Многие врачи перегорели, устали от нагрузок, от монотонности лечения, им всё становится безразлично. А этот врач профессионал своего дела, Колю спас и нас спасёт. Правда, полковник, — и голос мой стал плаксивым, нос зашмыгал как-будто сам по себе.

— Не плакать, Эллочка. Иду к вам с самогоном. Ставьте на стол всё самое жирное, лёгкие наши надо смазать, — командовал бравый полковник.

И я ему всецело подчинилась, и благодарила Бога, что у меня такой хороший друг рядом. Благодаря врачам, нашим друзьям и нашим детям, мы с полковником одолели этот проклятый вирус, который беспрестанно мутировал и не давал покоя человечеству. Секрет счастья заключается в том, чтобы довольствоваться тем малым, что ты имеешь!

Эпизод

Жизнь, как река, с истоком и устьем. И так же, как река, ищет себе хорошие и красивые места, где будут течь её полные воды, но не всегда так получается, иногда приходится между камнями протекать или более извилистые берега искать, так и человеческая жизнь: временами счастливая, временами — несчастная.

Но Людмила Семёновна не удовлетворилась тем, что исколола мою и полковника пятую точку вдоль и поперёк. Она пристала ко мне, чтобы я сделала дуплексное УЗИ вен, вот что значит медик. Она сделала в Центре флебологии операции на обе ноги. Конечно, целый месяц она будет ходить в коррекционных чулках, но оно того стоит, уверяла меня Людмила Семёновна, равнодушный и добрый человек, который переживает за каждого к кому относится с душой.

— Вставая по утрам, радуйтесь жизни — щедрому дару, неслыханному счастью, упругим и послушным ногам. Это ваши слова, Элла? — строго спросила у меня Людмила.

— Да, — испуганно подтвердила я, недоумевая, что плохого есть в этих словах.

Глядя на мою растерянную физиономию, полковник рассмехался. Мы уже жили каждый в своём доме, но полковник пришёл на чай, я его пригласила на изумительно вкусный рулет с маком, который принесла Людмила, и всё-таки она прекрасный кулинар.

Людмила зыркнула на полковника, он тут же замолчал.

— И где ваши послушные ноги, хотела бы я знать? Вы на свою правую ногу посмотрите, а вы знаете, что после ковида, в своём большинстве, образуется тромбоз. Вам надо срочно идти на консультацию к этому замечательному доктору.

— Я звонила в этот центр по телефону, который вы мне дали. Меня записали, аж на конец декабря, там длиннющие очереди.

— Конечно, будут длиннющие очереди, когда там работают такие грамотные специалисты и всё делают бесплатно, и УЗИ, и операцию.

— Да ладно, Люда, не поверю, чтобы и УЗИ бесплатно, и операцию, — полковник скептически посмотрел на Золотарёву.

— А ты так не ухмыляйся. Мы с Сергеем вдвоём пошли на консультацию. Нам обоим сделали УЗИ бесплатно. Но ему операция не нужна, а мне понадобилась. Денег ни копейки не взяли, хоть Сергей и пытался положить доктору в карман халата. Категорически против был врач, сказал, что лечат по медицинскому полису, надо принести несколько документов. А если понадобится операция, то сдать несколько анализов. Понятно? — Людмила вновь строго посмотрела на полковника.

— Так, не смотри, Люда, я тебя боюсь. Ты итак мне всю задницу исколола, — полковник улыбнулся.

— Тебе ещё рано бояться. После Эллы пойдешь ты, тогда испугаешься.

— Людмила Семёновна, бесплатным бывает только сыр в мышеловке, — было начала я протестовать.

— Ничего подобного, страховая компания всё оплачивает Центру, а они в свою очередь сотрудникам. Врачи могли бы брать мзду, но у них собрались самые честные и профессиональные. Есть и такие специалисты — доктора высшей квалификации, а тем более сосудистые хирурги, как доктор Артур, который мне делал операцию, — Людмила Семёновна ещё долго рассказывала об этом замечательном докторе и его медсестричке, применяла профессиональные термины и уговорила меня пойти с ней, у неё через пару дней плановое послеоперационное ультразвуковое обследование, и она по-

просит врача посмотреть меня вне графика, расскажет, что я — писатель, и он может пойти ей навстречу.

Отвёз нас полковник. Замечательный молодой врач Артур принял меня после обследования Золотарёвой, дал мне рекомендации, сказал, что мне надо обязательно сделать операцию на правую ногу, там образовался тромб, и выписал направления на анализы. Назначил операцию через две недели. Случайно заглянув в его блокнот, когда он искал день и время, чтобы мне сделать операцию, я обалдела — каждый час у него был расписан. Сарафанное радио делало своё дело, люди приезжали к нему не только из нашего края, но из соседних областей. Я просто возгордилась от того, что у нас есть такие врачи, и что наше государство так позаботилось о своих гражданах. Моя операция прошла безукоризненно, хотя я дрейфила очень. Доктор Артур прекрасный сосудистый хирург и медсестра Ангелина умело делали своё дело и при этом говорили со мной, расспрашивали, отвлекали. Операция проходила под местным наркозом, и потому я тоже говорила, говорила, говорила. Прекрасный доктор, видя, как я боюсь всего, даже разрешил мне прийти к нему на первую и вторую, и третью перевязку. Вот что значит, человек с большой буквы. Как Глеб и полковник не пытались его отблагодарить, он категорически отказался, сказал, что и так хорошо зарабатывает, и главное для него, чтобы пациенты были довольны. На контрольное УЗИ я повела с собой полковника. Операция ему не понадобилась, чему я очень рада. А медикаментозное лечение он провёл под моим пристальным наблюдением. Ещё раз я убедилась, что в нашем Отечестве есть прекрасные врачи, профессионалы своего дела, и я очень горжусь, что за этот короткий период меня лечили два таких врача: пульмонолог и сосудистый хирург.

Россия всегда славилась своим главным богатством — ЛЮДЬМИ!

Рецепты блюд от героев этой книги

1. Шах-плов от Эллы Глебовны Златогорской.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. Мясо — 700 г
2. Рис — 700 г
3. Луковица — 3-4 шт.
4. Чеснок — 3-4 зубчика
5. Лаваш — 2 шт.
6. Специи — куркума, барбарис, соль, перец
7. Сухофрукты — 350 г (изюм, курага, чернослив, кизил)
8. Сливочное масло — 150 г

Предварительно рис замочите на пару часов, затем промойте и отправьте в подсолённую воду с куркумой. Отварите до полуготовности.

Сухофрукты промойте, для большей мягкости можете залить горячей водой на несколько минут. После обсушите.

Мясо вымойте, нарежьте небольшими кусочками и отправьте на сковороду с растопленным сливочным маслом. Обжарьте на сильном огне до появления корочки.

Снимите мясо со сковороды, добавьте масло ещё, отправьте туда лук, нарезанный полукольцами. На среднем огне обжарьте его.

На сковороду к луку выложите сухофрукты, мясо и все специи. Всё аккуратно перемешайте и оставьте на среднем огне минут на 10.

Пока готовится начинка, займитесь лавашом. Вырежьте два круга по размеру жаропрочной формы, в которой будет запекаться шах-плов.

Смажьте дно формы сливочным маслом, выложите на дно лаваш. Остальной лаваш нарежьте небольшими полосками. И застелите ими бортики формы так, чтобы каждая полоска шла внахлест. Тщательно смажьте лаваш растопленным сливочным маслом и выложите на дно примерно треть риса. Затем — немного мяса с сухофруктами, чередуйте таким образом слои. Когда последний слой будет готов, вылейте оставшееся сливочное масло сверху. Поднимите полоски лаваша вверх, накройте ими рис. Второй круг лаваша положите сверху. Накройте фольгой и отправьте в разогретую до 180 градусов духовку на 30 минут. Затем снимите фольгу и ещё 30 минут подержите в духовке. Вот и готов Шах-плов. Подавать к столу в красивом блюде.

Приятного аппетита!

2. Жюльен от Людмилы Семёновны Золотарёвой — мамы майора.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. *Куриное филе — 500 г*
2. *Шампиньоны свежие — 500 г*
3. *Лук репчатый — 200 г*
4. *Сыр Пармезан — 200 г*
5. *Сливки 20 % — 400 мл*
6. *Мука пшеничная — 2 ст. л.*
7. *Соль, перец по вкусу*
8. *Масло растительное для жарки.*

Промытую куриную мякоть отварить до полной готовности. Отваренную мякоть остудить и нарезать мелкими кубиками. Лук порезать тоже мелкими кубиками, так же нарезать промытые шампиньоны. Разогреть на сковороде

растительное масло и обжарить лук до прозрачности, затем добавить грибы и обжаривать минут пятнадцать. Добавить нарезанное филе, соль, перец и, перемешивая, тоже обжарить 5-7 минут и снять сковороду с огня. Займёмся соусом: муку всыпем в чистую сухую сковороду и быстро обжарим до золотистого оттенка, постоянно помешивая лопаточкой. Тонкой струйкой вольём в муку сливки, всё так же помешивая. И доведём соус до кипения. В кипящий соус выкладываем курицу с луком и грибами, перемешиваем всё вместе и снимаем с огня. Натираем сыр, жульен укладываем в красивую жаропрочную форму, чтобы не стыдно было подать на стол, по желанию можно разложить в кокотницы, чтобы подать порционно, сверху присыпаем тёртым сыром и ставим в разогретую духовку до 180 градусов на 15 минут. Жульен будет покрыт красивой сырной корочкой.

Всё, готово. Бон аппетит!

3. Вкусная куриная печень от Татьяны Ивановны Афанасьевой — няни детей певицы.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. *Куриная печень — 500 г*
2. *Мука пшеничная — 5 ст. л.*
3. *Лук репчатый — 2 шт.*
4. *Морковь — 2 шт.*
5. *Соль, перец по вкусу*
6. *Масло растительное для жарки*
7. *Зелень: петрушка, укроп, кинза*

С куриной печени уберите прожилки. Важно, чтобы кусочки были целыми. Печень тщательно ополосните и обсушите. В пакет положите печень, добавьте муку и потрясите,

так печёночные кусочки запанируются в муке равномерно. Нарежьте морковь и лук крупными кусочками. В толстенную сковороду налейте достаточное количество масла и отправьте панированные кусочки печени, обжарьте до золотистости, помешивая со всех сторон, добавьте специи. Затем добавьте нарезанные овощи и готовьте до их размягчения. И только потом накройте крышкой и томите минут 10. Мелко нарежьте зелень и украсьте блюдо сверху. Подавать можно с любимым вашим гарниром.

Лёгкой трапезы!

4. Оливье с сёмгой и авокадо от Лидии Николаевны Земцовой.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. *Авокадо — 2 шт.*
2. *Морковь — 1 шт.*
3. *Огурец свежий — 2 шт.*
4. *Огурец маринованный — 2 шт.*
5. *Яйца варёные — 2 шт.*
6. *Сёмга малосольная — 250 г*
7. *Горошек замороженный — 100 г*
8. *Майонез — 5 ст. л.*
9. *Соль, перец по вкусу*

Морковь отварить, остудить и нарезать небольшими кубиками. Из авокадо вытащить косточку, очистить от кожуры и нарезать кубиком. Свежие огурцы нарезать кубиками, маринованные огурцы тоже нарезать кубиками. Замороженный зелёный горошек опустить в ёмкость с кипятком, подержать в ней три минуты, затем промыть под холодной проточной водой, поместить в сито и дать стечь лишней

жидкости. Яйца измельчить с помощью вилки, мелко нарезать сёмгу. Все ингредиенты положить в большую ёмкость, добавить соль, перец, майонез, всё тщательно перемешать, переложить в салатницу и подавать на стол.

Ангела за трапезой!

5. Запечённая баранья нога от полковника — друга и соседа Эллы Глебовны.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. Баранья нога — 1 шт.
2. Розмарин — 2 веточки
3. Чеснок — 3 зубчика
4. Масло оливковое — 2 ст. л.
5. Соль, перец чёрный и красный по вкусу
6. Семена кинзы — 0,5 ч. л.
7. Паприка сладкая — 1 ч. л.

С баранины убрать лишние жилки и плёночки. Посолить и поперчить, втирая в мякоть баранины. Приготовить соус, соединив оливковое масло, семена кинзы, измельчённый чеснок и розмарин. Обмазать баранью ногу соусом и оставить мариноваться в холодильнике от 1 до 3 часов. Промаринованную баранью ногу положить в пакет для запекания, плотно завязать и отправить в нагретую духовку до 130 градусов на полтора часа, чтобы она прогрелась, после увеличить температуру до 200 градусов и ждите ещё один час. Далее рукав сверху аккуратно разрезать, полить мясо выделившимся соком и запекать ещё 30 минут до образования румяной корочки. Всё. Готово праздничное блюдо.

Пусть вам будет вкусно!

6. Рулетики из баклажанов от Валентины Сергеевны Гладковой — мамы певицы.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. *Баклажаны — 2шт.*
2. *Сыр твёрдый — 50 г*
3. *Чеснок — 2 зубчика*
4. *Масло растительное — 2 ст. л.*
5. *Соль по вкусу*
6. *Майонез — 2 ст. л.*
7. *Зелень рубленая*

Вымытые баклажаны нарезать тонко вдоль, чтобы получились ломтики в 2 мм. Выложить их в миску, пересыпав солью, и оставить на 15 минут. Затем промыть, отжать и обжарить на растительном масле, пока не подрумянятся с каждой стороны. Сыр натереть, добавить порубленный чеснок, майонез и перемешать до однородности. На каждый обжаренный ломтик баклажана выложить 1 чайную ложку начинки и аккуратно свернуть рулетиком. Сложить готовые изделия в ёмкость, накрыть пищевой плёнкой и оставить в холодильнике на 90 минут. Перед подачей украсить зеленью.

Хорошего аппетита!

7. Шакшука классическая от Шашковой Эммы Львовны — свекрови певицы.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. *Перец болгарский — 1 шт.*
2. *Лук репчатый — 1шт.*
3. *Чеснок — 2 зубчика*

4. Помидоры — 4 шт.
5. Зелень по вкусу
6. Яйцо куриное — 6 шт.
7. Куркума по вкусу
8. Масло оливковое по вкусу
9. Перец чили по вкусу
10. Соль и чёрный перец по вкусу
11. Сахарный песок по вкусу

На макушках томатов делаем надрезы крест на крест и выкладываем их в глубокую миску. Заливаем кипятком на 3 минуты. После чего легко снимаем шкурку с помидоров, а потом мякоть томатов нарезаем. Луковицу мелко нарезаем и обжариваем в растительном масле, затем отправляем к обжаренному луку мелко нарезанный болгарский перец, минут через 7 туда же отправляем нарезанный перец чили и чеснок, обжариваем всё вместе еще 5 минут. Выкладываем к остальным ингредиентам помидоры и томим заготовку 10 минут. Солим блюдо. Если оно получилось кислотным на вкус, то добавляем немного сахара. После чего в массу из овощей делаем шесть углублений и в каждое вбиваем по яйцу. Посыпаем шакшуку солью и перцем, и чуточку куркумы. Белки должны побелеть, а желтки остаться жидкими. Посыпаем их солью и перцем, а потом сверху мелко нарубленной зеленью. Подавать блюдо лучше в той сковороде, в которой готовили, или в предварительно нагретых тарелках.

Кушайте на здоровье!

8. Штрудель с капустой от Галины Фёдоровны Гладковой — бабушки певицы.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. *Мука — 150 г*
2. *Вода — 60 мл*
3. *Растительное масло — 75 мл*
4. *Капуста — 500 г*
5. *Лук — 1 шт.*
6. *Сливки — 100 мл*
7. *Сливочное масло — 50 г*
8. *Кунжут — 1 ч. л.*
9. *Соль по вкусу*
10. *Специи по вкусу*

Соедините воду, муку, щепотку соли и 25 мл растительного масла. Замесите мягкое и эластичное тесто. Соберите его в шар, смажьте растительным маслом, заверните в пищевую плёнку и оставьте на 20-30 минут. Тем временем приготовьте начинку. Лук нарежьте кубиками и обжарьте до мягкости. Добавьте мелконашинкованную капусту. Обжарьте всё вместе до желаемой готовности капусты. Добавьте сливки и потушите капусту до мягкости ещё около 10-15 минут. В конце добавьте соль и специи по вкусу. Затем раскатайте тесто в виде большого прямоугольника, очень тонкое. Смазать растопленным сливочным маслом и равномерно выложить остывшую начинку, не доходя до края. Завернуть короткие края на начинку и начинать сворачивать рулет, каждый виток теста необходимо смазать растопленным маслом. Переложить штрудель на противень, застеленный пергаментом. Смазать верх сливочным маслом и посыпать кунжутом. Запекать в разогретой духовке до 180 градусов около 40 минут.

Штрудель с капустой готов. Вкусно как в тёплом, так и в холодном виде.

Смачного аппетита!

9. Чихиртма от Асият — помощницы по дому и медсестры.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. *Курица — 800 г*
2. *Лук репчатый — 400 г*
3. *Яйца куриные — 4 шт.*
4. *Масло сливочное — 100 г*
5. *Масло растительное — 3 ст. л.*
6. *Помидор — 2 шт.*
7. *Сок лимона — 2 ст. л.*
8. *Куркума — 1 ч. л.*
9. *Бульон куриный — 1 стакан*
10. *Соль, перец по вкусу*
11. *Зелень по вкусу*

Сначала поставим курочку варить. Мелко нарежем лук. Растопим в глубокой сковороде сливочное масло, выложим лук и томим 5-7 минут, посолим. Снимем с помидоров кожицу и мелко нарежем. Добавим к луку, перемешаем и томим ещё минутки три. Тем временем вынимаем курицу из бульона, порционно нарезаем и немного обжариваем. В луково-томатную массу добавляем лимонный сок и половину стакана бульона. Туда же выкладываем курицу. Посолим, поперчим и добавим куркуму для цвета. Вольём оставшийся бульон, закроем крышкой и потушим 20-25 минут. Зелень мелко нарежем. Яйца взобьём вилкой. Вливаем яйца в сковороду, равномерно распределяя по поверхности. Снова накрываем

крышкой и готовим 2-3 минуты, чтобы яйца схватились. Перемешивать нельзя, только прокалывать вилкой при необходимости. Посыпать зеленью и можно подавать! Подавать можно с любым гарниром или как самостоятельное блюдо.

Приятного аппетита!

10. Торт «Зебра» от Марии Сосновской — дочери певицы.

ИНГРЕДИЕНТЫ:

1. Сахарный песок — 2 стакана
2. Масло сливочное — 200 г
3. Яйцо — 5 шт.
4. Сметана — 250 мл
5. Мука пшеничная — 350 г
6. Разрыхлитель — 2 ч. л.
7. Какао — 2 ст. л.
8. Большая плитка чёрного шоколада

В глубокой миске смешать яйца и сахар, взбить до побеления. Не прекращая взбивать, добавить в массу просеянную муку, разрыхлитель, размягчённое сливочное масло и сметану. Тесто должно получиться однородным и густым. Полученное тесто разделить на две части, в одну половину всыпать какао и перемешать. Форму для выпечки застелите пекарской бумагой. По столовой ложке выкладывайте в форму по очереди то белое тесто, то — шоколадное. Форму с тестом поставьте в разогретую до 180 градусов духовку на 40 минут. Тем временем растопите шоколадную плитку на паровой бане и вылейте смесь сверху на готовый торт. Красиво и вкусно!

Ням-ням! Вкусной трапезы вам!

Об авторе

В современной прозе Элла Златогорская (Стелла Давыдова) новичок. Но её жизненный опыт, умение логически мыслить и много свободного времени позволили ей начать любимое дело. С раннего детства она мечтала стать следователем, ловить и наказывать преступников. Не довелось. Но, выйдя на пенсию, она своеобразно осуществила свою мечту: начала писать детективы, остроумные, ироничные, женские — те, которые понравятся всем, и, где преступник будет найден и получит по заслугам. Зло должно быть всегда наказано. В детективах автора просматриваются сюжеты, с которыми мы сталкиваемся в жизни. Умная, сильная женщина с аналитическим складом ума, Элла Златогорская выступает в качестве рассказчица своих детективов. Она любит своих героев, как и своих читателей.

Содержание

Аннотация.....	3
Глава 1.....	8
Глава 2.....	19
Глава 3.....	25
Глава 4.....	30
Глава 5.....	47
Глава 6.....	70
Глава 7.....	85
Глава 8.....	97
Глава 9.....	107
Глава 10.....	120
Глава 11.....	128
Глава 12.....	139
Глава 13.....	151
Глава 14.....	162
Глава 15.....	172
Глава 16.....	178
Глава 17.....	191
Глава 18.....	200
Глава 19.....	207
Эпилог.....	216
Рецепты блюд от героев этой книги.....	219
Об авторе.....	229

ISBN 978-5-907720-21-3

9 785907 720213 >

